С НАСТУПАЮЩИМ

НОВЫМ
ГОДОМ!

Вода и атом

Вот как выглядит шахта реактора.

— Я — с Мангышлака!

Летопись
предсъездовских
дел

Это для них, жителей нового города Шевченко, атом будет покорять морскую воду.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 52 (2009)

26 ДЕКАБРЯ 1965

КАК ВСЕСИЛЬНЫЙ АТОМ БУДЕТ ОПРЕСНЯТЬ МОРСКУЮ ВОДУ?

КАК ИЗ ДВУХ СОЖЖЕННЫХ ПОЛЕНЬЕВ ПОЛУЧИТЬ ТРИ?

Об этом рассказывает наш специальный корреспондент **Герман Макаров.** Он ведет репортаж с полуострова, где очень много нефти и мало воды.

Фото автора.

За окном декабрь, зима, а у меня на ладони чуть матовый, весь в пупырышках, изумрудный огурец. От него веет свежестью летнего утра. Этот огурец вырос не в подмосковной теплице, а только что прилетел оттуда, где даже верблюжья колючка чувствует себя неуютно.

Родом он с Мангышлака — полуострова, где много нефти и совсем мало воды, края, где зимой свирепствуют ветры и морозы, а летом — ветры и жара. С земли, на которой не может расти почти ничего и где уже живет и продолжает расти удивительный современный город, с цветами на улицах и молодыми деревьями в парке.

В здешних местах когда-то томился великий Кобзарь, отделенный от милой своей Украины пустыней и холодными волнами Кас-

Гигантские портовые резервуары готовы принять нефть.

Главный энергетик Владимир Вертейм.

пия. Именно в этом «гиблом месте» вот уже несколько лет действует опытная уникальная установка, опресняющая соленую воду,— поилица и кормилица людей, машин, цветов.

Первый визит — в гостиницу, а оттуда — на поиски «главнокомандующего» мангышлакскими строителями Рубена Арамаисовича Григоряна.

— Григоряна? Пройдите этой улицей в сторону железной дороги два квартала, поверните налево, а там каждый покажет...

Ищу здание посолиднее и повыше и неожиданно оказываюсь перед приземистым бараком.

— Да, административных зданий пока нет. Средства, которые выделяют городу, считаем необходимым направлять прежде всего на улучшение бытовых условий населения,— объясняет Рубен Арамаисович.— У нас тут своя закономерность: количество добываемой нефти — основного богатства Мангышлака — прямо пропорционально темпам жилищного строительства... и количеству пресной воды. Да, да, не удивляйтесь: пресная вода для нас — одна из первых проблем.

Утром, если поднимешься вместе с солнцем и взглянешь с моря на город, то увидишь встающее над степью необычное сооружение. Оно напоминает сказочного витязя, закованного в сверкающие латы. Есть даже копье — высокая труба. Это ОПИУ — опытно-промышленная испарительная установка. Каждые двадцать секунд она испаряет и конденсирует более тонны воды. Сейчас здесь применяют способ, обеспечивающий возможность избавиться от одного из величайших зол установок подобного рода — образования накипи. Опреснитель стал работать непрерывно.

Рассказывая обо всем этом, инженер Борис Тронец ведет меня на строительную площадку новой, уже не опытной, а промышленной установки, которая будет в несколько раз производительней первой.

Ученые и инженеры не считают, что все проблемы опреснения воды им уже удалось решить. Они в поиске. Многое удалось найти, но многое еще требует проверки. В небольшом здании, расположенном рядом с ОПИУ, они испытывают все новые и новые способы опреснения. Здесь хозяйство инженера Евгения Новикова. Несколько лет назад приехал он сюда с женой Галиной, тоже инженером. Приехал и остался...

— Построен морской порт для танкеров, которые повезут мангышлакскую нефть, закончен нефтепровод, быстро растет город. Новые предприятия, стройки, увеличившееся население потребуют еще больше энергии и пресной воды,— рассказывает Рубен Арамаисович.— Чтобы окончательно решить эти проблемы, неподалеку от нашего города Шевченко сооружается энергозавод — комбинат, который будет снабжать город электроэнергией, теплом и опресненной водой. Сердце энергозавода — атомный реактор на быстрых нейтронах. Его мощность — один миллион киловатт. Придет время, и в его активной зоне жидкий натрий отберет от тепловыделяющих элементов их жар и перенесет его в котлы электростанции. Часть тепла, полученного таким образом, пойдет в опреснители и испарит там морскую воду, избавит ее от солей. Трудно говорить сейчас о возможностях этой первой в мире установки для опреснения морской воды с помощью атомной энергии. Во всяком случае, город получит воды в десятки раз больше, нежели имеет сегодня.

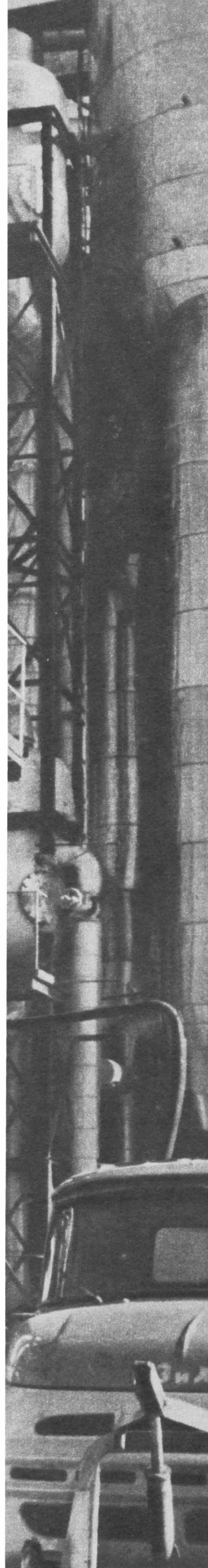
На следующий день — путешествие в недра будущего реактора. Здесь еще идут обычные для всякой стройки работы: сварка арматуры, установка опалубки, бетонирование. Но уже сейчас угадывается величие замысла ученых и инженеров. Через большие трубы проникаем в помещение, чем-то напоминающее сейф крупного банка. Со временем ничто живое не сможет тут существовать. Мой спутник рассказывает об особенностях будущего реактора на быстрых нейтронах: он позволяет получить большие мощности на тех же, так сказать, производственных площадях, то есть по сравнению с реакторами других типов обладает большей удельной мощностью. Кроме того, он сумеет воспроизводить атомное «горючее». Очень приближенно это похоже на печь, в которую кладут два полена, топят, готовят на ней, а затем извлекают из топки три полена, годных для другой печи.

...Домой мы едем мимо «витязя в латах». Скоро встанет с ним рядом другой, одетый в сталь и бетон.

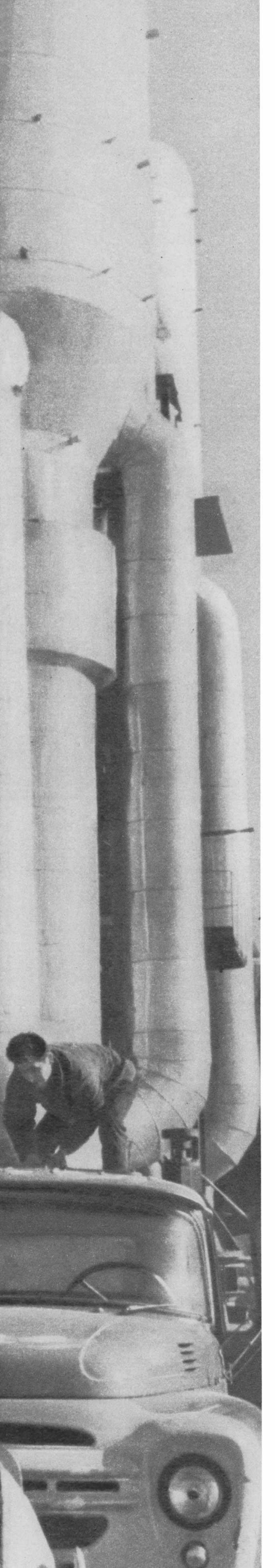
По дороге заезжаем в теплицы, где энтузиасты гидропоники выращивают на камнях помидоры, огурцы, цветную капусту, щавель. Один зеленый сувенир и лежит у меня на ладони...

Пока граница города проходит здесь. Пока — потому, что город строится, растет в высоту и ширину...

У подножия ОПИУ.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ — ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОМУ...

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Я сно вижу, как люди, попридержав дыхание, торжественно-строгие, притихшие, нетерпеливо ждут того мгновения, когда часовая и минутная стрелки, обнявшись, встретятся на цифре «12», ждут, чтобы сказать друг другу: «С Новым годом! С новым счастьем!» Да, люди на всей планете ждут от этого румянощекого пришельца только счастья — и ничего другого. И все-таки за одну-две минуты до его появления они, люди, не позабудут помянуть добрым словом и год уходящий. Ведь счастье твоего наследника зависит и от того, что ты оставил ему в наследство. От нового года мы вправе требовать многого лишь в том случае, если в предшествующие годы сами потрудились много и хорошо.

Ежели говорить о годе, прожитом нашей страной, то шестьдесят шестой, новорожденный, едва ли будет в претензии к старшему брату: последний и честно жил, и честно работал, и, передав новичку все свое богатство, все, без утайки, скажет ему с легким сердцем: «В добрый путь!» В добрый путь, что равновелико: за работу! На неоглядных просторах Родины нашей его ждут недостроенные корпуса новых заводов, на подъездных путях которых в полуночный этот час стоят молчаливые эшелоны с оборудованием; какая-то семья (да не одна, а миллионы таких семей) думает о недостроенном доме, где ей, семье, предстоит скорое, но долгожданное новоселье, и, шепча о счастье, люди, живые люди, связывают это счастье и с этим новосельем также. Год минувший немало принес нового и хорошего сельской, колхозной ниве, хотя погода и оказалась плохой для нее помощницей: была слишком щедра на холод и жару и до чрезвычайности скупа на влагу. И все-таки то, что мы отмечаем мартовским рубежом, безусловно, отрадно для сельского жителя,— новому году остается только по-разумному, по-хозяйски расчетливо воспользоваться добрыми этими предпосылками и поработать так, чтобы было в нашей стране в полном достатке и хлеба, и мяса, и других харчей, чтобы не обременять казну государственную хоть и предвиденными, но не такими уж желательными покупками — вспомните пословицу: «За морем телушка полушка, да перевоз дорог». К тому же заморская телушка вовсе не полушка...

Наши ученые, инженеры, рабочие, говоря о счастье в новогоднюю ночь, думают о делах житейских, и, конечно же, в первую очередь о том, как оправдать ожидания народа. Ждем-то мы от них многого! И того, чтобы все советские предприятия работали на уровне века и на этом же уровне выпускали свою продукцию, чтобы с трепетным придыханием произносилось не слово «заграничное», а другое слово — «наше»; и того, чтобы космические наши корабли устремлялись все дальше и выше, к иным планетам, к иным мирам,— этого требует нетерпеливая и гордая мысль человеческая. Год 1965-й сделал немало для того, чтобы создать всему этому, как сказали бы дипломаты, обстановку наибольшего благоприятствования. Сентябрьский Пленум ЦК КПСС, после Пленума мартовского, открыл новые окрыляющие возможности в хозяйственном нашем строительстве. Важно лишь, чтобы год новый, 1966-й, не упустил благоприятных этих возможностей.

Говорят, человек — хозяин своего счастья. Это верно, но не вполне. Разумеется, он может сделать многое, чтобы стать счастливым. Многое, но далеко не все. Один может стоять у станка, другой склоняться над сложными чертежами, третий водить составы с ценными грузами, четвертый сеять хлеб. Допустим, что трое из этих четырех работают с большой нагрузкой и со всей возможной добросовестностью, а четвертый, в данном случае он может быть и изобретателем, и рабочим у станка, и паровозным машинистом, и землепашцем, а четвертый — с прохладцей, делает лишь вид, что работает, а в результате все четверо не получат того, из чего в конечном счете и складывается счастье человеческое. Мы пока что говорили о созидателях ценностей материальных, но в такой же степени — если не в большей — мы можем говорить и о людях, создающих духовные ценности. Брак в их работе не делает же нас более счастливыми...

Так что мое счастье зависит от всех, равно как и счастье всех зависит от меня. Вот мысль, вот формула, на которой стоит наше общество. Вот о чем так последовательно, так неустанно и так часто говорит всем нам вместе и каждому в отдельности наша партия, которая сама есть не что иное, «как миллионов плечи», объединенных в такой монолит ее великим разумом и ее несокрушимой волей. Вместе с родной своей партией народ придет на ее очередной, XXIII съезд. Почти все партийные съезды мы именуем историческими, и не потому, конечно, что вообще склонны к употреблению высоких слов, но каждый съезд — это действительно веха на историческом нашем пути. Двадцать третьему предстоит поставить свою веху на своем отрезке этого пути. По времени он может быть равным прежним, этот отрезок, но по масштабам, по расстоянию пройденного, а главное, по количеству сделанных добрых дел он обязан быть неизмеримо большим, ибо скорость нашего движения по своей сути, по природе своей должна все время увеличиваться и будет увеличиваться. Конечная же цель этого движения, конечная его станция может иметь одно лишь название — Счастье! Полное человеческое счастье. Не для меня, и не для тебя, и не для него, а счастье и для меня, и для тебя, и для него. Счастье — для всех, кто честно трудится на этой земле.

С Новым годом, с новым счастьем!

Люди из года в год, из века в век с редким упорством повторяют магические эти слова. Повторяют, веря, повторяют, надеясь, хотя не всегда святые эти их упования сбываются. Шептала о счастье и вон та вьетнамская мать, которая рвет волосы и ломает руки над убитым детищем своим в разбомбленной деревне; льются слезы и кровь во множестве других мест — слезы и кровь тех, кто, как и все люди многострадальной планеты по имени Земля, мечтал о счастье и имел право на счастье. «С Новым годом! С новым счастьем!»— скажет пентагоновский генерал, обращаясь к своим сослуживцам и к тем, кто одел и обул его с иголочки,— этим современным алхимикам, добывающим из человеческой крови золото и на крови других создающим свое «счастье». Неутомимые сеятели несчастья всюду, куда б ни дотянулась палаческая их рука, они в новогоднюю ночь тоже бормочут о счастье! И, верно, они в самом деле счастливы, ибо загодя позаботились о том, чтобы раз и навсегда усыпить свою совесть, если она вообще у них когда-нибудь была.

Нормальный человек не может быть счастлив, когда несчастны другие. И когда мы подымаемся за новогодним столом и, посветлев лицом, поздравляем друг друга с Новым годом и с новым счастьем, то делаем это потому, что верим: счастье в конце концов придет, придет не только в мою и твою семью, но придет и туда, где сейчас льются кровь и слезы. К этому взывают, над этим трудятся разум и совесть человеческая. Пожелаем же новому году, чтобы он был еще более настойчив и неутомим в борьбе за счастье людей.

С Новым годом! С новым счастьем!

Шестьдесят пятый многое оставил своему наследнику и еще больше от него требует.

Уверены, шестьдесят шестой окажется достойным его восприемником.

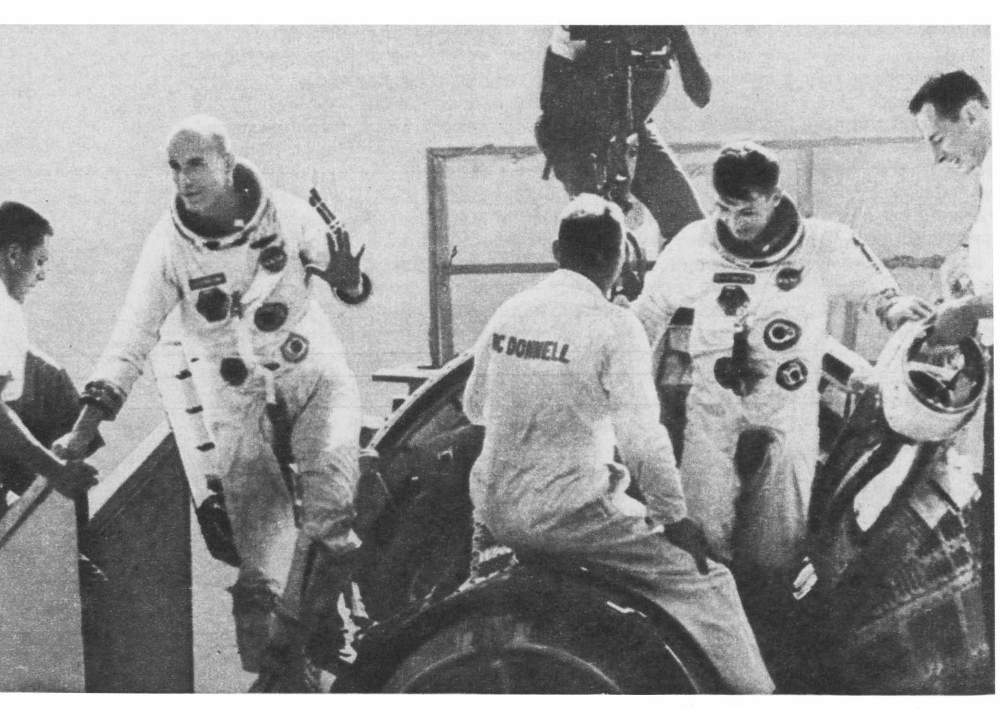
Фото ТАСС, ЮПИ, Альберто Корды.

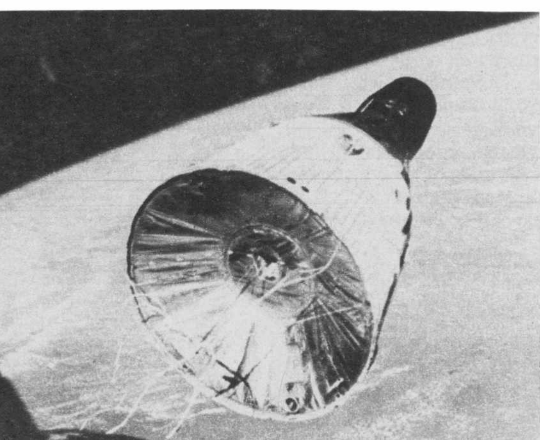
Новый, 1959 год Куба встречала свободной страной. 2 января отважные барбудос во главе с Фиделем Кастро с триумфом вступили в столицу Кубы Гавану. Мы печатаем фотографию известного кубинского фотомастера Альберто Корды, который гостил недавно в Москве. На снимке запечатлен тот знаменательный день, когда ликующая Гавана встречала героев народной революции. Большие шаги вперед сделала с тех пор Куба — первая страна в западном полушарии, строящая социализм.

В начале января на Кубе откроется Конференция солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. В повестке дня конференции — задачи борьбы против империализма, колониализма и неоколониализма, укрепление солидарности народов трех континентов. На снимке: заседание одной из групп Подготовительного комитета конференции.

Томас Стаффорд и Уолтер Ширра возвратились из космического путешествия на корабле «Джеминай-6». Вскоре после них вернулся на землю и экипаж «Джеминай-7». В космосе установлены новые рекорды. Большим достижением американских космонавтов стала операция сближения двух звездных кораблей. На втором снимке, сделанном с корабля «Джеминай-6», — «Джеминай-7» в полете.

В рядах демонстрантов — работники магазинов. Много тысяч людей в Риме приняли участие в этом марше с требованием повысить заработную плату.

На земле штата Нью-Иорк — остатки самолета «Боинг-707». В воздухе от машины отвалилось хвостовое оперение. Пилот отчаянным усилием сумел посадить самолет. Но эта посадка стоила ему жизни. Погибло еще трое. Тридцать пассажиров самолета остались в живых.

Машины на фотографии — одни из немногих, которые были похищены у владельцев крупным «концерном» по угону автомобилей, действующим в Канаде. Годовой доход этого «концерна» достигал двадцати миллионов долларов. Характерно, что полиция арестовала лишь рядовых исполнителей преступных актов.

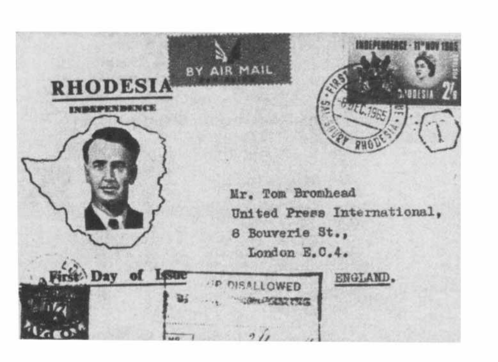
Не так давно в Лондоне произошло наводнение. Морской прилив был очень высок, и Темза вышла из берегов. И по лондонским улицам поплыли лебеди, с сожалением поглядывая на автомашины, которые не умеют плавать.

Эти девушки из города Намдиня в Демократической Республике Вьетнам — работницы с консервной фабрики. У них самая мирная профессия. Но они научились владеть оружием, чтобы быть готовыми к отражению провокаций американских империалистов. В ДРВ, против которой Соединенные Штаты ведут позорную войну, каждый готов к защите родины.

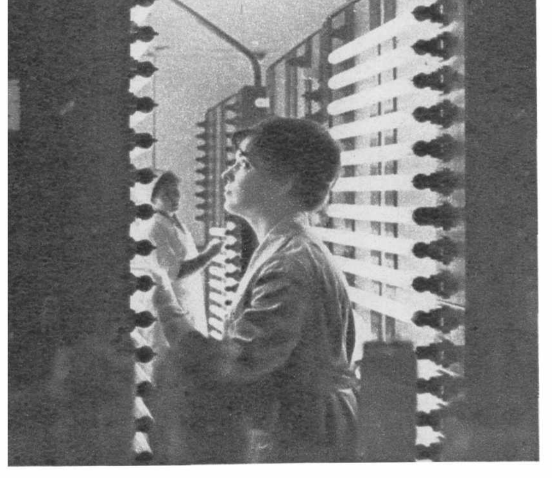
Снимок сделан где-то в Южном Вьетнаме японским фотожурналистом Киоиси Савада. Женщина с детьми спасается от американских бомб.

Чье сердце не содрогнется от ужаса при виде этой картины?.. ↓

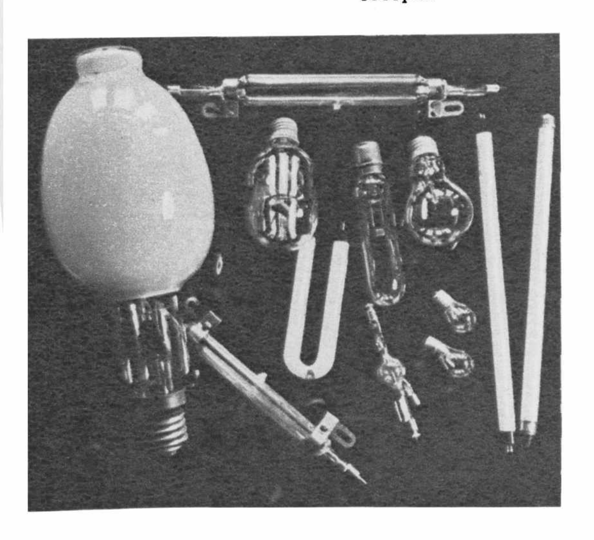
Это письмо пришло в Лондон из Южной Родезии. По случаю провозглашения «независимости» этой страны в Солсбери был выпущен конверт с изображением главаря расистов Яна Смита и специальная марка. Английские власти отказываются признавать законность этих марок, и адресаты в Лондоне должны оплачивать стоимость доставки писем из Южной Родезии. Эта мера английских властей, как и все другие, принятые ими, лишь маскировка отказа предпринять решительные действия против расистов.

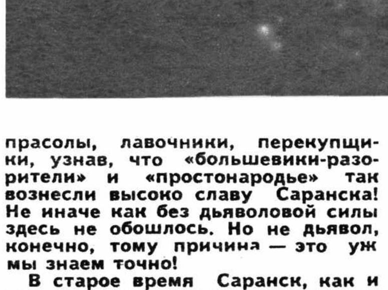

Технолог Нина Тюрникова — хозяйка «дневного света».

Непохожи? А все они родные сестры.

Мордовскими Афинами называли когда-то Пензу, причем не без иронической усмешки. Саранск же этой чести никогда не удостоивался. Был он грязным уездным городишком, который поэт Полежаев назвал когда-то несносным, что было, в общем-то, правильно. Несносен был Саранск со своими немощеными улицами, погруженными по ночам в гнетущий мрак, с подслеповатыми домишками в три окна, с купеческими особняками в два этажа, что являлось признаком высшей по тем временам цивилизации, с многочисленными церквами, с базарной площадью, на которой тонули по веснам и осеням кони и люди, а летом взвивались столбы пыли. Есть картина, принадлежащая кисти мордовского художника Хрымова,— «Старый Саранск». На улице, представляющей собой неслыханную топь, никак не могут разъехаться две подводы; прохожие, скользя и спотыкаясь, еле бредут по дощатому тротуару; козы валят афишную тумбу, стараясь отодрать пропитанную клейстером бумагу; тучи галок вьются над церковными куполами, и на всю эту панораму величественно взирает толстый городовой — символ власти предержащей,— на челе которого отражена единственная мысль: «Тащить и не пущать».

Время от времени город сгорал дотла, но потом отстраивался вновь, что, впрочем, не способствовало его украшению.

А кругом города широко раскинулась лесная сторона, жил в уезде народ всякий — и мордва, и русские, и татары,— нужды было много, и не поймешь, у кого больше. Во всяком случае, курная изба, топившаяся по-черному, была в этом краю до революции явлением обыденным. Было бы тривиальным сообщить, что теперь Саранска не узнать, что на улицах асфальт, что город вырос, превратился в крупный индустриальный центр. Великая революция подняла повсеместно уровень жизни, вызвала неслыханную энергию в народе, и много таких уездных городов, как Саранск, нашли свою новую судьбу, начисто изменили свое лицо, и старому человеку, приехавшему через много лет в родные места, остается только разводить руками, ахать и говорить:

— Ничего узнать не могу.

Но есть одна деталь в развитии Саранска, которая особенно примечательна: «несносный городишко», утопавший во тьме и грязи, стал экспортером света. Свет из Мордовии! Свет из Саранска!

Мы идем с вами по улицам, освещенным электролампами, люминесцентными или обычными, и не подозреваем, что они сделаны в Саранске. Вряд ли мы с вами знаем, что продукция Саранского электролампового завода идет в 50 стран мира, что саранские лампы можно увидеть в Индии и в Канаде, в Польше и в Иране, в Финляндии и в Бирме, в Турции и в Китае, в Алжире и в Чили, в Греции и в Уругвае, в Румынии и в Австралии. За десять лет своего существования саранский завод выпустил более 800 миллионов самых различных электроламп, от люминесцентных дневного света и цветных, от ламп накаливания, от автомобильных и кинопроекционных и до специальных, таких, как эритемные, ртутно-кварцевые и бактерицидные. Когда в 1914 году в Саранске заработала электростанция в 130 лошадиных сил и появились первые электрофонари, то горожанам казалось это чудом.

— Светло, как днем!

Теперь свет саранских электроламп виден в городах едва ли не всей земли!

Как подивились бы старые «отцы» города Саранска — махорочники Никитины, кожевники Сыромятниковы, мукомолы Романовы, мыловары Кирдины и иже с ними — прасолы, лавочники, перекупщики, узнав, что «большевики-разорители» и «простонародье» так вознесли высоко славу Саранска! Не иначе как без дьяволовой силы здесь не обошлось. Но не дьявол, конечно, тому причина — это уж мы знаем точно!

В старое время Саранск, как и прочие города Российской империи, имел свой герб: на серебряном поле красная лиса и над ней три стрелы. Из этого следовало, что охота есть главное занятие здешнего народа и другим заниматься ему как бы незачем. Если бы теперь придумывать герб для нового Саранска, то, конечно, на серебряное или золотое поле следует поместить электролампу мощного света — она представит лицо столицы орденоносной Мордовской автономной республики, университетского города с большой промышленностью, с высококвалифицированным рабочим классом, с многочисленной научной и технической интеллигенцией.

В курной мордовской избе, где по зимам жили под одной крышей и люди, и свиньи, и телята, и птица, дым стлался по потолку, проходил сквозь щели черных стен, через открытую дверь, светильником служила лучина, а керосиновая семилинейная лампа была предметом роскоши. Сейчас в Мордовии есть одна курная изба — в Саранском музее. Больше нигде ее не найти!

Из Мордовии, недавно награжденной орденом Ленина, теперь идет иной свет, и растекается он далеко-далеко в стороны, и любуются им люди, и служит он им в разных широтах, в разных странах.

С Новым годом! С новой жизнью! С новым светом!

БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

В Москве закончил работу VI пленум правления Союза журналистов СССР. На повестке дня стояли важнейшие вопросы развития советской печати. Секретарь правления Союза журналистов генеральный директор ТАСС Д. П. Горюнов выступал с докладом «О задачах советских журналистов в связи с подготовкой к XXIII съезду КПСС». Доклад секретаря правления Союза журналистов СССР доктора филологических наук Е. А. Лазебника был посвящен вопросам мастерства работников печати. Член редколлегии газеты «Известия» Л. М. Иванова остановилась на проблемах подготовки журналистских кадров в университетах страны.

Два дня шел интересный разговор об актуальных проблемах советской журналистики.

На снимке: выступает секретарь правления Союза журналистов СССР Б. С. Бурков.

«Огонек» в Доме ученых

Очередную встречу с читателями редакция «Огонька» провела в Московском Доме ученых.

Перед собравшимися выступили заместитель главного редактора журнала И. Ф. Стаднюк, главный художник И. В. Долгополов, редактор отдела науки К. Н. Бакши, корреспонденты «Огонька» Г. Гурков и А. Сериков, фотокорреспондент Дм. Бальтерманц.

Они рассказали о работе редакции и планах журнала, о поездках по стране и за рубеж, ответили на вопросы читателей.

Тепло были встречены поэты П. Бровка, В. Котов, М. Матусовский, В. Санги, Д. Терещенко, Я. Хелемский и писатель Б. Ласкин, прочитавшие свои произведения.

Во встрече приняли участие редактор отдела литературы Н. Н. Кружков и заведующая отделом писем Л. Г. Мурашова.

И в Москве — саранские лампы.

Сборщица Маша Жданова недавно окончила десятилетку.

Н. КРУЖКОВ

СВЕТ ИЗ МОРДОВИИ

Фото М. САВИНА

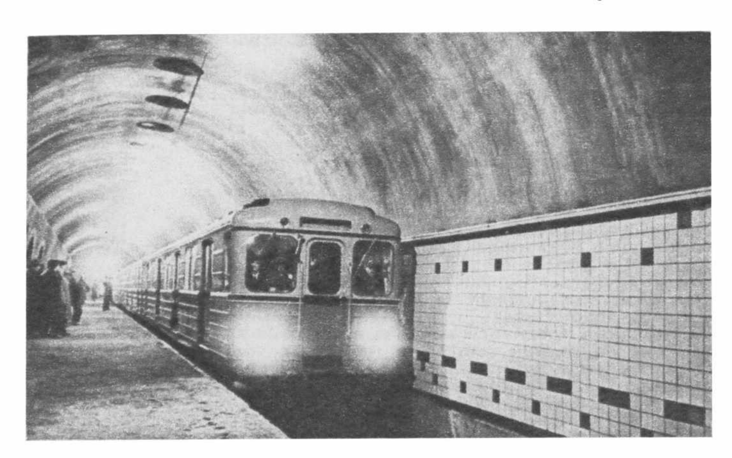

21 декабря во Дворце спорта на торжественном вечере автозаводцев, посвященном победе команды «Торпедо», лучшему вратарю сезона Анзору Кавазашвили был вручен Кубок журнала «Огонек».

ТБИЛИССКАЯ ПОДЗЕМКА

Двери здесь распахнутся к новому, 1966 году. А недавно по первой магистрали тбилисского метрополитена уже прошел экспресс. Семь вагонов, выйдя с пригородной станции «Дидубе», миновали четыре остановки и благополучно прибыли к центру города, на шестую подземную станцию «Площадь Руставели».

Фото М. Квирикашвили

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

Женщины 100 стран мира знают этот журнал. Они знают и любят его. И доказательством тому может служить 20-летняя история журнала.

В декабре 1945 года вышел первый номер «Советской женщины» — издавался он на четырех языках.

И из многих стран стали приходить просьбы издавать журнал и для них. Сейчас он выходит на 10 языках, тираж его за двадцать лет увеличился в 10 раз.

Это ли не показатель читательской любви?

АЭРОВОКЗАЛ — ТРАП САМОЛЕТА

— Новый московский аэровокзал — самый большой в Европе,— говорит начальник Центрального агентства воздушных сообщений Министерства гражданской авиации СССР Вартан Семенович Симонянц.

Он показывает огромный двухсветный зал для пассажиров и приводит внушительные цифры: длина — 276 метров, ширина — 40. Пропускная способность аэровокзала — 3 тысячи человек в час. Центральное бюро бронирования сможет за 10 дней продать 400 тысяч билетов. Билет, который вы закажете по телефону, пришлют по любому адресу или оставят на ваше имя в кассе. Приехав на вокзал, вы здесь же оформите рейс и сдадите багаж. Вертолет, автобус или маршрутное такси доставит вас на один из московских аэродромов — в Домодедово, Внуково, Шереметьево или Быково — прямо к трапу самолета. В распоряжении аэровокзала 45 вертолетов.

— Для чего эти киноэкраны?

— Перед рейсом вы можете увидеть на них летчика, который поведет ваш самолет, узнать, давно ли он летает. Экран «познакомит» вас с бортпроводницей, даст информацию о том городе, куда вы летите, покажет его театральную афишу, расскажет о его гостиницах.

На аэровокзале имеется и кинозал на 400 мест. Это для тех, кто не может вылететь из-за нелетной погоды.

Новый аэровокзал откроет двери для пассажиров в ночь на 2 января 1966 года, а Новый год здесь встретят летчики Московского управления гражданской авиации.

●

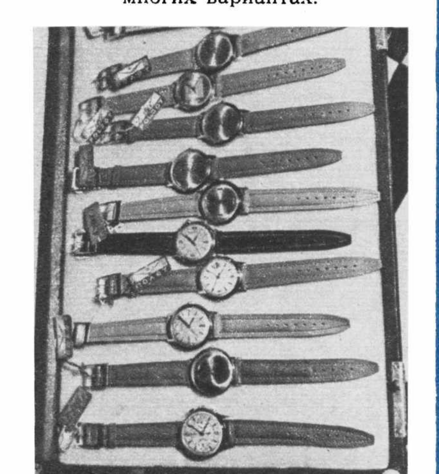
ДУЭЛЬ НАЧАЛАСЬ В 7.00

...Д'Артаньян назначил дуэль у монастыря Кармелиток ровно на семь часов утра. Секундантами пригласил Атоса, Портоса и Арамиса. Друзья не подвели — они явились точно в срок: их всех подняли с постели в 6.00 будильники... советского производства. Это, конечно, шутка — кадры из рекламного фильма, показанного на пресс-конференции, организованной Протокольным отделом Министерства внешней торговли СССР.

Сорок миллионов человек из семидесяти стран проверяют время по нашим часам, экспортированным «Машприборинторгом». В будущем году он предлагает своим покупателям пятьсот моделей — от наручных часов до специальных сверхточных морских хронометров. С этими моделями на днях ознакомились представители зарубежных торговых миссий на выставке «Часы 1966 года».

Ю. КРИВОНОСОВ

Часы «Полет» выпускаются во многих вариантах.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Командировка начинается с телефонного звонка: «Как дела? На месте ли нужные люди?» И будто между прочим: «А как у вас с гостиницей?»

На другом конце провода, в Череповце, замолчали. Видимо, произошло какое-то замешательство. И потом: «Не можете ли вы приехать неделькой позже? Видите ли, у нас совещание доменщиков. Всесоюзное. С трудом разместили».

Это обстоятельство не смутило, а подхлестнуло меня. Я выехала незамедлительно.

...Дворец культуры металлургов. Здесь идет совещание.

— Признаюсь, мне не хотелось уходить с третьей печи.— Высокий худощавый человек на трибуне улыбнулся и поправил очки.— Такого пульта нигде не видел...

Анатолий Николаевич Похвиснев, профессор Московского института стали и сплавов, имел право давать оценки. Немало домен повидал он на своем веку—советских и зарубежных. Только что вернулся из ГДР, с завода «ОСТ». В Череповце он впервые, и здешние печи приятно удивили его, особенно та, третья.

Константин Цимбалов сидел в третьем ряду президиума. Он не видел лица профессора, обращенного к залу. Но Похвиснев на миг обернулся и посмотрел на него, будто похвалил. Цимбалову вдруг вспомнился тот далекий день, когда он сдавал экзамен по спецкурсу. Отчего он тогда разволновался, не помнит сейчас. Любимые выраженьица — «как говорится» и «значит» — выскакивали чуть ли не после каждого слова. Профессор внимательно посмотрел на Константина, взял у него зачетку и вывел в ней большую четверку, похожую на перевернутый стул. Конечно, лучше бы ему иметь по доменному делу пятерку, но что поделаешь!..

Началось распределение. Можно было зацепиться в Москве, поступить в аспирантуру, но Цимбалов настроился на завод.

Десять лет назад заспанный паровичок пригородного поезда докатил его до Череповца. Больше здесь никто не вышел, и он остался один на один с тихой августовской ночью. Было тепло и грязно. Не разбирая дороги, Цимбалов шагнул в вязкую темь и очень пожалел, что не надел сапог. По деревянному настилу, жавшемуся к домишкам с наглухо закрытыми ставнями, он кое-как добрался до общежития. У входа горел один-единственный на всю площадь фонарь.

Утром в цехе спросил: «А Ященко тут?» И обрадовался, когда узнал, что есть такой, с неделю как приехал. С Борисом Ященко Цимбалов учился в одной группе. И в общежитии жили одном. Теперь оба работают мастерами на одной и той же печи — третьей.

Но не сразу стали они мастерами. На первую домну инженеры попросились в подручные. Потому что тот и другой считали: «Теория теорией, но надо почувствовать, «понять» все собственными руками».

На второй домне друзей определили в газовщики. К тому времени обоим по случаю прибавления семейства дали квартиры в новых домах, поднявшихся на первых покрытых асфальтом улицах города. Словом, когда пошли разговоры о судьбе завода, приятели, впрочем, как и тысячи рабочих и специалистов, окончательно осели в Череповце. А разговоры были разные. Кто говорил, что на всем северо-западе нет места более удобного для металлургической базы, чем Череповец. Отсюда рукой подать к Ленинграду, Москве и Горькому. А кто говорил, что завод вообще, быть может, свернут. И в этом на первый взгляд был резон: «Уголь на Печоре, руда на Коле, за полторы-две тысячи километров. В какую же копеечку влетает здешний чугун?» Спасение видели в быстром развитии всего металлургического цикла. Сталь и прокат могли покрыть расходы, которые шли на изготовление чугуна. Вторым резервом могла стать производительность самих домен. А это уж зависело только от металлургов.

Началась загрузка третьей по счету печи, объемом в два раза большей, чем первые. За полгода своего существования она достигла проектной мощности. Это было в начале 1963 года. Прошел еще год, и к великанше потянулись гости из-за границы. Приехали металлурги из Японии, заглядывали во все уголки и не смогли скрыть своей досады: их печь побольше этой на сто кубических метров, а чугуна дает в сутки меньше. И, главное, у череповецких доменщиков это норма, а не рекорд.

А 14 августа, незадолго до круглой даты в жизни завода — первая его домна была задута десять лет назад,— на третьей домне начался знаменитый эксперимент. Длился он целую неделю.

Все заводское начальство, чуть какой-нибудь консилиум, ходило вокруг фурм. К крохотным, как окуляры микроскопов, гляделкам прикладывали синие стеклышки, смотрели, что делается там внутри, в чреве домны. И было видно, как бьется, неиствоствует огонь. Еще б ему не буйствовать! Обычно температура дутья колеблется около тысячи градусов, а тут ее подняли до тысячи двухсот. Увеличили давление газа на колошнике. Но не это было главное — третья домна была приучена к таким режимам. «Вдохнули» в нее львиную долю кислорода — 27,6 процента дутья. Никогда и нигде в мире ни одна печь не получала его в таком количестве. Чугуна повалило больше. Печь, полная им, стала напоминать действующий вулкан, от которого можно ждать чего угодно. Цимбалову «повезло»: вулкан проснулся как раз в его смену.

Только принял он второй выпуск и поднялся по лестнице — хотел было пройти на пульт,— как догнал его Войнов, подручный горнового:

— Трофимыч, шлак бьет!

Цимбалов бросился назад. Сверху, над леткой, в месте, совсем для нее не положенном, фонтанировала огненная струя. Она вырывалась неровно, с гулкими хлопками, будто стреляла.

— Закрывай летку!— скомандовал Цимбалов.

Горновой Мокин побежал к рычагу механического стопора. Сложенный гармошкой стопор распрямился и послушно двинулся навстречу огню. Но закрыть летку не смог: обгорел наконечник. Пришлось тогда действовать вручную, пикой. Длина пики — пять метров. Не каждый ее и подымет. Вот такую пику с чугунной грушей на конце надо в какие-то считанные секунды вонзить в огненное жерло.

Первым поднял пику старший горновой Борис Аверьянов. Не вышло. Потом попробовал Вениамин Войнов. Куда там — отскочил. Следующим эстафету принял Карпов, он самый сильный в бригаде. Цимбалов рассчитывал на него. И он не попал. Осечка. И тогда взялся Мокин.

Затаив дыхание, стояла бригада у жгучей реки, которая и не думала иссякать. Цимбалов расстроился. Больше и браться некому, а в этом поединке с огнем может победить только человек, его сноровка, мужество.

Мокин подошел, чуть помедлил, будто прицеливался, потом рывком бросил пику вперед, налег на нее, вдавливая, и тут же отпрянул в сторону. И вовремя. Искра попала на штанину, сразу же выжгла в ней дыру. А пика осталась в жерле летки. Закупорил!

Несмотря на это происшествие, смелый эксперимент, по свидетельству академика Украинской Академии наук Зота Ильича Некрасова, показал, что страна может с тех же самых печей получить миллионы тонн чугуна дополнительно. И это выгодно, если даже потребуются дополнительные кислородные установки.

Сегодня споров о судьбе завода уже никто не ведет. Дебаты идут по другому поводу: во сколько раз расширить его в новом пятилетии? Сколько и каких построить здесь печей?

...Учитель и ученик встретились у пульта. Похвиснев внимательно осмотрел приборы, поинтересовался работой вычислительной машины. Она, например, может очень быстро и точно подсказать инженеру, сколько надо загрузить кокса или когда прекратить его подачу. Профессор стоял в окружении группы молодых людей — кандидатов наук и аспирантов, его учеников.

Некоторых Цимбалов узнал в лицо: когда-то учились вместе. И он мог быть таким. Мог, но сейчас нисколько не сожалел, что произошло иначе. Он так и не напомнил профессору о злополучной четверке, впрочем, та четверка была очень твердая, уверенная. Лучше какой-нибудь залетной пятерки. Спросил он Похвиснева совсем о другом — о последних металлургических новинках. И Анатолий Николаевич обстоятельно, подробно, как, вероятно, ни на одной лекции, только ему одному стал рассказывать о сложных химических реакциях, в которых участвует газ...

Потом оба спустились вниз, к домне. Она как раз намеревалась выдать чугун. Борис Аверьянов, старший горновой, пробивал кислородным резаком упрямую чугунную корочку, образовавшуюся в летке. Шапка клубящегося ярко-рыжего пара взметнулась под перекрытие, а по желобу, разбрасывая пригоршни белых, как снежинки, искр, хлынул огненный поток...

Череповецкий металлургический завод. Горновой 3-й печи Александр Григорьевич Шабалов.

Молодые, но уже знатные сталевары Валерий Красавин, Юрий Горячев и Леонид Всеволодов.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Из окна гостиницы «Ленинград» видна Бульварная улица.

Сталевар 3-й печи Михаил Циганков.

Борис ПОЛЕВОЙ

Доктор Вера

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Ну и немножко о наших делах. Ведь прожит еще один день из семи. Все находились под впечатлением того, о чем я рассказала: ни смешка, ни ссоры. Никто не рассказывает анекдотов и не забивает этого дурацкого козла.

Даже Василий Харитонович не может скрыть волнения. Вернувшись, я сразу же направилась к нему, благо у койки его в этот момент никто не торчал.

— Вы уже знаете?— Он кивнул головой.— О чем вы думаете?

— О том, что мы такой народ, который ни сломить, ни покорить нельзя. О том, что Адольф Гитлер, наверное, читая сводки с Восточного фронта, кусает себе локти. Вот об этом.

Он сел на койке, положил мне на плечи руки.

— Мужайтесь, Вера.

Вера! Впервые он не прибавил к имени слово «доктор».

Кровь бросилась мне в лицо. Я покраснела, как девчонка, и, не умея этого даже скрыть, пробормотала:

— Я мужаюсь, Василий Харитонович!

— А меня, между прочим, друзья зовут просто Василием,— сказал он.— Ведь вы мне друг, Вера?

— Друг, Василий.

И когда к койке подошел кто-то из наших, мы оба смутились.

Не вините меня. Я только женщина, еще не старая, одинокая женщина. Ничто женское мне не чуждо, но ничего не было, кроме того, что мы назвали друг друга по именам. Да и что может быть в наших условиях? Но сердце, что ж, оно ведь не только орган для перекачки крови. Ему не прикажешь.

Закончился наш день происшествием пока что смешным, но могущим повернуться для нас трагически. Пруссак с командой солдат прибыл отбирать у нас койки. Ну что ж, мы уж как-то внутренне подготовились к этому, решили, что несколько дней можно поспать на тюфяках. Никто не протестовал: берите и убирайтесь поскорее. Я подала пример. Вместе с Домкой вынесла полуторную нашу кровать, а себе постелила на полу и улеглась немного отдохнуть от переживаний.

К Пруссаку прикрепили тетю Феню. Койки складывали и сносили к дверям. И вдруг старуха влетает за наши шкафы, рассыпая словесный горошек:

— Вера Николаевна, матушка, бежал Пруссак-то и койки, басурман, не взял.

Смотрю на нее, ничего не понимаю. И выясняется: дошли они до того больного, у которого с утра сыпь.

— То есть не тиф?— спрашивает Пруссак, со страхом смотря на его воспаленное, точно бы клюквой осыпанное лицо, шею, грудь.

Тетя Феня проста-проста, а тут сообразила, что он тифа боится.

— Да, батюшка, тиф, он и есть. Послал нам господь новое наказание. Тут и еще имеются...

...А Пруссак-то как от койки отскочит, кричит солдатам по-своему: «Вег, вег!», что-то им там еще. Теперь они у двери толпятся, вы уж им про тиф подтвердите. Уйдут, истинный бог, уйдут!

Едва я успела подняться и надеть халат, как отлетела простыня и появился Пруссак. Опять застрекотал он на своей сборной тарабарщине:

— Докторка Трешников, вы не маете свой медицина... Тифус!

— Это еще неизвестно,— сказала я осторожно.— Это мы выясним через три дня, когда болезнь определится.

Пруссак зачастил по-немецки: «Русише швейн» и потом «Карантин». С криком «Карантин!» он устремился к выходу, спасаясь, будто от огня, а с ним и его солдаты, которым слово «тифус» было, как видно, тоже известно.

Словом, койки остались у нас. Сейчас больные их разбирают и возвращают на прежние места. Все ликуют: хорошо, прекрасно, здорово надули немцев. А у меня на душе очень беспокойно. Ну как тут было не пойти к Василию! Он уже все, конечно, знал и к происшествию отнесся философски.

— Хуже, думаю, от этого не будет. Доспим по крайней мере свой госпитальный срок на койках. И барон, вероятно, лишит нас своего общества. Он очень брезгливый господин. Мы с вами, Вера, ничего от этого не потеряем... Но это действительно крапивница, а не сыпной тиф? Они так похожи?

— В этой стадии похожи. Я и сама так сначала подумала. Но опытный врач, конечно, имея показания, легко определит.

— Будем надеяться, что опытному немецкому врачу не до нас...

Как мне хорошо рядом с этим человеком, как притягательно его мудрое спокойствие!.. Было бы хорошо уткнуть сейчас лицо ему в плечо и хоть несколько минут ни о чем не думать, зная, что этот человек подумает за тебя. И вдруг:

— Товарищ полковник, старшина Мудрик прибыл для доклада!

Володя! Ну, конечно же, он, но совершенно какой-то преображенный. Побрился. Исчезла каракулевая растительность. Только по голосу, пожалуй, и можно узнать в этом совсем молодом парне Мудрика, к которому мы привыкли. Ну да еще, пожалуй, потому, что от него пахнет вином и белки глаз у него белеют, как у лошади.

— Доктор Верочка, масса извинений, но мне бы с полковником тэт-на-тэт.

Опять секреты! Какие еще доказательства своей надежности им предъявить?

— Василий, мне уйти?

Черные глаза Мудрика удивленно сощурились.

— Докладывайте, Мудрик,— твердо говорит Василий.

— Я о сегодняшнем фейерверке.

— Я знаю, докладывайте. Вера тоже все знает.

— Еще бы. Через ее голову птички летели. Струсили тогда, доктор Верочка? Неплоха пиротехника? — И вдруг, сразу посерьезнев и став от этого старше, как-то очень хорошо сказал: — Она уже говорила, умер наш комиссар Синицын. Всего избитого, связанного они его привели. Не на петле, а от ран все трое умерли. А сколько фашистов гранатами накрыл? Не знаю. Но были, были... За них троих с походом расквитались.

Так, значит, все они связаны: и Сухохлебов, и Мудрик, и тот комиссар в толстовке... Постойте, постойте, а эта ночь под рождество? Слова Ланской о бородаче, которого она видела в окне... «Есть в народе слух ужасный, что с той ночи каждый год...»

— Так тогда в их казино тоже вы?

— Говорить? — спрашивает Мудрик Василия.

— Говорите.

— Каюсь... Я их тогда кипятком помочиться заставил. Было такое дело. Разрешите поговорить с народом? «Фю-фю-фью».

Но Антонина уже стояла в дверях. Она даже была одета и косилась на меня подозрительным, ревнивым взглядом. Мудрик потоптался, помедлил, потом резко повернулся.

— Пошли, Антон. Наше с тобой — арена тринадцать метров в диаметре. Мое дело — всю жизнь заполнять паузы.

Они ушли, и у меня на душе осталась какая-то горечь.

— Что с ним, Василий?

Сухохлебов улыбнулся, улыбнулся глазами, лицом, морщинками возле глаз, а рот остался неподвижным. Эта странная улыбка как-то очень его молодит. Густо обросший платиновой щетиной, он старик и старик. Но вот улыбнется, и сквозь эту его запущенную внешность, как сквозь грим, вдруг проглянет какой-то другой, неизвестный мне, крепкий и сильный человек. Последние дни он чувствует себя лучше, боли в позвоночнике прекратились, ходит прямо, а вот сейчас улыбнулся — и хоть из госпиталя выписывай.

— Что с Мудриком? — повторила я свой вопрос.

Из нового романа. Полностью роман будет опубликован в журнале «Знамя».

— А вы, Вера, не догадываетесь? — Глаза смотрели хитро и ласково.— Вот и видно, что вы не психиатр, а хирург. А ведь хирурги — народ грубый, им бы только скальпель, раз, раз — и сердце на ладони.

— Нет, серьезно? Он сказал, что заполняет какие-то там паузы.

— Это их цирковой жаргон. Есть такие циркачи-неудачники. Их выпускают на арену, чтобы публика не скучала, пока меняют реквизит. Но если повезет, они заменяют не вышедшего на работу артиста. Я вот тоже в некотором роде заполняю паузы.

— Вы неудачник?

— В известном смысле. И по своей вине. Только по своей вине.

Он заполняет паузы. Какая чепуха! Даже когда его принесли неподвижного, сломленного страшной контузией, когда у него живы были одни глаза, он все равно сразу же стал душой всего нашего госпиталя... Паузы... О каких паузах речь? В такой жизни, наверно, не бывает пауз.

Но высказать всего этого я ему не успела. В соседней палате возбужденно заговорили. Какая-то женщина вскрикнула рыдающим голосом. Что там еще? Но уже бежала взволнованная Антонина. Набитый рот не позволял ей говорить. Наконец, с трудом проглотив пережеванное, она сказала:

— Не выпускают.

— Кто? Кого?

— Там, наверху. Они повесили какой-то желтый флаг. Часовой ходит, уставил в меня автомат: «Цурюк», — и все.

Мудрик стоял у нее за спиной.

— Точно,— подтвердил он.

Василий подтянулся, сосредоточился.

— Значит, заперли,— задумчиво, будто взвешивая происшедшее, произнес он.— Желтый флаг — это строгий карантин. Мы под карантином. Это, конечно, по поводу сыпного тифа.— Он задумался.— Тифа нет. Это ясно. Это ведь легко доказывается. Так, Вера?

Я кивнула головой. Любой настоящий медицинский эксперт это подтвердит. Ах, черт, угораздило меня дать им этот повод! И все тетя Феня — боятся, страшатся, бегут. Вот, пожалуйста, сбежали!

— Допустим, нам удастся пригласить того, ну, которого вы зовете Толстолобиком. Доказать, что ложная тревога,— продолжал все тем же взвешивающим тоном Василий.— Но надо ли? Немецкая армия нас сейчас охраняет. Может быть, это нам выгодно?

— Выгодно, пока он к нам газ не пустил,— вмешался в разговор Мудрик.— Помните тот госпиталь, который мы в Великих Луках отбили? Ни одного живого... Помните?

Что это? Огромная наша Антонина, наш могучий Антон плачет?

— Это у них запросто. Тиф, а раз так, они, вон как тетка Федосья говорит, «рассердился на блох и всю шубу в печь».— Мудрик усмехнулся, искоса, по-лошадиному, сверкнув белками глаз.— Товарищ бригадный, прикажите часового снять? Это мне раз плюнуть, про мой ход они не знают... Антон, прекрати, не разводи сырость.

В палате такая тишина, что слышно, как из рукомойника каплет вода. Все затихли, слушают. Понимают: сейчас решается наша судьба. И как хорошо, что решает ее этот умный и спокойный, опытный человек, а не я, ничего не понимающая в этих делах.

— Не разрешаю,— произносит Василий и продолжает вслух обсуждать: — Разбегаться? Нет, не получится. Лежачих не унести. Много женщин. Дети. Нет, это не выход.— Он думает, и сухое лицо его становится все спокойнее.— Тут этот второй выход через завал, ну, по которому вы лазите, Мудрик...

— Я-то лажу, а Антон вон и кулака не просунет.

— А если завал разобрать? Расчистить сколько можно второй ход на всякий случай. Мудрик, разведайте и доложите.

— Есть доложить, товарищ полковник, а только бы...

— Исполняйте!

Ну ясно уж, все, кто может ходить, собрались. Известие о новой, неожиданной опасности само согнало их к койке Василия. Они говорили как-то, что я здесь вроде пчелиной матки в улье. Нет, матка — это он. К нему

в трудную минуту все тянутся, в его спокойствии ищут собственного успокоения. Ему известны все опасности, а он вон само спокойствие. Нет, я не хочу быть хуже, чем он, я тоже чего-то стою.

— А зачем они будут травить газом? — говорю я громко, явно адресуясь не к Василию, а к «ним». Я вообще в последнее время научилась искусству говорить для «них». Подслушанные слова, разговоры — самые убедительные. Я это по себе знаю и потому продолжаю так же громко: — Зачем им травить нас газом? Вот мой отец — охотник, он говорит: если волк сыт, он и на барана не бросится.

— То волк, Вера Николаевна, а вот хорь, тот из курятника не выйдет, пока всех кур не передушит,— говорит Кирпач, хмуря свои черные кустистые брови.— Тот горло перекусит и бросит, перекусит и бросит. А фашисты — хори.

— Они-то хори, да и мы не куры,— перебивает его Василий.— Давайте всех мужчин ко мне. Всех, кто на ногах стоит. Совет держать будем...

Теперь они держат совет там, в дальней палате, а я, вдруг очутившись без дела, сижу у себя в зашкафнике, слушаю доносящиеся издали голоса, бас Василия, и у меня как-то спокойно на душе. Как хорошо, когда за тебя думают, решают, а ты со всеми, одна из многих и можешь плыть по течению! А Василий — он, кажется, все знает, на все у него ответ. Хорошо идти за таким человеком, и все-таки почему он сказал, что в жизни заполняет паузы? Странно.

Что он имеет в виду?

Там, вокруг Василия, еще шумели, а я, к стыду своему, задремала и потом незаметно уснула, да так, как давно уже не спала.

Проснулась оттого, что кто-то негромко позвал:

— Вера!

Открыла глаза, темно, тихо. Обычные наши ночные звуки. И вода из рукомойника: кап-кап. Померещилось, что ли? И вдруг снова:

— Вера!

Это голос Василия. Он где-то тут, около наших шкафов. Вскочила, оказывается, спала прямо в халате и даже в шапочке. Только ботинки кто-то с меня снял, и они стояли у стола.

— Вера, вы слышите?

И тут я действительно услышала глухой рокот, как будто где-то, очень еще далеко, грохотала гроза, будто гром ходил, перекатываясь по горизонту, раскат за раскатом, как это бывает в грозовые июльские ночи. Гроза зимой?

Я выбежала из зашкафника. Василий стоял в больничном халате из синей вытертой байки у двери и, вытянув шею, к чему-то прислушивался. Я просто остолбенела, увидев, как слезы бегут по его лицу, путаются в серой растительности. Заметив, вернее, услышав меня, он, не отрывая от двери уха, протянул ко мне руки, потом обнял меня за плечи, ласково встряхнул:

— Вера, Верочка, это же наши!.. Артиллерийская подготовка! Начали точно в пять ноль-ноль.

Руки его так и остались у меня на плечах. Мы стояли, слушали. Да, конечно же, это не гром. Где-то еще далеко, но густо и дружно бьют пушки. Теперь, когда я прислушалась, в их сплошном гуле можно уже различить голоса разных калибров.

— Началось, Вера! Началось! Понимаешь ты это? Началось! — говорил Василий, глядя в сторону грохота и не замечая, что называет меня на «ты».— Дождались... Идут! Идут родные!

Он так был полон этими долетавшими издали звуками, что, должно быть, не замечал, что руки его обнимают меня и что у него текут слезы. Он вообще ничего не замечал в это мгновение. Нет, нельзя, чтобы таким его видели. Я взяла его под руку. Привела к себе. Не тревожа ребят, мы осторожно присели на краю кровати.

— Карту этого района я хорошо знаю по памяти. Начали где-то за элеватором, километрах в десяти... Обрабатывают позиции противника на реке... Густо бьют. Должно быть, с боеприпасами неплохо... Но он еще не отвечает... Слышишь? Слушай, слушай...

Что слушать? Этот раскатистый гул? Что можно в нем различить? С меня довольно и того, что я знаю: бьют наши пушки, рвутся наши снаряды, говорит наша Красная Армия. Она идет к нам на выручку. Мы слышим ее голос. Родной голос... Мамочки, неужели кончается этот кошмар?.. Ну чего ты плачешь, чего ты плачешь, дура? Смеяться надо, а у тебя слезы текут... Но Василий не видит моих слез. Он — весь слух, весь захвачен звуками канонады.

— Стихает, пошли... Ага, вот немцы. Но у них жиденько,— бормочет он, как завороженный, и его глаза покрыты прозрачной глицериновой пленкой...— Ага, ага, авиация! Слышишь, Вера, эти редкие разрывы?.. Лупят по их тылам. Отсекают резервы. Вера, ты знаешь, что значит, когда бьют по тылам?

Я ничего не знаю. Да и какое мне дело, почему сейчас там бьют. Я слышу голос наших орудий. Он звучит могуче, и этого с меня достаточно. Лишь бы он не смолк, этот голос. Лишь бы там, на реке, у наших все было хорошо.

— Бьют по тылам, это значит, мы двинулись вперед. Это значит, передовые батальоны уже форсировали реку.— Он посмотрел на свои большие ручные часы.— Ух, Верка, это же здорово! — И он вдруг хлопнул меня ладонью по плечу.

Нет, Васькой я его, конечно, назвать не решилась бы. Но во всем этом было что-то такое задорное, комсомольское, молодое, что ни за «Верку», ни за этот хлопок я не обиделась.

— И сколько же может продолжаться это? Когда же они нас освободят?

Ему явно было трудно отрываться от звуков далекого боя.

— О чем ты?.. Ах, да, когда?.. Не знаю. Я еще никогда не брал городов. Я их только сдавал. Сдавал по-разному: за ваш город мы бились пять суток.

— Пять суток? А у нас продуктов осталось на четыре.

Он посмотрел на меня, как на маленькую.

— Эх, Вера, если бы это было самым страшным!

Эта фраза сразу опустила меня на землю. Продукты. Там, у входа, карантинный флаг. Часовой. Мы закрыты, как в капкане.

— Думаешь, они с нами, как с теми в Великих Луках?..

— Ну вот мы уже и на «ты»,— улыбнулся он.— Ну что ж, преотличное местоимение. Так что ты спросила?

— Антонина ревмя ревела, когда рассказывала, что вы там нашли, отбив госпиталь.

— Было... Был такой случай. Фашизм есть фашизм... Но тут все зависит от наших, как они пойдут. И от нас — нас ведь голыми руками не возьмешь. Не дадимся. Бетон-то вон какой. Вес всего здания выдержал. И двери стальные, болтами задраиваются и еще...— Что еще, он не сказал, а снова весь подобрался и превратился в слух.—...Ага, это уже севернее, ближе. Должно быть, сосед включился. Правильно, они охвата боятся, как и мы боялись... Мы, Вера, не куры. Мы тут кудахтать не будем и хорьку шею не подставим... А второй-то почти без подготовки пошел... Неужели уж немцы дрогнули?

Мы так были увлечены этими звуками, что не заметили, как ребята проснулись и слушают нас.

— Кто, кто это, Василий Харитонович? — спрашивал Домка.

— Дядя Вася, какой сосед? Кто идет?

— Мы,— ответил Сухохлебов.— Понимаешь, мы, Дамир Семенович, мы... Ну, пора к людям.

Василий вышел. И вот уже из глубины палат доносится до меня его рокочущий голос:

— Товарищи, наши войска начали сокрушительное наступление восточнее Верхневолжска. Они форсировали Волгу и, сломив сопротивление противника, двигаются вдоль шоссе к восточной окраине города.

Что тут поднялось! Даже когда женщины разносили мисочки с жиденьким нашим супом, от одного вида которых обычно у всех жарко загорались глаза,— эти миски оставались стоять на тумбочках, и парок валил над ними. Ели машинально, не чувствуя запаха прелого пшена, не помышляя о добавке. Звуки артиллерии точно околдовали всех. Теперь уже отчетливо слышалось, что артиллерия грохочет южнее, звуки ее громче. Должно быть, это доносилось уже из Заречья, может быть, даже из города.

М-да, оказывается, поспала-то я изрядно и многое прозевала. А наши не теряли времени. Тяжелые железные двери газоубежища были закрыты, задраены болтами. К дверям снесли кирки, железные ломики, лопаты, металлические щипцы для тушения зажигалок. Словом, весь пожарный инструмент, какого вдоволь было припасено еще до войны в чуланах. Топоры были разобраны по рукам и стояли возле коек наших красноармейцев. Жизнь кипела в палате у входа. Меж людьми мелькал Мудрик, именно мелькал, потому что, казалось, его можно видеть одновременно в нескольких местах. Крепко перепоясав свой старенький, с чужого плеча пиджак, подтянутый, возбужденный, он появлялся то тут, то там. Из карманов пиджака торчали рукоятки гранат. Пожалуй, он единственный чувствовал себя в своей стихии, насвистывал, напевал и даже пытался дробить чечетку от нетерпения.

От вчерашней апатии, от тяжелой неподвижности, одолевавших моих больных в последние дни, не осталось и следа. Женщины собрались в средней палате, о чем-то спорили. Просто не узнавала людей, все стали покладистыми, добрыми.

— Вера Николаевна, наши-то вон как кричат!

— Милая, выходила ты нас, спасла, сохранила! Господь тебя за это не оставит!

— Доктор, а к обеду-то придут? Молотят-то близко. Точно цепами стучат.

...А между тем гул и гром явно приблизились. Мы под землей. Мы прикрыты огромной руиной. Но мне уже чудится, что даже отсюда я различаю сухой треск пулеметных очередей. Нет, нет, это обман слуха. Разве он может дойти сквозь потолки литого бетона. Сегодня я практически никому не нужна, никто ни на что не жалуется. Некому помогать. Даже тот, с крапивницей, которого приняли за сыпнотифозного и из-за которого тут весь сырбор загорелся,— и его не отличишь среди остальных. Даже, кажется, и сыпь прошла. Вот и не верь после этого психотерапии.

Мы собираемся вместе — Мария Григорьевна, тетя Феня и я. Мы никому не нужны. Второй эшелон. Даже как-то грустно вне этой нервной, напряженной суетни. Тетя Феня изрекает: «Всякому овощу свое время» — и берется за спицы. Мария Григорьевна рассеянно раскладывает карты, а я хожу по маленькой комнатке, меряя ее шагами. Прислушиваюсь к грохоту пушек и представляю себе — где это? Когда-то, когда мы не были еще женаты, мы с мужем ездили на ялике вниз по Волге. Там была чудная березовая рощица. Мы бегали по ней, собирали грибы и немножко целовались. А потом напротив через шоссе построили элеватор. Василий говорит, что там наши и перешли Волгу. Это же совсем недалеко от круга трамвайной линии. Они ж идут! Совсем немного ждать. Хоть бы заняться чем и не болтаться зря. Пожалуй, приведу в порядок истории болезни, или, как выражался этот «фон», скорбные листы, чтобы, когда наши придут, все было в ажуре. А что?

Идея... Когда придут? Останемся ли мы к этому времени живы?

Вожусь с историями болезней. Это успокаивает. Выстрелы и разрывы совсем близко. Да что там близко, конечно же, в городе. Несколько снарядов шлепнулось рядом, так что подвалы встряхнуло и вода задрожала в кувшине... Ну что ж, у нас неплохие итоги. Всего осталось у меня на руках шестьдесят пять больных, двадцать три поступило — восемьдесят восемь. Умерло трое — восемьдесят пять. Выписался один — восемьдесят четыре. Сделано восемнадцать операций, из них семь сложных... Право же, неплохие итоги для таких чудовищных условий. В первый месяц, после того, как Дубинич развернул наш госпиталь, мы работали не лучше... Ай да доктор Вера! Мне, кажется, не придется краснеть перед нашими... Дубинич... Серега Дубинич... Сергей Сергеевич... Военный врач второго ранга... А ведь он скоро явится. Интересно, какими глазами, товарищ Дубинич, вы будете смотреть на нас, которых впопыхах позабыли или бросили... И все-таки мне не хочется в это верить. Может, что-то серьезное не позволило прислать машины. Но как приятно, черт возьми, будет сказать: «Товарищ военврач второго ранга, неаттестованная Трешникова докладывает вам» — и привести эти цифры!.. Кажется, кто-то стучится.

— Кто там?

Василий. Он очень смешно одет. Все на нем с чужого плеча, все разное, и все безумно мало. Руки чуть не по локоть торчат из рукавов, а ноги из брюк, как у американского киноартиста Пата, и лицо заросшее.

— Можно войти?

— Садись, Василий,— говорю я, подвигаясь на койке. Он не садится, он стоит, смотрит на меня, и я опять начинаю краснеть.

— Вера! Наши в городе. Немцы, видимо, отступают. Наверное, уже рыщут эти их специальные команды поджигателей... Понимаете?.. Понимаешь?.. Сейчас все решится. Мы будем обороняться до последнего, но... Словом, перед этим я считаю долгом сказать тебе: я тебя люблю...

Я почему-то не удивилась. Даже форма объяснения, похожая на рапорт, не то на приказ, не обидела. Признаваться, так уж признаваться начистоту. От этих слов все во мне вздрогнуло, потянулось к нему. Но он продолжал стоять.

— Вот и все.— Он хотел уйти. Я удержала.

— Присядь, Василий.— Достала клеенчатую сумочку с документами, которую все эти месяцы ношу на шее на шнурке. Вынула оттуда письмо мужа, то, единственное.— Прочитай.

Он осторожно взял это письмо, написанное

на оборотной стороне махорочного пакета, и, далеко отставив его на ладони, стал разбирать невнятные каракули моего мужа, как бы ступеньками сбегающие сверху вниз. Я знаю письмо наизусть от надписи наверху «Товарищ, нашедший это...» и до остренького кренделька, в котором лишь я могу разобрать подпись «Семен». Во все глаза следила я за лицом Василия, когда он читал слова: «Не верь ничему, что будут обо мне говорить или писать: я большевик-ленинец и останусь до смерти большевиком-ленинцем». Читая это, Василий нахмурился, закусил губу. Дальше муж писал: «Я вынужден был написать чудовищное признание, но если сложить заглавные буквы моих показаний, выйдут слова: «Все это ложь, вымученная из меня». Прочтя это место, Василий отложил листок.

— Так. Я тебя понял, Вера,— сказал он, вставая.— Я это знал.— Он улыбнулся. Улыбка получилась болезненная, кривая.— Но, как говорится, не мог не доложить.

Не судите меня, люди. Я не смогла, не овладела собой. Все это получилось как-то непроизвольно. Я вскочила, взяла в ладони его голову, наклонила к себе, поцеловала сухие, растрескавшиеся губы. Сильные, мужские руки обняли меня.

— Вера, ты...

Но там за шкафом поднялась суетня. Мудрик кричал: «Где полковник?» — и голос Стальки. Я, чтобы они не бегали, не мешались и не рисковали, посадила их в хирургическую скатывать стираные бинты. Так вот голос Стальки: «Он у Веры, но туда нельзя». Мы отодвинулись, почти отскочили друг от друга. Василий отбросил занавеску, вышел в палату.

— В чем дело?

— Подъехали. У дверей топчутся. Стучат,— доложил Мудрик.

— Оружие разобрали?

— Порядок полный, товарищ полковник.

Когда я вышла, действительно был полный порядок. Женщины были отведены в глубь подвалов, мужчины с топорами, ломиками и еще каким-то противопожарным инструментом стояли по обе стороны железной двери. Слышались глухие удары.

— Первую дверь ломают.

— Ну та подастся, она деревянная.

Удары становились слышнее. Они даже заглушали близкую канонаду. Что-то затрещало.

— Вроде бы подалась.

— Нет, еще держится.

Теперь бухали чем-то тяжелым.

— Должно быть, бревном.

— Эх, братцы, сейчас бы да закурить!

— Перед смертью не накуришься.

— Но, но, перед смертью... Возьми-ка еще нас!

— Ой, господи, хоть бы наши скорее, что они там копаются!

Сквозь удары и скрежет выламываемого железа прогремело несколько близких разрывов. Среди моих солдат, что с топорами караулили у двери, я заметила Домку. Он был в халате и шапочке, но в руке сжимал ломик. Этого только не хватало!

— Дамир, сейчас же прочь отсюда!

Он даже не посмотрел в мою сторону.

— Дамир, убирайся немедленно.

— Нет. Василий Харитонович, скажите, нет.

— Мать права, Дамир.— Василий на миг оторвался от того, что там происходило, за дверью.— Ты не солдат, ты — брат милосердия. Есть такая Женевская конвенция, она запрещает медицинскому персоналу участвовать в боях. Вот и матери твоей тоже. Уйди, Вера. Все прочь от двери!

Послышалась длинная автоматная очередь. Первая дверь, видимо, была уже выломана. Били в нашу, во вторую. Она вся загудела, но ни одна пуля не прошла сквозь ее массивную металлическую створку. Да, газоубежище строилось добротно. Новые и новые очереди вызывали только оглушительный гром.

— А, не по зубам пирог! — торжествующе хохотнул кто-то.

— Дамир, Вера, прочь отсюда! — скомандовал Василий.— Готовьте медицину... Дамир!

— Вас понял,— вытянулся Домка. Он еще все жался к стене тут, у двери. Ну что он, дурачок, может сделать со своим ломиком? А я? Действительно, мы нужнее там, в хирургической.

По пути задержалась среди женщин. Они теснились в дальней палате. Кто-то плакал, кто-то причитал, кто-то молился. Но большинство стояли с каменными, твердыми лицами. Стояли и слушали. Ведь и здесь уже были слышны наши пушки.

— Успокойтесь, теперь недолго,— сказала я, а сама думала: хоть бы с ними не разреветься. А вот девчонки, им хоть бы что! Зиркают по сторонам любопытными глазенками, очень все им интересно. Отослала их вместе с Антониной и тетей Феней готовить на всякий случай операционный стол. Ушли и через минуту опять появились. Как бы это их отвлечь?

— Девочки, будете адъютантами при мне. Для поручений.

— Ма, что там? Вон Вова бежит.

Действительно бежал Мудрик.

— Палить нас хотят, за бензином послали.

— А вы куда?

— Сейчас я их угощу мороженым.— Он сорвал с себя куртку, остался в одной нательной рубахе, для чего-то закатал рукава и обнажил волосатые, густо нататуированные руки. Даже в такую минуту не мог не рисоваться. Потряс двумя гранатами.— Сейчас мы им преподнесем эскимо.

— Как же вы к ним?

— Парадное на ремонте, мы через черный ход.

— Но ведь его же совсем не расчистили.

— Там, где не пройдет горный козел, пробежит Вовчик Мудрик.

Он посерьезнел, осмотрел гранаты, пощупал пальцами чеки.

— Сейчас вы увидите смертельный номер. Под куполом без лонжи. Имею просьбу — дайте руку на счастье.

Рука у Мудрика была горячая, сухая. Я крепко пожала ее. Это мне хорошо запомнилось, ибо сразу же он исчез. Несколько минут или секунд я слышала только грохот совсем уже близкой канонады, а потом наш подвал дважды встряхнуло. Встряхнуло очень ощутитель-

ОТЧЕГО УМЕР СК

Н. ТОЛЧЕНОВА

По правде сказать, в начале нового спектакля Малого театра «Рождество в доме синьора Купьелло» никак нельзя предположить, что этому наивному, добродушному синьору, погруженному в спокойный и светлый, выдуманный им мир, словно в защитную оболочку,— таким играет своего сказочника В. Доронин,— суждено умереть... Уж если кто и заставляет тревожиться о себе, так это, разумеется, жена Луки Купьелло — Кончетта — порывистая и темпераментная в исполнении О. Хорьковой. Дело в том, что взрослые дети четы Купьелло — сын Ненилло и дочь Нинучча — частенько доводят синьору Кончетту до слез и даже обмороков, иной раз, быть может, больше притворных...

Ну, а что касается их славного, но рассеянного, душевно близорукого отца, то он с полной безмятежностью хлопочет над изготовлением никому не нужной рождественской игрушки — чинит и клеит картонные ясли Христа-младенца... Ловко пристроенные синьором Купьелло к игрушке ведерко с водой и клизма позволяют пустить малюсенький фонтанчик возле кормчы волхвов,— не игрушка, а просто чудо!.. И если чем огорчает отца вороватый и туповатый белесый Ненилло — М. Кононов, то только своим злым упорством, с каким отрицает красоту, прелесть игрушки. Этот парень лучше из дому насовсем уйдет, чем похвалит отцовскую работу!

А какова дерзкая Нинучча, сыгранная Н. Корниенко! Отец-то, правда, убежден, что эта красавица и капризница просто из-за своих причуд вечно ссорится с мужем коммерсантом Никколо (С. Конов), что брак по расчету принес счастье Нинучче. Любящий отец не видит того, что видят все... И даже когда в доме, к ужасу матери, появляется Витторио, любовник Нинуччи (В. Коняев), отец радушно приглашает юношу отпраздновать рождество вместе: ведь у Витторио такой приличный вид! И ему так понравилась рождественская игрушка!..

Внезапно открывшаяся перед сказочником грубая правда жизни столь страшна и жестока, что разит синьора Луку Купьелло наповал. И вот у постели умирающего, рядом со скорбной Кончеттой, хлопочет бледная, преобразившаяся Нинучча. А Ненилло на коленях нежно уверяет отца, что игрушка ему нравится, да да, очень нравится!..

Увы, разбитое человеческое сердце не склеишь, как игрушку; и ничто уже не поможет синьору Купьелло: ни запоздалое внимание детей, ни лекарства и рецепты доктора (И. Верейский), ни безмолвная тоска

но, и тут я увидела бледного Домку в окровавленном халате. Все поплыло перед глазами.

— Сынка, что с тобой?

— Там Мудрик, его из автомата.— И вдруг виновато.— Ма, ты не сердись, он все один, я, честное слово... только вынес его из боя.

Он еще извиняется.

— Да где же он? — закричала я.

Мы бежим в этот полузасыпанный проход. Он становится все у́же, у́же. И вот прислонившаяся к кирпичной глыбе темная фигура.

Я до сих пор не понимаю, какими силами Домка, который, оказывается, увязался за Мудриком, пронес или проволок его, раненного, по этому полузасыпанному темному коридору. Спрашивать было некогда. Важно было, что Мудрик здесь, сидит прислоненный к стене, что он жив и требует помощи.

Он был в сознании. Тут я узнала, что озорные, бесстрашные глаза его могут быть испуганными, тоскливыми. Сидит и что-то шепчет. Беззвучно шевелятся сухие губы. Я наклонила ухо к самому его рту. Вместе с булькающим, хриплым дыханием я услышала:

— Факир был пьян, номер не удался... Дрова, доктор Вера.

Что это, бред? Кто-то принес носилки.

— Прямо на стол, готовить к операции.

Антонина оттолкнула носилки ногой. Бледная, такая, что на лице ее можно было разглядеть каждую веснушку, она с материнской осторожностью подняла раненого на руки и отнесла в операционную.

— Введите камфару, морфий.

Две раны. Обе в области грудной клетки. Навылет. Стараюсь представить себе картину катастрофы. Пульс неплохой. Температура? Странно. И температура ничего. Что же там разрушено? Можно думать о самом худшем. Но пульс? Нет, пульс не падает. Ах, какой он мускулистый! По нему можно анатомию изучать. Ну и везучий: кажется, ни один магистральный сосуд не поврежден. Ага, вот где кровь, и сколько! Нам немало приходится повозиться, пока удается перехватить поврежденные сосуды и очистить операционное поле. Ну, теперь картина ясна. В общем-то, Вовочка, ты родился под счастливой звездой.

Хлороформу не хватило. Больного не удалось усыпить. Все идет под местным наркозом, который при таких сложных ранениях, конечно, не все обезболивает. Но Мудрик — молодец.

— Как вы себя чувствуете, Вова?

— Превосходно, как в бане на третьей полке.

— Не очень больно?

— От ваших рук боль — радость.

Только по тому, как в иные моменты зеленеет и покрывается испариной его лицо, а руки судорожно вцепляются в край стола, я и узнаю, каково ему.

— Потерпите, я скоро кончу.

— Есть потерпеть, доктор Вера.

Есть счастливые хирурги. Вон хоть бы тот же Серега Дубинич. Для них операция — работа, искусство. Для них больной — объект операции. Они во всех случаях действуют спокойно, а я вот просто малодушная баба. Никак не могу отрешиться от мысли, что оперируемый не объект, а такой же человек, как и я, что ему тяжело, больно. Я вместе с ним начинаю переживать эту боль, цепенею, когда он стонет или вздрагивает, и иногда у меня вырывается это дурацкое бабье «ой». Понимаю, глупо, знаю, плохо действует на больного, на ассистентов, а вот сдержаться не могу. И этот Мудрик угадал мою слабость.

— Ну потерпите, потерпите, скоро.

— Пожалуйста, мне не к спеху. До ухода с арены есть уйма времени.

Милый Мудрик, как он поддерживает меня этим своим балагурством, и только, когда боль лишает его сознания, он начинает скрипеть зубами, и скрипит так, что я боюсь, как бы они не раскрошились. Наверное, еще у меня не было такой операции. Я вся ушла в нее. Весь мир был сосредоточен на этом маленьком пространстве, на этой разверстой груди, где, как налитый кровью маятник, отстукивало время сердце, где все пульсировало и жило своей жизнью. Антонина никуда не годилась сегодня. Роняла инструмент, плакала, даже подвывала как-то. Ну, а тетя Феня превзошла себя. Она как бы слилась со мной, старалась угадать мои движения, вовремя подать мне нужное. Мы почти не разговаривали.

Наконец-то я смогла разогнуть спину и будто из какой-то шахты поднялась на поверхность... Что там такое? Почему шум? Почему кричат? Откуда незнакомые голоса? Что же все-таки происходит? Завязываю последние узлы. Вот теперь, когда опасность для оперируемого миновала, вдруг задрожали мои руки. И тут я соображаю — незнакомые люди там, в палатах, говорят по-русски. Что же это такое? Неужели наши? Впрочем, об этом можно догадаться по глазам тети Фени, которые так сияют в прорези марлевой маски. А у Антонины ее зеленые «козьи» глаза тревожны и тоскливы. Смотрит на Мудрика и, должно быть, кроме его зеленоватого лица, ничего не видит и не слышит.

— Наши? — спрашиваю я.

— Давно уж,— подтверждает тетя Феня и начинает истово креститься на стоящий в углу сверкающий автоклав.

— Наши?— почти кричит Мудрик.— По зеленоватому лицу пятнами идет румянец.— Разрешите — ура, доктор Вера? — спрашивает он и тут же лишается сознания.

— Тоня, дайте нашатырь... Вы меня слышите?

До Антонины и сейчас, должно быть, все не дошло. Она видит только своего Вовчика, и когда он снова открывает глаза и улыбается ей, она, позабыв о гигиене хирургии, целует его через марлевую повязку, закрывающую ей рот.

А я постепенно осмысливаю, что произошло за те два часа, пока я возилась у операционного стола. Раз там наши, гитлеровцы до нас не добрались. Мы спасены. Привычный мир вернулся к нам, отыскал нас. Хочется броситься туда, к своим, но тихо, тихо. Спокойствие, доктор Вера. Долг прежде всего, как говорил нам Кайранский. Все надо доделать. Укрываем забинтованного марлевым пологом, поднимаем и перекладываем его на каталку. Ну, теперь можно опустить маску. И в это мгновение:

— Верка!

В дверях Дубинич, собственной персоной. Он ввалился в операционную в полушубке, в валенках. Меховая рукавица, как у маленького, болтается у него на веревочке. Белый чуб выбился из-под меховой шапки. Я замечаю, рукавица болтается одна, а правый рукав полушубка пустой и заправлен за пояс. Но он весел, полон энергии.

— Верка! — кричит он.— Молодец Верка!

Не удивляйтесь: «Верка, Сережка»— это наше обычное с ним обращение. Муж никогда не ревновал меня к нему, и я не стеснялась при встрече при нем подставить Сережке щеку для поцелуя. А вот сегодня, несмотря на то, что очень ему обрадовалась, я почему-то почувствовала себя связанной и, сдирая резиновые перчатки, говорю ему:

— Здравствуй, Сергей Сергеевич!

На миг он оторопел, даже как-то отпрянул, но тут же нашелся:

— Здравствуйте, доктор Трешникова! Позвольте поприветствовать вас от лица Красной Армии-освободительницы.

Наступило неловкое молчание. Я смотрела на его пустой рукав.

— Когда?

— В ту ночь. Из-за этого опоздал на свидание. Нашу машину разбомбили в пути. Я легко отделался, шестерых убило. Ну теперь-то ты позволишь мне пожать твою мужественную руку?

И он протянул мне свою единственную.

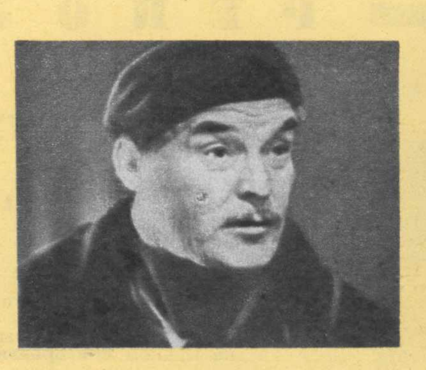
азочник...

суматошного Паскуалино — это брат Луки, беспредельно несчастный в своем одиночестве старик, поразительно сыгранный В. Кенигсоном.

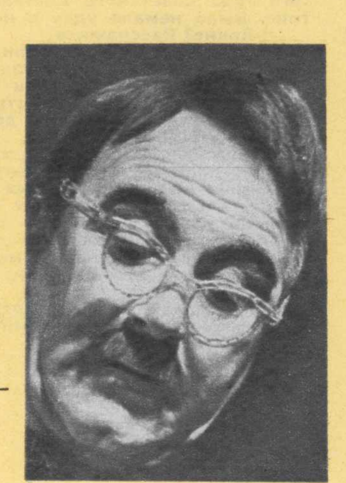
В спектакле просто не о ком сказать иные слова, кроме хороших; и все же дело тут не в одних только актерских работах. Пьесу Эдуардо де Филиппо можно было и поставить и сыграть по-разному. Скажем, можно было увидеть в ней только приятный, приемлемый для любой публики мелодраматический пустячок и соответственно поставить ее, обнажив житейски незамысловатое течение сюжета. Постановщик же спектакля Л. Варпаховский увидел в пьесе глубокие философские, жизненные пласты, почувствовал и тревожный, и ироничный, и веселый, и печальный подтекст «грустной комедии». И разговор, идущий на сцене, обрел высокие этические, нравственные критерии. Спектакль заставляет зрителей задумываться об устоях человеческого счастья, подсказывая, что счастье лишь тогда крепко и прочно, когда корнями своими уходит в жизнь, а не в сказку, пусть самую добрую...

Великолепная находка режиссуры — финал спектакля. Немая сцена. Осиротевшая семья, видимо, только что вернулась с кладбища. Ложе синьора Луки Купьелло пусто. Каждое окно открыто настежь, в них сильно, свежо дует ветер; трепещут и развеваются на ветру, летят навстречу зрителю легкие голубые шторы... Художник Л. Вегенер в каждом действии показывал нам комнату семьи Купьелло с нового поворота,— сейчас прямо на нас глядят окна жилища, продуваемого сквозняком... Как-то пойдет здесь жизнь теперь?..

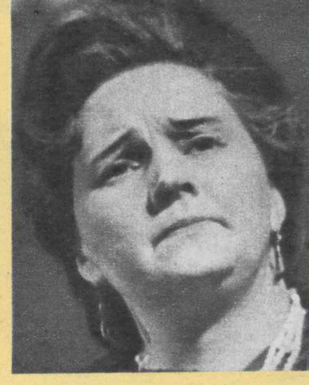
Радостно, что режиссером-ассистентом этого интересного спектакля является В. Сверчков — внук Веры Николаевны Пашенной.

Лука Купьелло — В. Доронин.

Паскуалино — В. Кенигсон.

Кончетта — О. Хорькова.

Ненилло — М. Кононов.

Нинучча — Н. Корниенко.

Фото А. Гладштейна.

Приятного аппетита!

Раз горошек, два горошек...

Я. МИЛЕЦКИЙ

ТУБЫ И МУБЫ

Они сами называют себя шершавым словом «консервщики» и при этом сетуют: «Есть на свете виноделы, маслоделы, сыровары, а мы вдруг...» Впрочем, в конечном счете не столь уж важно, как назвать людей, делающих вкусные вещи. Такого же мнения придерживается и мой спутник, один из старейших работников консервной промышленности, инженер Владимир Иванович Образцов. Он знакомит меня с консервными заводами Молдавии, раскрывает многие «тайны производства» и по ходу путешествия ошеломляет цифрами.

— Прежде всего — знаете ли вы, что такое «тубы» и «мубы»?

Владимир Иванович показывает высоченную башню банок и говорит:

— Мы увеличили их выпуск на триста тубов.

— ???

— На триста тысяч условных банок...— Он посмотрел на меня с улыбкой и продолжал: — А всего Молдавия, занимающая по выпуску консервов третье место в Союзе, даст в этом году около семисот мубов... Непонятно?.. Около семисот миллионов условных банок.

Посвятив меня в тайну тубов и мубов, Владимир Иванович решил, очевидно, что я уже достоин перевода в высший класс. Он взял жестяную банку с зеленым горошком и показал мне выбитые на крышке таинственные буквы и цифры: «К155С07К026». Что сей шифр значит? Сообщаю для сведения тех, кого он может заинтриговать: буква «К» означает, что банку выпустил консервный завод; цифра «15» указывает его номер, а еще пятерка — год выпуска — 1965; буква «С» — марка инженера, в чью смену была выпущена банка; «07» — число месяца; буква «К» раскрывает нам, что это произошло в сентябре; «026» — закодированное название содержимого банки. Таким образом, специалист, едва взяв банку в руки, тотчас же определит всю ее родословную.

В банке был зеленый горошек, и Владимир Иванович не преминул заметить:

— Гордость Молдавии! Недавно у нас была дегустация. Так вот...

И мой спутник, смакуя все детали, рассказывает:

— Закрытая была дегустация. На суд, строгий и праведный, прислали свою продукцию не только заводы Молдавии, но и Украины, Белоруссии, Грузии, РСФСР. Были гости из других стран — Болгарии, Венгрии, Румынии. Дегустаторы расселись за столы и положили перед собой листы бумаги. Каждой банке нужно ставить отметку. По пятибалльной системе. Совсем как в школе. И вот объявляют: «Раз горошек!»... Разложили на тарелочки. Дегустаторы пробуют, причмокивают, задумываются и, наконец, берутся за карандаши... И снова: «Два горошек!..» Новая порция — новые терзания.

Пробовали горошек и фасоль стручковую, консервированные томаты и огурцы, фаршированные кабачки и баклажанную икру, лечо натуральное и голубцы, перец и гогошары по-молдавски, соки и компоты...

Молдавский зеленый горошек победил прославленный румынский. Были на той большой дегустации и другие «лидеры». Болгарская стручковая фасоль взяла верх над молдавской. Среди огурцов главенствовали нежинские, непревзойденные. Венгерское натуральное лечо не знало конкурентов, а Грузия далеко обогнала всех по компоту из слив... И, конечно, не оказалось достойных соперников у молдавских гогошар. Это красный перец, внешне напоминающий помидоры. Ученые говорят, что по количеству витамина С гогошары стоят на первом месте. Кишиневские гастрономы утверждают, что нет более вкусного блюда, чем сочная мясная котлета, приправленная сладким с перчинкой ломтиком гогошар. Увы, выпускают эти гогошары в небольшом количестве — едва один муб.

На Бендерском консервном заводе я попал в царство яблок, слив и винограда. Тут делают соки — сотни тубов, десятки мубов. Делают их машины, почти без прикосновения рук человека. Это первый в республике комплексно-механизированный соковый цех.

Слыхали ли вы когда-нибудь о соках с... мякотью? На Бендерском заводе создана специальная линия по их производству. Американцы называют такие соки «жидкими фруктами». Они действительно напоминают дробленые фрукты и популярны во всем мире.

У нас же, к сожалению, со стороны торговых работников наблюдается какое-то пренебрежительное отношение к сокам вообще. Попробуйте попросить стакан яблочного или виноградного сока в столовой, в школьном буфете или просто в магазине. Не так уж часто вас смогут побаловать им, хотя стоит он немногим дороже, чем, скажем, стакан лимонада. Но еще тернистее путь соков с мякотью — их и вовсе не достанешь.

Вы, вероятно, замечали, как иные, прежде чем выпить стакан сока, непременно поднесут его к свету: если он прозрачен, значит, хорошо. Между тем исследования показали, что чем прозрачнее сок, тем менее он ценен: вместе с мякотью, которая создает смущающую нас муть, сок теряет такое ценное вещество, как каротин.

Теперь заводы Молдавии широко освоили производство соков с мякотью томатов, слив, абрикосов, вишен и ягод черной смородины, которые содержат наибольшее количество ценных витаминов. Почему же торговые работники игнорируют эти соки? Причина поистине смехотворна: видите ли, такой сок не проходит через конус, из которого его разливают в магазинах по стаканам.

РЕПОРТАЖ • ИНТЕРВ

Антарктида радирует: «РАБОТАЕМ МНОГО, НЕ СКУЧАЕМ»

Корреспондент «Огонька» по радиотелефону беседовал с начальником обсерватории «Мирный» в Антарктике Иваном Григорьевичем Петровым.

— Мы успешно завершаем программу десятого года советского исследования в Антарктике. Было немало удач в нашей работе.

— Какие? Расскажите.

— Сразу все не перечислишь. Ну, например, впервые в здешних широтах, на высотах около 30 километров, удалось зарегистрировать скорость ветра 450 километров в час. И еще: как раз сегодня радиозонд достиг высоты в 45 километров.

Обычно он выше 20 километров не поднимается. Наш «рекорд» — результат не только благоприятных атмосферных условий, но и высокого мастерства научных сотрудников.

Очень удачно совершил поход санно-гусеничный поезд. Он доставил продукты и снаряжение на перевалочный пункт по пути к внутриконтинентальной станции «Восток». А дорога туда трудная и опасная.

Много сделано для перевода центральной базы по изучению Антарктики из поселка Мирного на станцию Молодежная. Дело в том, что постоянные сильные ветры постепенно заметают снегом наш поселок. Уже сейчас большинство домов засыпано по самую крышу, и чтобы войти в дверь, надо спуститься по лестнице. На станции Молодежной возводятся жилые дома, научные павильоны. И то и другое на сваях, чтобы не заносило снегом.

Работаем много и не скучаем. Недавно подводили итоги фотоконкурса, устраивали состязания по рыбной ловле, был у нас спортивный праздник. Гвоздь праздника — футбол.

— Какое настроение у ваших иностранных коллег?

— Сейчас вместе с нами работают ученые из Венгрии, ГДР, Польши и США. Они довольны результатами научных исследований, активно помогают нам. Мы подружились, жалко расставаться.

— Чем занят коллектив станции в эти дни?

— Разгрузкой «Оби». Она встала в 10 милях от «Мирного», возле ледяного припая. «Обь» привезла нам смену — 138 зимовщиков — и много различных грузов, в том числе два самолета. Их сразу выгрузили, собрали, и сейчас они перевозят людей, приборы, продовольствие в Мирный.

В этом году впервые горючее сюда доставит танкер. «Обь» привезла емкости-цистерны, свернутые в рулоны. Здесь их развернем, сварим и заполним горючим.

Скоро мы покинем шестой континент, но, к сожалению, на празднование Нового года домой не успеем. Поэтому прошу через ваш журнал передать поздравление с Новым годом нашим близким и, конечно, всем читателям «Огонька».

НАСЛЕДНИКИ НАПОЛЕОНОВСКОГО ПОВАРА

— Кто изобрел консервы?
— Повар времен Наполеона.

Правда, еще в древних литературных памятниках встречаются указания на то, что человек умел сушить, то есть консервировать, продукты. Само слово «консервы» происходит от латинского conservare, что значит «сохранять». Так вот, Наполеон искал способ сохранить продукты для солдат и матросов. Он назначил премию тому, кто найдет такое средство. Завоевал ее повар и кондитер Николя Аппер, человек без образования, но умевший, по словам историков, «наблюдать и делать выводы из своих опытов». Аппер брал бутылки и заполнял их консервируемой пищей. Бутылки он стерилизовал во вмазанных в печь котлах. Видимо, наполеоновская премия была приличной, потому что вскоре Аппер основал фабрику — «Дом Аппера»,— ставшую первым в мире консервным предприятием. Историки не знают, пользовался ли Аппер своей продукцией, но прожил он 91 год.

Хотя Франция и была родиной консервов, но вскоре пальма первенства в их производстве на долгое время перешла к Англии. Тут решающую роль сыграло то, что англичане предложили для консервов оловянные банки, более прочные и портативные, чем бутылки Аппера. Шли годы. Два английских эмигранта завезли консервы в Америку, там новинка понравилась, там же начали применять жестяные банки для упаковки продуктов. Мне сказали, что именно это открытие считается историческим рубежом в победном шествии консервов по белу свету.

Однако ясное понимание сущности консервирования человечество обрело только благодаря великим открытиям Луи Пастера, когда метод пастеризации получил научное обоснование.

В России консервированием впервые начал заниматься ученый Василий Назарович Каразин, умерший в 1842 году в возрасте семидесяти лет. Он оставил много исследований по переработке сельскохозяйственного сырья, консервированию, винокурению, паровой сушке плодов, выработке сухого бульона и мясных сухарей.

Конечно, ни Аппер, ни Каразин, ни даже Луи Пастер не могли представить, каких масштабов достигнет молодая в их пору отрасль промышленности, как далеко шагнут люди в поисках совершеннейших методов сохранения пищевых продуктов.

Я подумал об этом, когда знакомился в Тирасполе с одним из крупнейших молдавских консервных заводов — имени 1 Мая. Здесь перерабатывают в день на томатный сок и на пасту-томат по 1 000—1 200 тонн помидоров.

КОНСЕРВАТОРЫ ПРОТИВ КОНСЕРВОВ

Свежемороженые овощи и фрукты пользуются все большим спросом населения. К сожалению, наши магазины еще недостаточно оснащены холодильниками, и это очень мешает внедрению нового вида консервов.

В заводской лаборатории меня угостили замороженным... томатным соком.

— Ничего подобного я не встречал в магазинах. И могу только пожалеть об этом.

— Но торгующие организации не берут замороженный сок, хотя в нем лучше сохраняются витамины,— говорит Образцов.— Почему? Консерваторы на пути консервов... Вспомните, что какой-нибудь десяток лет назад то же самое было с горошком: магазины брали его неохотно, массовый потребитель не имел о нем и понятия. А теперь пользуется большим спросом. Вот так...

Консерваторы против консервов! Неплохой каламбур. Но, право же, не до каламбуров, когда слышишь истории, подобные тем, что рассказали мне в Молдавском научно-исследовательском институте пищевой промышленности.

Директор этого института Василий Георгиевич Поповский без лишних слов выложил на стол несколько герметически закупоренных поллитровых стеклянных банок. В них — клубника и ломтики яблок. Вид они имели необычный: высохшие, пористые, как пемза, хотя формы своей не потеряли. Я слегка встряхнул банку, ягоды застучали по стеклу, словно это были камешки. Василий Георгиевич вскрыл одну из банок и дал мне несколько ягод. Они были почти невесомы. Тогда он налил в стакан немного воды и бросил туда ягоды. Тут-то и свершилось чудо: клубника стала такой, будто ее только что принесли с грядки. Я явственно ощутил ее аромат. Произошло это почти мгновенно, словно кто-то «разбудил» ягоды.

— Попробуйте.

Я с большим удовольствием опорожнил всю банку. Удержаться было трудно: осенью я ел свежую клубнику!

— Ее законсервировали в шестьдесят третьем,— сказал Василий Георгиевич.— Хранить можно в любых условиях, при любой температуре еще несколько лет. Впрочем, так можно консервировать любой продукт, и он сохранит свои качества на долгие годы. Мясо, птицу, зеленый горошек, цветную капусту, грибы, колбасы, даже пирожки с мясом или яичницу, не говоря уже о соках и фруктовых пюре... Это сушка методом сублимации, сушка продуктов в вакууме в замороженном состоянии с удалением почти всей влаги. Этим гарантируется длительное хранение продуктов без потери вкусовых качеств и содержащихся в них витаминов.

— Это что, новинка консервной промышленности?

— Как вам сказать...— замялся Василий Георгиевич.— Приоритет в этой области, несомненно, принадлежит нашей стране. Еще в 1922 году советский горный инженер Лаппа-Сторженецкий получил патент на новый способ консервирования пищевых продуктов методом сублимации. Однако в жизнь его идея претворена не была. Молодая Советская республика едва становилась на ноги. Пожалуй, не до того было... А спустя пятнадцать лет такой же патент был выдан в Англии. На Западе сублимация получила довольно широкое распространение. Несколько цехов построено и в Советском Союзе — на Останкинском мясоперерабатывающем комбинате в Москве, в Ростове-на-Дону, Таллине. Проектируется в будущем году строительство мощного цеха в Братушанах, в Молдавии. Там установят поточную линию по производству сублимированных фруктов, фруктовых пюре и кофе. Уже было проведено несколько дегустаций таких продуктов. Собирались геологи, моряки, нефтяники, железнодорожники, полярники — словом, все те, кому сублимация не только сулит свежие фрукты в суровой тайге и ледовых походах, но и значительно облегчит их рюкзаки. Баллы ставились очень высокие. Клубника удостоилась высшей оценки, творог с пюре из черной смородины набрал 4,7 балла, бульон из говядины — 4,5, а персики — 4,8, причем наиболее восторженные дегустаторы дописывали: «Изумительно»...

Однако и тут новое пробивается с трудом. Ростовский цех испытывает недостаток в заказчиках, а московский, в Останкине, работает с перебоями, жалуясь то на оборудование, то на отсутствие спроса, то на высокую себестоимость. А в магазинах сублимационных продуктов нет и в помине. Ни туристы, ни альпинисты, ни даже оборотистые домашние хозяйки достать их не могут. Я, вкусивший сладость высушенной клубники, могу только сказать: очень жаль!

Миллионы банок с плодами Молдавии!

Фото А. Богорова.

Ь Ю • И Н Ф О Р М А Ц И Я

ЗАВЕЩАНИЕ КНИГОЛЮБА

В книгохранилище Луганской областной библиотеки имени Горького висит портрет пожилого человека. Надпись гласит: «Почетный читатель Константин Андреевич Белозеров».

Почетный читатель? За что такая честь? Работники библиотеки рассказывают:

— Однажды к нам позвонили из городской сберкассы и попросили зайти по поводу... одного завещания. Вначале мы подумали, что произошла ошибка. Но в сберкассе показали документ, подписанный К. А. Белозеровым. «Завещаю свой вклад библиотеке имени Горького»,— говорилось в нем.

Около тридцати пяти лет пользовался котельщик Луганского тепловозостроительного завода услугами областной библиотеки. Книги стали его страстью с тех пор, как он окончил заводскую вечернюю школу.

Уйдя на пенсию, Константин Андреевич стал бывать в библиотеке почти ежедневно. Участвовал в обсуждении планов работы, помогал библиотекарям, давал советы молодым читателям.

Но вот Константин Андреевич перестал бывать в библиотеке. И вскоре пришла весть: на восемьдесят третьем году он умер и перед смертью завещал библиотеке все свои трудовые сбережения — 8 800 рублей.

П. ЛАРИН

СОЛНЦЕ РЕЖЕТ МЕТАЛЛ

Лаборатория Всесоюзного научно-исследовательского института автогенного машиностроения. Сквозь окна видны лохматые тучи, предвестники снегопада.

— Пасмурно на улице, но ничего, сейчас увидим солнце,— говорит научный сотрудник В. Яковлев. Он нажимает кнопку пульта управления, берет резак. Затем надвигает на лицо защитный щиток. Спешу сделать это и я. И вовремя. Потому что в тот миг, как Яковлев приблизил резак к толстой пластине алюминия, что-то ослепительно засверкало. Даже сквозь синее стекло спасительного щитка больно смотреть.

Это плазма — четвертое состояние вещества, «солнце», созданное в лаборатории. В центре плазменной струи температура достигает десятков тысяч градусов. А рабочая температура маленького солнца равна 6—8 тысячам градусов — вдвое выше, чем в кислородно-ацетиленовом пламени.

Яковлев быстро ведет резак по листу металла, и «солнце» послушно следует за ним. Через две-три минуты на полу уже остывают серебристые круги, кольца и другие замысловатые фигуры.

Много хвалебных од посвящено крылатому металлу — алюминию. Но не найти среди них ни одной, авторами которой были бы представители огненной специальности — газорезчики. Дело в том, что алюминий, мягкий, податливый металл, как ни странно, при первой же попытке резать его мгновенно меняет свой «характер». Вместо ожидаемой ровной прорези огненное жало оставляло после себя бесформенные металлические наросты.

Алюминий и в обычных условиях всегда покрыт защитной броней из окислов, возникающих при соединении с кислородом атмосферного воздуха. А когда при резке к нему подают чистый кислород, да в нагретом виде, то броня становится еще толще.

Где же выход?

После длительных исследований сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института автогенного машиностроения нашли способ справиться с «непокорными» металлами. Кандидат технических наук К. В. Васильев, инженеры А. А. Исаченко, Д. Я. Шухман решили резать алюминий, медь, нержавейку... «солнцем». Перед температурой в тысячи градусов не устояла знаменитая броня алюминия.

Сейчас ученые работают над тем, чтобы «научить» плазму резать двухслойные металлы, так называемые биметаллы. Это исследование они решили закончить к открытию XXIII съезда партии.

В. ДРОБНАЯ

Спасский!

Макс ЭЙВЕ,
экс-чемпион мира

И, наконец, Тигран Петросян — Борис Спасский.
Фото Н. Волкова.

Итак, все ясно. Ответ на мою статью в № 39 журнала «Огонек», которую я так и назвал — «Спасский или Таль?», получен: первым оказался трезвый всевидец Борис Спасский.

Он сыграл 29 партий — примерно столько же, сколько и предыдущий претендент — Тигран Петросян, и по содержанию старую систему 1962 года и новую систему 1965 года можно рассматривать как равноценные. В спортивном отношении я считаю новую систему выше: каждый из претендентов до конца держал свою судьбу в собственных руках. Если, несмотря на это, в условиях бескомпромиссного поединка фактор депрессии вызывал «эффект снегового шара», в силу чего почти каждое поражение казалось чуть ли не катастрофой, то это бывает и в турнирах.

Второй психологический фактор — это индивидуальные особенности, которые в матчах играют большую, может быть, слишком большую роль. Как уже много раз подчеркивалось, является фактом то обстоятельство, что в матче решающее значение имеет стиль. Шахматист А может играть лучше против шахматиста В, чем против шахматиста С, совершенно независимо от их сравнительной силы. Этот момент со всей ясностью подтвердился в матче Спасский — Таль.

Индивидуальный счет Спасского с Талем до матча был 5:1, после матча — 9:2! Но никто не возьмет на себя смелость утверждать, что Спасский сильнее Таля. Неожиданный парадокс, который в шахматах встречается чаще, чем в любых других играх и видах спорта. Это означает, по моему мнению, что шахматы — более высокая форма измерения сил. Это борьба на многих фронтах.

Почему в целом Спасскому отдавалось значительное предпочтение? Потому, что он неоднократно доказывал, что может успешнее противостоять бурным гениальным атакам Таля, чем, например, Ботвинник или Смыслов. Далее потому, что Спасский является мастером в разыгрывании простых позиций, а Таль именно к простым позициям не питает ни малейшей приязни. Он не может играть на ничью, он не обладает ничейной техникой. Таль теряет интерес, если позиция «пустынна». Его внимание усыпляется. Он начинает играть неточно и небрежно. В этом и заключается ахиллесова пята Таля. Это учел и Ботвинник, после того как в первом матче (1960 год) он безуспешно пытался противостоять жарким, не всегда корректным атакам Таля. Во втором матче (1961 год) Ботвинник применил гораздо более успешную стратегию на измор.

Спасский, как и, между прочим, Петросян, имеет верный глаз на простые позиции, и это, видимо, служило основой для столь благоприятных прогнозов в пользу Спасского, прогнозов, которые впоследствии хотя и оправдались, но не в том плане, как думали их составители. Лишь в третьей партии можно было наблюдать филигранную технику Спасского в ладейно-слоновом эндшпиле, и в девятой партии Спасскому удалось отразить мощную атаку Таля.

В общем, следует отметить, что Таль великолепно сражался против Спасского и против «злых предсказателей». Результат матча с таким же успехом мог быть иным. Ведь подлинная судьба матча решилась в единственной партии — в девятой, когда Таль успешно наступал, но против обыкновения ослабил атаку. Лишь благодаря этому пророки все же оказались правы.

Не следовало бы нам вообще отказаться от предсказаний? Конечно, вполне возможно, что неблагоприятное предсказание побуждает к большим делам, но вполне вероятно, что хор отрицательных прогнозов создал Талю дополнительные трудности. Однако публика требует предсказаний. Решевский и Фишер, которых просили об этом, были настолько тактичны, что воздержались от высказывания своих мнений. Найдорф дал ответ в стиле оракула: Спасский сильнее, но я готов держать пари за Таля. Автор этих строк попытался сделать нечто подобное. Когда мне в сентябре на московском телевидении был задан аналогичный вопрос, я ответил: Таль сильнее, но не всегда побеждает сильнейший.

Несмотря на всю маскировку, посвященным было ясно, что Спасскому отводились лучшие шансы, но это в известной мере уравновешивалось тем обстоятельством, что публика в Тбилиси в значительном большинстве была на стороне Таля. Это определенно усиливало его позиции в матче.

Таль выиграл жеребьевку и первую партию играл белыми. Это казалось небезразличным, поскольку по положению при равном количестве очков после 12 партий матч должен был продолжаться до первой победы. В ходе матча стало, однако, ясным, что право первого хода для этих двух шахматистов ничего не означало. Из 11 партий черные победили четыре раза, белые — лишь один раз.

Важнее, чем первый ход в первой партии, было для Таля то, что он приступил к борьбе совершенно здоровым. Его прежняя болезнь, которая ему особенно повредила в кандидатском турнире 1962 года, была преодолена. Спасский также начал матч, находясь в отличной спортивной форме. Он не курит. Таль, напротив, курит, словно Ласкер, что значит очень и очень много.

Если мы рассмотрим матч Спасский — Таль в целом, то сможем выделить три фазы:

1. Фаза разведки.
2. Эпидемия ничьих.
3. Бойня.

Первая фаза охватывает три партии: первая закончилась вничью, вторую выиграл Таль неожиданным наступлением в центре, третью выиграл Спасский в эндшпиле, после того, как Таль допустил довольно явный просмотр. Именно эта партия была важна для дальнейшего течения матча. Спасский увидел, может быть, еще яснее, чем до матча, в чем его шансы: в эндшпиле, в «мертвом» эндшпиле. Незадолго до перерыва Таль предложил ничью; к этому моменту еще ничего не случилось. Спасский отклонил предложение. Это сделало и без того уже скучную партию еще более нудной. Нельзя предполагать, что это вызвало у Таля чувство досады и он из-за этого ошибся. Таль слишком спортивен, чтобы отказывать противнику в праве отклонить предложенную ничью. Другие обстоятельства — отсутствие интереса к позиции — виновны в ошибке.

Спасский увидел, что его выдержка окупилась, и это послужило для него стимулом, чтобы в дальнейших партиях не спешить с форсированием ничьих. Кроме того, это открытие привело Спасского к понижению пульса игры: никаких атак и комбинаций. Тем самым Спасский представляется нам «главным виновником» второй фазы — фазы ничьих. Пять ничьих подряд! Упорные бои? Большей частью нет. Борьба велась лишь в том случае, если Спасский видел возможность перевода партии в эндшпиль, который не был «намертво» ничейным. В четвертой и восьмой партиях мирный договор был подписан уже вскоре после двадцатого хода. В шестой и седьмой партиях Спасский долго мучился в эндшпиле, но понапрасну.

После восьми партий счет был 4:4, как и несколькими месяцами раньше в матче Таль — Ларсен. Что-то должно было произойти. Таль, играя девятую партию белыми, не дал возможности Спасскому использовать вариант Маршалла и стал энергично готовить атаку. Спасский защищался лучшим образом, но этого было бы, вероятно, недостаточно, если бы Таль избрал довольно очевидное правильное продолжение. Таль ошибся. Спасский вновь встал на ноги и отбросил атакующего с тем, чтобы далее приземлиться в благоприятном эндшпиле. Методично завершив борьбу, Спасский добился тем самым решающего перелома.

Десятую партию Таль играл слишком остро, одиннадцатую — более чем остро. Заслуженно ли проиграл Таль? Из шести ничейных партий в одной он стоял на проигрыш, зато он не должен был проиграть третью партию, да и девятая завершилась неожиданно печально. Везение и невезение примерно уравновешены, и счет 5:4 после девяти партий все же был оправданным. Распад позиций в последних двух партиях можно бы и не считать.

Дебютный репертуар был сравнительно ограничен. Во всех шести партиях, играя белыми, Таль все время применял испанскую партию. Спасский защищался с помощью гамбита Маршалла, если Таль предоставлял ему эту возможность. Выбор этого гамбита тактически был очень хорошо обоснован: «дьявола» Таля следовало побивать «вельзевулом» Маршаллом! Таль сам охотно играет гамбиты. Он, вероятно, чувствует себя не в своей тарелке, если ему самому «дарят» пешку или фигуру.

Независимо от этого гамбит Маршалла представляется абсолютно корректным и даже при лучшей защите не сулит белым никаких преимуществ. Таль безуспешно искал усиление варианта. В трех партиях Таль уклонился от гамбита, но примечательно, что именно эти три партии он проиграл, хотя и не в прямой связи с дебютом. Но счет для белых +0 — 3 = 3 выглядит крайне жалким.

И, наконец, Тигран Петросян — Борис Спасский. Чемпион мира встретит в лице Спасского твердый орешек. По общему мнению, почти не делающий ошибок Спасский будет более опасным противником для Петросяна, чем Таль. Когда я в сентябре навестил Петросяна, он показал мне сверток: «Это партии Спасского». Тем самым он хотел уже тогда сказать, что готовился к победе Спасского. Теперь Петросян изучает эти партии. Но и Спасский не будет почивать на лаврах.

Я желаю обоим участникам матча красивых поединков весной. Пользуясь случаем, хотел бы передать мои наилучшие пожелания читателям «Огонька» в наступающем, 1966 году.

А. Я. Пархоменко.
Рис. художника Л. Ф. Голованова.

РАССКАЗ ОБ ОТЦЕ

— Отца помню хорошо,— говорит генерал-майор авиации в отставке Иван Александрович Пархоменко, сын легендарного героя гражданской войны. И тут же предлагает посмотреть семейный альбом.

С пожелтевших фотографий смотрят участники давно отгремевших боев. Рабочие и солдаты с красными повязками на рукавах прилегли за пулеметами. Впереди начальник Красной гвардии Луганска Александр Яковлевич Пархоменко.

— Отец обладал большой физической силой и твердым характером,— вспоминает Иван Александрович.— Об этом в Луганске хорошо знали. Помню, однажды отец был дома, отдыхал, как вдруг прибежали красногвардейцы: вооруженная толпа громила водочный завод. Возле нашего крыльца стояла пролетка отца, он схватил пистолет и вскочил в пролетку. С ним увязался и я. Приехали к заводу. Крик, шум. Ворота разбиты. Отец вынул пистолет и бросился в толпу, раздвигая людей локтями. Его узнали, закричали: «Братцы, Пархоменко нагрянул!» — и толпа рассеялась.

На другой фотографии — Пархоменко уже в военной форме, с орденом Боевого Красного Знамени на груди.

— Получил отец его за освобождение Екатеринослава от банд атамана Григорьева. У отца для освобождения Екатеринослава было всего шестьсот штыков. Ночью он с пятью красноармейцами отправился на разведку в город. У станции разоружили патруль врага, а затем захватили начальника григорьевского штаба. Это вызвало панику среди бандитов, и красноармейцы дружной атакой овладели городом.

В альбоме я увидел фотографии Пархоменко, когда он в Первой Конной армии командовал дивизией. Воевал с белополяками, махновцами... Я спросил Ивана Александровича, при каких обстоятельствах погиб героический начдив.

— После гражданской войны к матери приезжал ординарец отца, который был свидетелем его гибели,— отвечает Иван Александрович.— Он рассказал, что их дивизия преследовала банды Махно. Отец со штабом и небольшой охраной следовал за полками. Подъехали к деревне, где должны были быть красноармейцы, а там оказался Махно... В неравном бою весь штаб и охрана погибли.

Сейчас легендарному полководцу было бы 80 лет. Родился он 24 декабря 1885 года.

А. ГОЛИКОВ

В. Васнецов. СНЕГУРОЧКА. 1899.

Государственная Третьяковская галерея.

Б. Кустодиев. МАСЛЕНИЦА. 1916.

Государственный Русский музей.

Ф. Сычков. КАТАНЬЕ С ГОРЫ. 1925.

ДОЛГОЖИТЕЛИ ЗЕМЛИ

А. ТАМБИЕВ,
кандидат биологических наук

Наступает 1966 год. Еще один год прибавится к нашему возрасту. Год — немалый промежуток нашей жизни. А есть на Земле организмы, для которых год — лишь песчинка, прибавленная к целой горсти.

Огромный шатер дерева темно-зеленой пирамидой поднялся в небо. Могучие, узловатые ветви с красно-коричневой корой, покрытой трещинками, напоминают полураскрытый веер.

Первые люди в звериных шкурах, с каменными топорами охотились в этих местах, когда дерево было еще совсем молодым. Прошли сотни и тысячи лет.

Недалеко от дерева проложили шоссе, по нему беспрерывным потоком мчатся машины, в небе оставляют след реактивные птицы.

Однажды к дереву подошла группа людей. Долго обмеривали, спорили, размахивали руками. Долго спиливали соседний гигант, чуть поменьше ростом. Когда подсчитали, со всех сторон послышались удивленные возгласы. Болотный мексиканский кипарис насчитывал от роду 10 тысяч лет! Он был свидетелем человеческой истории от каменного века и до наших дней.

Хотя это трудно представить нашему воображению, но на Земле встречаются деревья в полтора раза более древние, чем этот кипарис. На восточном побережье Австралии среди джунглей, спускающихся по холмам к берегу Тихого океана, высоко поднимает трехметровые кожистые листья саговник макрозамия. Ствол потомка некогда распространенного на Земле рода напоминает стоящую торчком огромную еловую шишку, черенки от опавших листьев за многие тысячелетия образовали на стволе как бы чешуйчатый панцирь, по которому скачут птицы, собирая муравьев и жучков.

Макрозамия (около 15 тысяч лет) пока прочно удерживает рекорд продолжительности жизни в животном и растительном мире. Кроме нее и болотного кипариса, мы знаем мамонтово дерево, которое живет до 4 тысяч лет.

В субтропиках, в том числе у нас на Кавказе и в Крыму, широко распространен двоюродный брат мексиканского болотного кипариса — кипарис вечнозеленый, который достигает солидного возраста — 2 тысяч лет. В наших краях самым долговечным растением является дуб, живущий до тысячи лет. Дубы-гиганты, высотой более 40 и в обхвате около 10 метров, встречаются в Беловежской пуще.

До 300—400 лет живут лиственница, сосна, липа. В лесу мы можем натолкнуться на огромную трехсотлетнюю ель, и пока будем любоваться ею, задрав голову, можно растоптать ее сверстника — кустик брусники. До ста лет живут береза, осина, черная ольха.

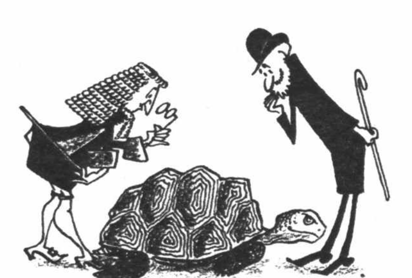
Животные сильно уступают в долголетии растительным организмам. Это не удивительно: жизненные процессы в них идут значительно быстрее. Рекорд долголетия пока прочно держит слоновая черепаха. Она прожила в Лондонском зоопарке больше 200 лет. Когда ее поймали, она уже насчитывала, как определили ученые по щиткам панциря, добрую сотню лет. На нее приходили взглянуть Свифт и Теккерей, Диккенс и Бернард Шоу. Впрочем, флегматичную черепаху посетители мало трогали. Она привыкала, пожалуй, только к сторожам, а потом неизбежно переживала их.

Кольцевание птиц изобретено сравнительно недавно, а вот кольца рыбам в жабры начали вставлять очень давно. Известен случай, когда щука прожила с кольцом 267 лет и была выловлена в Германии в конце XV века. Цари тоже иногда развлекались кольцеванием, видимо, чтобы отвлечься от государственных дел. К концу царствования Екатерины II при очистке Царицынских прудов в иле нашли огромную щуку. Золотое кольцо, продетое в жабры, свидетельствовало, что в пруд ее «посадил царь Борис Федорович».

По долголетию со щукой не может конкурировать ни одна рыба. До ста лет доживают сомы. Этакая громадина весом 300 килограммов и длиной 5 метров тащит под воду не только уток или собак, она опасна для купающихся детей и даже взрослых. Осетр достигает преклонного возраста в 70 лет, карп — в 40 лет. Форель живет до 24 лет, лосось, странствующий по океану,— 20 лет, скат—14, морской окунь — 10. Вообще говоря, в такой беспокойной обстановке, как море, рыба отличается меньшим долголетием.

Долгожители есть и среди моллюсков.

...Мы плывем с маской среди коралловых рифов Тихого океана. Внизу проходят густые заросли водорослей, бесчисленные пещеры и гроты. И вот в большом округлом камне приоткрылась щель. Это не камень, а огромный моллюск тридакна. В ней метра два с лишним в длину, да и весит она, наверно, несколько сот килограммов. Вокруг все спокойно, поэтому тридакна приоткрыла монолитные створки с волнистыми краями. Чуть опасность, сотрясение воды — и створки захлопываются, как капкан. Ловцы жемчуга рассказывают, что некоторые из них поплатились жизнью, попав ногой между створками. Такой моллюск-гигант живет в морях до 100 лет.

Из ракообразных до 25 лет живет в своей норе на дне реки обыкновенный речной рак.

А вот век насекомых сравнительно недолог. Хотя попадаются и исключения. Среди пчел дольше всех — до 5 лет — живет матка, около года существуют самцы и 9 месяцев — рабочие пчелы.

Птицы долговечны, несмотря на интенсивный обмен веществ.

Примером долголетия у них может служить ручной попугай. Еще у Брема описан случай, когда ручной серый попугай, пойманный в возрасте 5—7 лет, прожил в семье 73 года. Он мог произносить целую страницу печатного текста. В 1732 году с мыса Доброй Надежды в Лондон был прислан сокол с золотым ошейником, принадлежавший королю Англии Иакову. На ошейнике стояла дата — 1610 год.

До сотни лет могут доживать вороны, лебеди, по 60—70 лет жили в зоопарках филины, журавли, кондоры.

Среди домашних птиц долгожители — гуси (40 лет). У старых гусынь, наверно, самый несносный характер. До 33 лет могут существовать утки, до 20 лет — куры.

Млекопитающие животные появились и захватили землю сравнительно недавно. Самыми почтенными у них можно считать слонов: возраст некоторых, судя по бивням, превышал сто лет.

На второе место после слона претендует сразу троица: бобр, бурый медведь и осел. Все они доживают до полувека. В редких случаях до 40 лет живет лошадь, такого же возраста попадаются верблюды.

У хищников век короче. Домашняя кошка в 28 лет переживает тигра, предельный возраст которого — 15—17 лет. Рекорд льва — 35 лет.

Довольно долго живут наши родичи — человекообразные обезьяны. Шимпанзе умирает от старости в 40 лет, орангутанг — в 25, и меньше всех, до 15 лет, живут гориллы, количество которых, как и орангутангов, сокращается. Среди низших обезьян почти пенсионного возраста — 46 лет — достигает павиан, до 30 лет живут макаки.

Относительно долголетия людей нужно писать отдельную статью. Поэтому мы скажем о нем кратко. Человек по своим годам занимает одно из первых мест среди живых существ, населяющих нашу Землю. Дольше всех прожил венгерский крестьянин П. Кцартен, достигший 185 лет. Не так давно умерла турчанка Хаджер Иссек Нине в 169 лет. До 150 лет дожил знаменитый Махмуд Эйвазов, на Кавказе и сейчас здравствуют его сверстники.

Загадка, проблема, открытие, факт

СВАРКУ ВЕДЕТ ЛАЗЕР

Обучение лазера этой новой для него профессии в Институте металлургии имени Байкова взяла на себя группа ученых под руководством члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Рыкалина.

При сварке светом лазера металл интенсивно испаряется — настолько высока температура луча. Происходит не сварка, а скорее выжигание металла. Значит, луч должен быть холоднее. Но как этого добиться? Решено использовать лазер из плакированного стекла с меньшей мощностью вспышек.

СТЕКЛО-БРОНЯ

Футбольный мяч, угодивший в окно, отскочил, будто он попал в кирпичную стену. Никакого чуда в этом нет: стекло, о которое ударился мяч, в 10 раз прочнее обычного оконного стекла. Такая прочность объясняется тем, что оно было подвергнуто специальной обработке. В Физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе ведутся работы над совершенствованием технологии упрочнения стекла.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ НОВИНКИ

Полиция США проводит испытания новых технических средств, предназначенных для разгона демонстраций. Сконструирован специальный аппарат, испускающий невидимые глазом частицы. Отразившись от цели, которой могут быть лица людей, отдельные группы и т. п., частицы «проявляются» в ультрафиолетовых лучах. Это сложное электронное устройство предназначено для опознания участников демонстраций ночью, в условиях малоосвещенных улиц.

Разрабатывается рецепт нового газа, более эффективного, чем слезоточивый. Его действие: ослепляет, нарушает координацию движений, вызывает резкую боль в горле.

И, наконец, последняя техническая новинка американской полиции — газ-наркотик, способный усыпить целую колонну демонстрантов.

САМАЯ БОЛЬШАЯ

Самая большая в мире антенна установлена в Антарктиде, в 1 440 километрах от Южного полюса. Это медный кабель длиной 33 километра 600 метров, покрытый пластиком.

С помощью такой антенны ученые исследуют странные помехи, которые возникают в атмосфере. Видимо, их порождают молнии. Возникшие при таких разрядах радиоволны распространяются вдоль магнитных силовых линий Земли.

МИКРОБЫ И БИФШТЕКСЫ

С. БРОЦКАЯ,
кандидат биологических наук

Некоторые бактерии способны усваивать органические вещества, совершенно непригодные ни для растений, ни для животных. Например, каменный уголь.

Как же бактерии питаются твердым телом? Оказывается, с помощью особых выделяемых ими катализаторов — ферментов.

Вот протеолитические ферменты. Известно, что только 14—17 процентов говяжьей туши составляет мясо высших сортов, пригодных для приготовления бифштексов. Есть много жестких мышечных тканей, по поводу которых солдаты у Анри Барбюса шутили: «Ешь осторожнее, может быть, сапожник забыл вытащить из этой подошвы гвозди». Ферментная смесь в течение 20—30 минут исправляет сорт мяса: самые жесткие части его становятся мягкими. Интересно отметить, что препарат «ФС» дешев, хорошо хранится. Он не придает мясу постороннего привкуса или запаха.

Подобные ферменты применяются в кожевенной промышленности. Там они помогают химикам очищать шкуры от волоса. Заставить шкуру «облысеть» не так-то просто. Приходится в течение долгого времени обрабатывать ее сернистым натрием. Шкура загрязняется, теряет свои ценные качества. Проще, дешевле и чище выполняет эту работу фермент: с его помощью растворяется луковица — «корневая система» волос, и шкура «облетает», как дерево под осенним ветром.

Микробы, выделяющие протеолитические ферменты, работают и в кинопромышленности: они растворяют желатиновую эмульсию на кинопленке во много раз быстрее, чем кислоты и щелочи.

Гимнастический год на исходе. Он был послеолимпийским, и это, казалось, должно было обещать некое затишье. Между тем год оказался достаточно бурным. Судите сами: Кубок Европы для женщин. Наш отечественный Кубок, достаточно богатый неожиданностями. Матч СССР—Япония, сведший на помосте главных претендентов на мировую гимнастическую гегемонию. И, наконец, недавний чемпионат страны, которому положено было подвести итоги интересного и трудного сезона. Об этих общих итогах и пойдет речь...

Наташа Кучинская всех покорила своими вольными упражнениями. Именно здесь, на ковре, она окончательно закрепила за собой звание абсолютной чемпионки СССР 1965 года.

НЕЗНАКО
ВСЕ

Станислав ТОКАРЕВ

Что такое современный высококлассный гимнастический номер вне зависимости от того, на каком снаряде он исполняется? Это каскад головоломных акробатических трюков, это бешеный темп, это, наконец, композиционный рисунок, также отличный от прежнего классического.

Многие из вас наверняка видели на телеэкране вольную комбинацию чехословацкой гимнастки Веры Чаславской, олимпийской чемпионки и одной из ярчайших представительниц «новой волны». Чаславска выступает под аккомпанемент шопеновского «Революционного этюда». Она не первая выбрала эту музыку. Но никто до нее не осмелился так отважно подчеркнуть своими движениями бурный, стремительный, мужественный характер мелодии. Чаславска не старается ласкать глаз зрителя — она тревожит, будоражит, она не дает отдохнуть ни своим мышцам, нервам, темпераменту, ни нашему напряженному, увлеченному вниманию. А возьмите итальянца Франко Меникелли, лучшего в вольных упражнениях среди мужчин. Его, если можно так выразиться, «пространство движения» не ковер, а воздух над ковром. Воздух, в котором бешено мелькает тело спортсмена, влекомое вихрем сальто и пируэтов.

И я склонен всерьез утверждать, что все это — порождение нынешнего дня, быстрого, непокойного. Ритм времени передают и гимнасты.

С точки зрения жизненной логики в нашей женской гимнастике буквально за последний год произошло нечто трудно объяснимое. На правом фланге шеренги стояли, как, впрочем, и сейчас стоят, Лариса Латынина, спортсменка яркого и жизнерадостного дарования, трепетная, изящная Полина Астахова, и их подруги по сборной. На подходе, как говорится, были гимнастки среднего поколения (в смысле спортивном, а не возрастном), такие, как Елена Тяжелова, Елена Волчецкая, Лидия Лабунец, Мзия Ниношвили. Они в ту пору и составляли вторую, резервную сборную страны и должны были вот-вот заменить ведущих.

Прошел год, и взгляните, что случилось! Ведь сейчас вторая сборная — да, собственно, уже первая — это Наталья Кучинская, Лариса Петрик, Зинаида Дружинина, Ольга Харлова, девочки по 16—17 лет. Где же смена поколений, которая в жизни происходит так же логично, как в природе смена сезонов? Где те, которых я назвал выше?

Да, 23—24-летним спортсменкам не повезло. Сколь бы ни были богаты их потенциальные возможности, но таланты эти зрели и развивались в рамках прежней школы, и властные требования нового им оказались не по плечу.

Итак, казус «выпавшего звена» потребовал сразу, сию же минуту притока свежих сил, максимально свежих, потребовал, так сказать, чистой бумаги, на которой можно было без всяких помех вывести новый рисунок. В этом смысле победа школьницы Ларисы Петрик над прославленной Ларисой Латыниной на чемпионате страны 1964 года, победа, которую в данном частном случае можно объяснить и естественной усталостью Латыниной после тяжелого олимпийского года и некоторой, видимо, недооценкой соперницы, имела, как выяснилось позднее, более общее и важное для нашей гимнастики значение. Она дала реальное обоснование начавшемуся процессу смены. И вот перед нами новая абсолютная чемпионка СССР — Наталья Кучинская.

Однако для того, чтобы сохранять гегемонию на мировом гимнастическом помосте, надо иметь не только десяток равных и высоких по классу спортсменок, необходима еще и солистка, чей голос звучал бы сильнее, чище хорового сопровождения. Так есть ли у нас сейчас мастер, которому по силам противостоять в ближайшее время блистательной Вере Чаславской?

Три кандидатуры бесспорны: Дружинина, Кучинская, Петрик.

Зинаиде Дружининой 17 лет. Два года назад она, приехав в Москву из Йошкар-Олы поступать в техникум, не умела даже толком сделать шпагат.

Давайте задумаемся над вопросом, что есть спортивный талант. Почему один человек одарен от природы способностью быстро бегать, а другой — незаурядной си-

лой, необходимой для того, чтобы поднимать штангу, а третий — удивительным умением попадать мячом в баскетбольное кольцо? Есть, очевидно, какие-то особенности в строении его мышц, в структуре нервной системы. В этом смысле (я совершенно убежден) гениальный пловец — явление такое же закономерное, хотя и редкое, как и гениальный певец. Дело лишь в том, что красивый и сильный голос обнаружить легче, нежели глубоко скрытую в человеке способность стремительно передвигаться в воде. Вообще, как правило, спортивное дарование раскрывается не сразу и не вдруг, а иногда не раскрывается вообще. Откуда знать вам, читатель, может, в вас умирает или уже умер чемпион мира, скажем, по пинг-понгу?

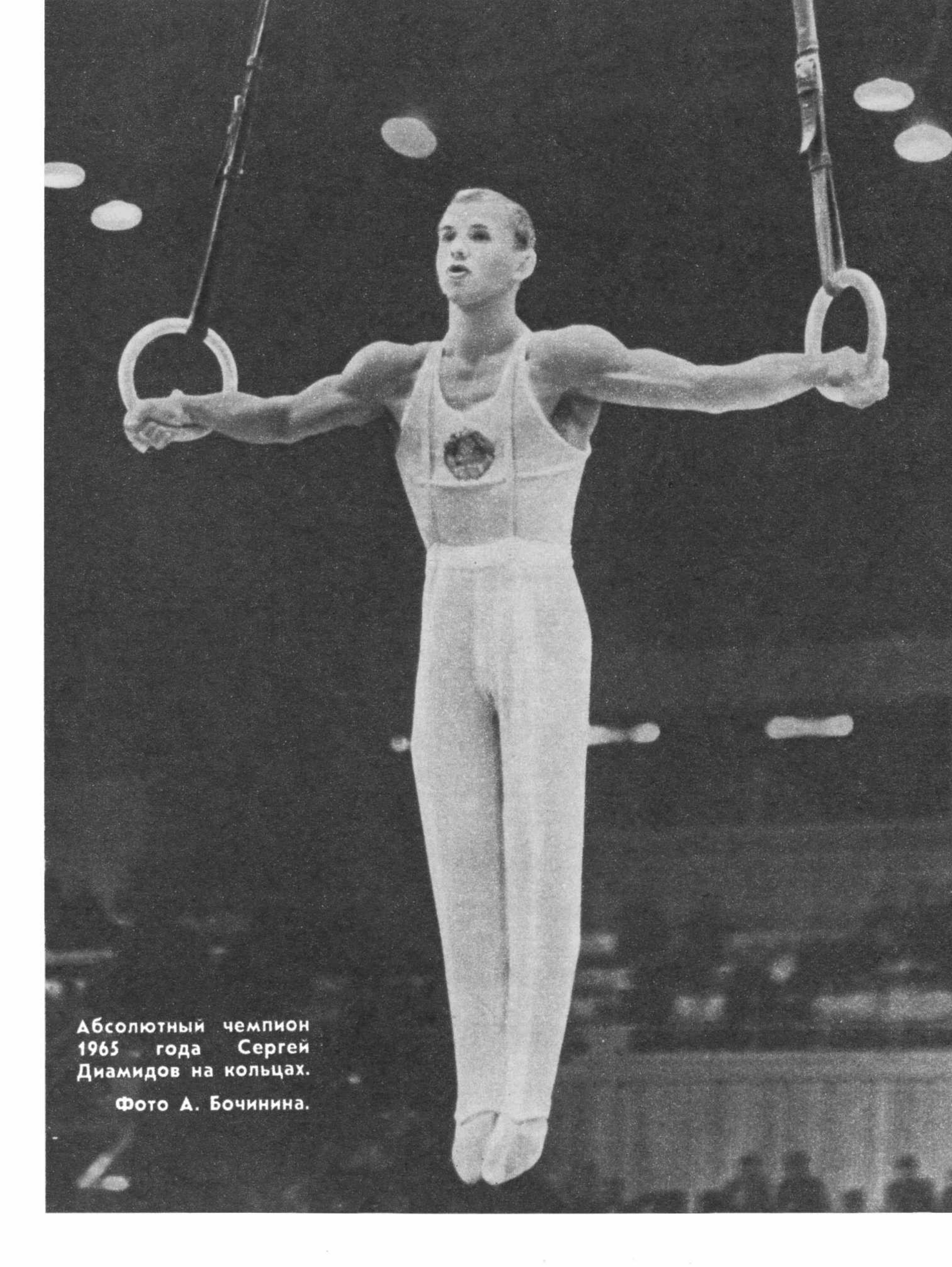
Я веду этот разговор к тому, что как раз Зинаиду Дружинину можно со спортивной точки зрения считать уникумом. Вундеркиндом, что ли. Потому что ее богатейшую одаренность не скроешь ничем, она бросается в глаза чуть ли не с первого взгляда. Словами это описать трудно: врожденная грация, пластичность, изящество, гибкость. Короче, в руки молодого, ищущего и думающего тренера В. Шелковникова попала гимна-

победы гораздо важнее и нужнее сегодняшних.

Может быть, опасения мои преждевременны и излишни. Но можно поставить вопрос и в более общем плане. Мировой спорт неудержимо шагает к высотам почти космическим и одновременно быстро и резко молодеет, и уже во многих видах чемпионы, не успевшие вырасти из коротких штанишек, не редкость, не сенсация. Тем внимательнее и вдумчивее должна быть спортивная наука. Вдумчивее и притом осторожнее.

...Если женская гимнастика только набирает темп в погоне за сложностью, то в мужской, кажется, наметилась некоторая стабилизация. Во всяком случае, побывавшие у нас японцы — а их вполне можно считать законодателями мод — не привезли никаких особых «ультра-си» (во всяком случае, по сравнению с прежними визитами), и внимание их сейчас явно обращено на то, чтобы закрепить и предельно отшлифовать вчерашние новинки. Так сказать, обжить и освоить открытые острова. Мы, как мне кажется, идем сейчас на такт позади: у нас процесс поисков и открытий продолжается, а шлифовка еще не началась.

Сказать, что в нашей мужской

Абсолютный чемпион 1965 года Сергей Диамидов на кольцах.

Фото А. Бочинина.

стка милостью божьей. Но надо учесть, что данные данными, а в иных отношениях Дружинина пока безоружна: акробатика у нее слабая, техника — тоже. Дело это, конечно, наживное. Но ведь и время нужно и упорство. Посмотрим, подождем...

Петрик и Кучинская — ровесницы, им сейчас по 16 лет. В характере первой много от Латыниной. Витебская школьница так же упряма и задорна, ее тоже трудно выбить из седла неудачей, и, насколько я знаю, последняя — на чемпионате страны — неудача в этом смысле не стала исключением. Ведь... в гимнастике чем сложнее, тем лучше, чем труднее, тем интереснее. Ленинградка Кучинская, пожалуй, чуть строже и сдержаннее в жизни и трудолюбива отчаянно. Шутка ли, она заканчивает специализированную математическую школу и вдобавок, если судить по ее нынешним выступлениям, тренируется очень много и самоотверженно. До такой степени, что начинаешь невольно за нее опасаться. На недавней встрече гимнастов СССР и Японии Наташа показала комбинацию на бревне и вольные упражнения буквально на пределе сложности. Да, конечно, они полностью соответствовали нынешнему модному течению, но стоит ли вот так, все разом? Конечно, приятно, что в столь юном возрасте она сумела стать абсолютной чемпионкой страны. Но ведь нам с вами ее завтрашние

гимнастике произошла такая же резкая смена имен, как в женской, нельзя. Здесь все происходит логичнее и спокойнее, в сборной представлено и старшее поколение (Шахлин), и среднее (Леонтьев, Кердемелиди и другие), и младшее поколение (Диамидов, Воронин, Сошин). И вот опять-таки начинаешь искать в этой шеренге лидера образца 1968-го олимпийского года. Кто он?

На ум приходят два имени — Сергей Диамидов и Михаил Воронин. Оба они появились на спортивном горизонте в год Токийской олимпиады и успели побывать в Токио. Правда, Воронин — лишь запасным. Но дело не в этом, ведь ясно, что в тот год и Воронина и Диамидова руководство сборной особенно серьезно в расчет не принимало, они просто обстреливались.

Говоря по чести, москвич Воронин мне поначалу представлялся более перспективным. Очень перспективным. И это радовало, потому что давно уже, к сожалению, нет у нас яркой индивидуальности ранга Чукарина. Шахлин даже в лучшие свои годы не поднимался до чукаринских высот, хотя — что говорить — тоже большой, выдающийся мастер. Но вот среднее поколение у нас оказалось ровным, надежным и, пожалуй, не более того. «Техничками» — называют таких в балете, имея в виду отсутствие своеобразия, особого почерка, собственного, если хотите, творческого «я».

Воронин внешне не похож на многих современных гимнастов. Они сейчас пошли все больше коренастые, плечистые, с тяжелой, рельефной мускулатурой. Штангисты, да и только. Естественно, у них много чисто силовых упражнений. Вместе с тем большинство из них как-то утратило изящество и грацию. А вот Воронин в начале пути был тоненьким, стройным, легким. Радовал глаз. Сейчас он немного погрузнел, жаль. Но не только в этом дело.

Гимнастика — многоборье, и это означает, что большой мастер должен быть силен и на кольцах, и на коне, и в прыжках, и на других снарядах. Все так. Но, чтобы побеждать, необходимо обязательно в чем-то иметь свой козырь. Вы, очевидно, замечали, что чаще всего победитель марафонского бега финиширует в одиночку, в значительном отдалении от преследователей. Большую часть трассы он бежал с ними рядом, в основной группе, а потом на каком-то километре совершил решающий рывок и ушел вперед один. Вот роль этого победного километра для мастера гимнастического многоборья и должен играть «собственный снаряд».

А у Воронина такого, пожалуй, пока нет. Нельзя, разумеется, забывать о двух «десятках», полученных Ворониным на кольцах во время последнего чемпионата страны. Но все же мне сдается, что не кольца должны быть главной любовью Воронина. От него ждешь ярких и пластичных вольных упражнений. В этом смысле Диамидов ярче: он хорош на коне, а его «вертушка» — неуловимо стремительный и смелый поворот над брусьями — уже запомнилась и зрителям и знатокам.

Да, Диамидов, завоевавший первенство страны, очень перспективный гимнаст, и надо надеяться, что он сможет повести спор на равных с нашими традиционными соперниками — японцами. Во многом мы сравнялись с ними, но одно, к сожалению, ничуть не изменилось: ежели в тот момент, когда гимнаст выполняет вольные упражнения, закрыть глаза и попытаться на слух определить, кто на ковре — наш или японец,— догадаться можно почти безошибочно. Тишина — значит, не наш гимнаст. «Бух, бух, бух» — стонет и трещит помост,— наверняка наш выступает. Это деталь, но очень важная, и смысл ее совсем не в том, что гимнасты Японии просто в силу национальных особенностей меньше ростом и легче. У них другая школа. Они эластичнее, расслабленнее, что ли, в хорошем, конечно, смысле слова. Отсюда, кстати, их великолепное умение приземляться после прыжка или соскока. Не шелохнутся. Носками, словно булавками, впился в помост. Вот этой технике нам необходимо у них учиться.

...Дописывая эти строчки, я отдаю себе отчет в том, что заметки мои, естественно, субъективны и во многом спорны. Но комплекс спортивных требований и субъективных впечатлений выражается в баллах. Давайте же считать, что написанное удовлетворяет лишь одной стороне этих требований.

Отпечатки ладошек

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

* * *

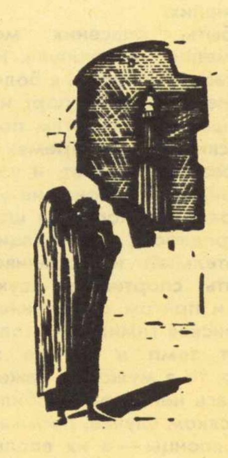
Бангалор, Бангалор,
навсегда он запомнился мне
Отпечатками детских ладошек
на белой стене.
На беленой стене,
очень четко видны при луне,
Отпечатки ладошек горят —
пятерня к пятерне.
Замарашки мальчишки,
чумазые озорники,
Для чего оставлять на стене
отпечаток руки?
Это черная глина
со дна обмелевшей реки —
Отпечатки ладошек,
как будто цветов лепестки.
И никто не смывает
веселых следов озорства.
Это к счастью намазано —
так утверждает молва,
Вековая молва
большей частью бывает права,
Заявил о себе
бангалорский сорвиголова!
Отпечатки ладошек
пускай сохраняет стена —
То ли черные звезды,
то ль огненные письмена.
В них таинственный смысл,
и его расшифровка трудна,
Надо знать этот мир,
все события и племена.
Отпечатки пылают
при плоской восточной луне,
И немножечко грустно,
что в детстве не выпало мне
Отпечаток ладошки
оставить на белой стене
И себя утвердить
в растопыренной той пятерне.

* * *

Над горизонтом низко Южный Крест,
Холодное созвездье этих мест.

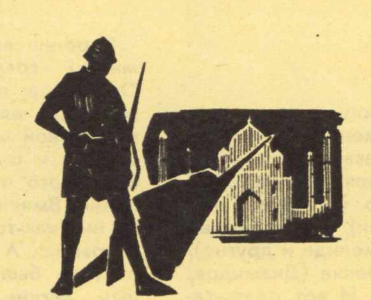
А ночь, как печь, и призрачно далек
Созвездия бесстрастный холодок.

Из края вьюг я прилетел сюда,
Где грела нас Полярная звезда.

Предшественник

На белом камне Тадж-Махала,
Дворца, хранящего века,
Следы невежды и нахала —
Кривые росчерки штыка.
Солдат Британии великой
Решетки древние рубил:
Он принял сумрак сердолика
За ослепительный рубин.
И, выковыривая камни
Из инкрустаций на стене,
Он ослеплял цветы штыками,
Не думая о судном дне.
Ах, мальчик Томми, добрый Томми,
Над Темзой в свете мокрых лун
Он в чопорном отцовском доме
Был паинька или шалун.
Из Агры он писал, что жарко,
Что не оправдан мамин страх,
Что могут дома ждать подарка
И повышения в чинах.
...Я в Индию приехал позже,
Мне Томми встретить не пришлось.
Но вспомнить не могу без дрожи
Века, пронзенные насквозь.
Я видел на других широтах,
Пусть сыновей других отцов,
В карательных баварских ротах
Таких, как Томми, молодцов.
Он их предшественник законный,
Хотя и вырастал вдали
Завоеватель тех колоний,
Что нынче вольность обрели.
Все плиты мрамора, как в оспе,
Штыком осквернены века.
Знакомая, однако, роспись,
И так похожи почерка!

Жара

Температура крови — тридцать семь
По Цельсию у ночи колдовской,
А днем пылающих деревьев сень
Не оградит от влажности морской.
Все вверх ползет безжалостная ртуть:
Вот сорок, сорок два и сорок пять...
Соленый этот кипяток вдохнуть —
Как будто самого себя распять.
Шары жары катит в меня Бомбей,
И пот стекает струйками со щек.
Сейчас взмолюсь я: только не убей,
Мне дочку надо вырастить еще.
Но не услышит зной моей мольбы,
Не установит для меня лимит.
Печатью солнца выжигая лбы,
Он поровну, всех поровну клеймит.
А эти боги с лицами людей,
И эти люди с лицами богов
Живут, благословляя свой удел
На жарких землях пятьдесят веков.
И три недели жалкие мои,
Мой испытательный короткий срок,
Твердят: о снисхожденье не моли,
Узнай, пойми и полюби Восток.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ

Бать-Май — окраина Ханоя. Еще не так давно это был типичный пригород. Редко и беспорядочно вдоль дороги, убегающей на восток, стояли потемневшие от времени и непогоды бамбуковые хижины. Кое-где зеленели огороды. Чуть дальше тянулась топкая, ржавая, заболоченная низина.

Несколько лет назад сюда пришли сотни ханойцев, чтобы разбить на месте пустыря парк. Его назвали дорогим для каждого вьетнамца словом «Тхонг-нят», что означает «Единство». Это слово очень много значит и для северян и для южан. Друзья обязательно скажут вам, что в этом парке есть деревья, которые растут на юге, или в Центральном Вьетнаме, там, за 17-й параллелью. Деревца, посаженные заботливыми руками северян как напоминание о вечно родном юге, набрали силу, окрепли, словно символизируя растущую веру вьетнамцев в то, что их родина будет единой.

Сейчас район Бать-Май стал еще краше. Рядом с парком Тхонг-нят вырос прекрасный дворец из стекла и бетона — Ханойский политехнический институт. На берегу голубого озера, за зеленым кружевом пальм, как сказочные корабли, стоят девять четырехэтажных зданий: учебные корпуса, лаборатории, библиотеки. Это не только самое крупное учебное заведение в ДРВ, но и самый большой учебный центр во всей Юго-Восточной Азии. Такой дворец науки был бы украшением любого города. Сколько любви, таланта, труда вложили вьетнамские и советские строители, чтобы создать этот подлинный храм науки!

Мне посчастливилось недавно присутствовать на торжественном открытии института. Трудно передать радость вьетнамской молодежи. Такого праздника у ханойских студентов еще не бывало! Хрустальным дворцом назвали вьетнамские студенты свой институт.

«Мечта вьетнамской молодежи иметь национальный научный центр сбылась,— сказал заместитель премьер-министра ДРВ товарищ Ле Тхань Нги,— Дворец технической культуры вырос на вьетнамской земле».

У многих преподавателей на лацканах пиджаков хорошо знакомые нам синие и красные ромбики — они окончили советские вузы. Среди них выпускники Бауманского, Ленинградского политехнического, Московского инженерно-строительного и многих других институтов Советского Союза. А теперь обладатели этих значков сами учат студентов, а их выпускники будут с гордостью носить значок Ханойского политехнического.

В институте 7 факультетов, он готовит инженеров по 40 техническим специальностям.

Сегодня здесь все подчинено задаче — помочь армии, помочь народу отразить агрессию американских империалистов. На строительном факультете студенты работают над конструкциями легких перекрытий для предприятий, размещаемых в горных районах, над проектами навесных мостов. «Это очень важно,— поясняет нам один из студентов,— для Вьетнама сейчас это проблема № 1».

О войне здесь не забывают ни на минуту. Рядом с учебными корпусами отрыты щели, построены бомбоубежища, стекла в окнах аудиторий на всякий случай заклеены бумагой. Правда, сначала нам показалось, что это кружева. Бумажные ленты самых разнообразных рисунков очень искусно вырезаны ловкими девичьими руками.

Ханойский политехнический институт, организованный по решению правительства в 1956 году и размещавшийся сначала в бамбуковых баранах, подготовил квалифицированных преподавателей. Сейчас их в институте более 700. Институт уже выпустил свыше 5 тысяч инженеров.

* * *

Как просто объявить себя святым,
Тряпицу вывесив, как флаг, на жерди
Над глинобитным домиком своим,
И размышлять о жизни и о смерти;
Уйдя от всех трудов, тревог, забот,
Накрыв худые плечи мешковиной,
Скрестить колени, восседать, как бог,
Потряхивая шевелюрой львиной.
Ты в мире гость и в каждом доме гость.
Вставай, иди, топчи свою дорожку.
Голодные отсыплют рису горсть,
Бедняк отдаст последнюю лепешку.
Постой! Ответь мне на вопрос простой:
Они святые или ты святой?

Система йогов

Изучать систему йогов не хочу,
К огорчению факиров и ученых.
В детстве было: руку на свечу —
Прослывешь героем у девчонок.

Многоликий, многоногий бог
Смотрит, кто это к нему приехал в гости:
Смог бы иностранец иль не смог
Для проверки воли лечь на гвозди?

Я сумел бы, да не стану напоказ
Протыкать себя отточенным стилетом.
Признаюсь, что пробовал не раз,
Правда, оставался цел при этом.

У себя я снисхожденья не просил —
Будет страшно, будет больно, ну и ладно!
Ревности горящий керосин
Я глотал отчаянно и жадно;

Если сердце обвивала мне змея,
И сжимала, и сжимала, и сжимала,
Слишком громко, но смеялся я.
Пусть считают — мне и горя мало.

Между ребер мне вонзали клевету,
Заставляли выгибаться, я не гнулся,
И мерзавили мою мечту,
Чтобы рухнул и уснул без пульса.

Было на ухабах всех моих дорог
Столько случаев для испытанья воли,
Что могу, как настоящий йог,
Демонстрировать пренебреженье к боли.

Рисунки М. ЧЕГОДАЕВОЙ.

На кафедре машиностроения института нас встретил преподаватель Нгуен Ван Хунг. Он приветливо улыбается, знакомит нас с хозяйством кафедры, лабораторией. Хунгу 32 года. Он родом из Южного Вьетнама. В Ханое окончил среднюю школу, в Москве — Бауманский институт, затем — аспирантуру Ленинградского политехнического. Второй год работает здесь.

— База института,— говорит он,— позволяет нам подготовить хорошие кадры для страны. Спасибо советским товарищам за большую братскую помощь. Мы ощущаем советскую помощь во всем. Передайте сердечный привет и самые добрые пожелания Леониду Сергеевичу Мурашкину, моему руководителю, профессору с кафедры станкостроения. Скажите, что Хунг всегда будет помнить его отеческую доброту.

В тот вечер мы познакомились со многими вьетнамцами, обучавшимися в Советском Союзе. Каждый из них с искренней теплотой вспоминал годы, проведенные у нас, своих преподавателей, товарищей. Это был разговор откровенный, душевный. Много слов благодарности услышали мы в адрес КПСС, Советского правительства, советского народа.

Советские ученые внесли серьезный вклад в подготовку преподавательских кадров института. С 1957 по 1965 год здесь работало более 40 профессоров и кандидатов наук из Советского Союза.

Институт молод, но у него уже большие связи. Особенно с Харьковским политехническим институтом. Более 130 вьетнамских специалистов стажировалось в Харькове. Харьковчане тоже частые гости во Вьетнаме, они помогают вьетнамским друзьям.

Встреча в Ханойском политехническом институте еще раз показала силу и плодотворность дружбы и сотрудничества советского и вьетнамского народов.

В. ЗЕЛЕНЦОВ

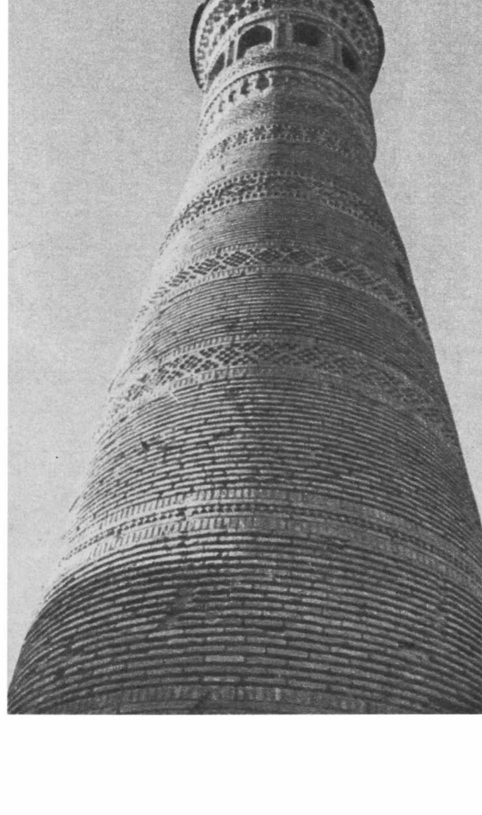
Из беседы Михаила Ивановича Калинина с дехканами. 8 февраля 1925 года. Кишлак Багаутдин, под Бухарою:

М. И. Калинин

— ...Сколько среди вас грамотных? (По подсчету оказалось трое грамотных.)

Худайбатов

— Мы просим вас, чтобы открыли школы. У нас при старом режиме школ не было, и мы не учились. Мы просим, чтобы наше правительство нам помогло открыть школы, чтобы мы были грамотны.

СКОЛЬКО УЧЕНЫХ В КИШЛАКЕ?

РЕПОРТАЖ О ТРЕХ ПОКОЛЕНИЯХ МУМИНОВЫХ ведут наши корреспонденты Юрий Сбитнев и Лев Шерстенников

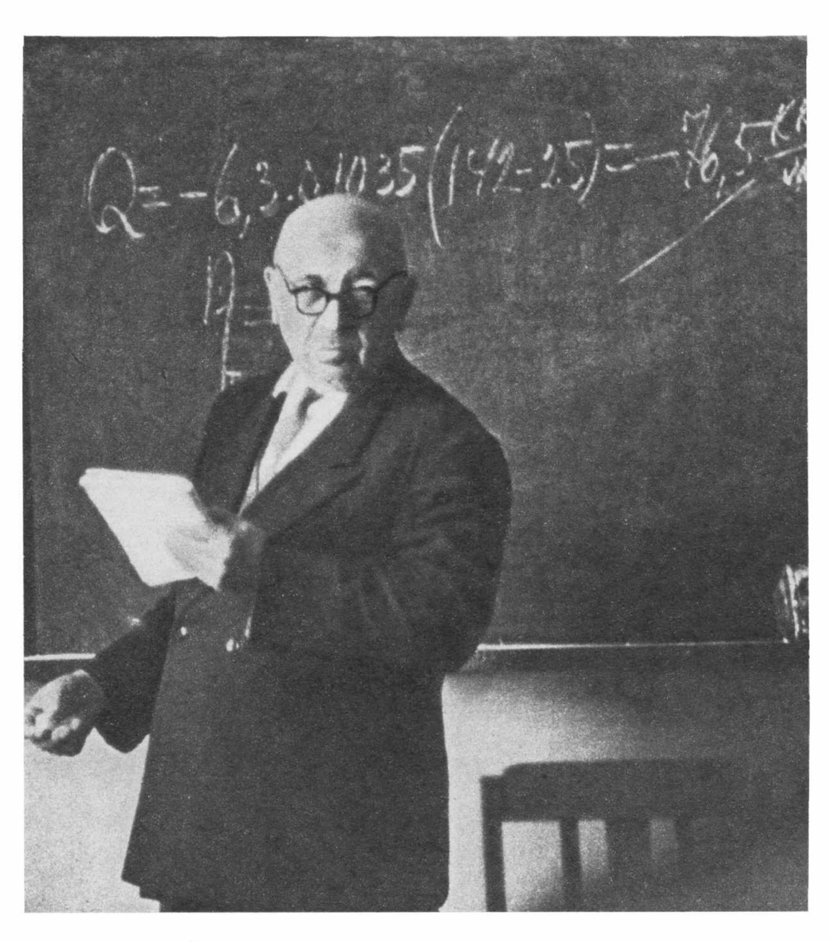
Над Бухарою солнце. Оно не позимнему щедрое, большое и радостное. Древние минареты, взметнувшиеся в небо, новые кварталы современных зданий, мозаичные слон и заяц на стене только что отстроенного детского садика, шумливая ребятня, улицы, улочки, проспекты — все залито светом.

Солнце падает в окна педагогического института, блики на классной доске заставляют прикрывать ладонью глаза, мешают вникать в колонки цифр. В аудитории идет лекция по машиноведению. Будущие педагоги старательно записывают формулы. Но солнце то и дело отвлекает. Солнце озорует. Заиграет вдруг в девичьих сережках, отразится в колпачке авторучек, метнется в очки лектора и двумя светлыми зайчиками скользнет по стене. Но, может быть, никто, кроме нас, и не замечает солнца? Машиноведение — наука серьезная, и студентам сейчас не до лирики.

Мы не случайно зашли в педагогический институт и не случайно сидим на лекции старшего преподавателя машиноведения Араба Муминовича Муминова. Сорок лет назад в такой же зимний, но только февральский день в Бухару приехал всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Среди тех, кто встречал председателя ЦИК, был и Араб Муминов.

— Я, конечно, лично с Калининым не разговаривал,— рассказывал он нам.— Но слушал его выступления, беседы с дехканами. Жил он в вагончике на железнодорожной станции. С ним еще товарищи были... Очень много вопросов о борьбе с неграмотностью задавали. Это запомнилось.

И вот мы сидим на лекции, прислушиваемся к ровному говору преподавателя и стараемся представить тот февральский день, когда в разоренном постоянными басмаческими набегами кишлаке люди расспрашивали Ка-

Араб Муминович Муминов ведет занятия по машиноведению.

линина о народном просвещении, о школах. А Михаил Иванович отвечал на вопросы и говорил о том большом свете знаний, который должна принести Советская власть в каждый дом.

Как же сложилась судьба тех, кто сорок лет назад слушал Калинина? Ну хотя бы судьба семьи Муминовых?

...После лекции мы снова встретились с Арабом Муминовичем.

— У отца,— начал он свой рассказ,— было четыре сына и одна дочь. Все получили образование при Советской власти...

Можно было бы подробно записать его рассказ, но для этого потребовалась бы не одна и не две страницы журнала, а целая книга, книга об узбекской семье из кишлака Тезгузар, под Бухарою...

Мы поехали в кишлак Тезгузар. Здесь в 1920 году была создана первая советская школа. Недолго просуществовала она. Басмачи, свирепствовавшие в этом районе, разогнали учеников, запретили под страхом смерти первым преподавателям Турдиеву и Хамидову обучать детей. Бандиты собирались вырезать все население кишлака поголовно. Но сильнее басмаческих плеток и пуль была тяга дехкан к новому, к знаниям.

В 1921 году в школе снова начались занятия. За парту сели братья Муминовы: Ибрагим и Муса. Это младшие. А старшие, Абдумалик и Араб, работали в молодых советских организациях, сражались с басмачами. Им пока еще не до учебы.

Об этих годах в Тезгузарской школе, которая носит сейчас имя «Правда», вспоминают как о далекой-далекой истории. Сорок два года учит детей Абдусалам Имомназаров. Тридцать восемь лет назад ему, первому комсомольскому вожаку, предложили найти ишаков, чтобы отправить в Бухару на пионерский слет трех мальчиков: Ришода (сына Абдумалика Муминова), Исо Авезова и Абдуллу Авезова.

— Вот так и ехали на первый наш пионерский слет верхом на ишаках,— улыбается Ришод Абдумаликович.

Мы сидим с ним в учительской комнате школы «Правда». Ришод — учитель географии, отец большой семьи. У него двенадцать детей. Старшая, Рано, — врач, Салима заканчивает институт иностранных языков, сын Абдурахман занимается в медицинском институте, шестеро учатся в школе «Правда», а трое пока еще дома, помогают матери по хозяйству.

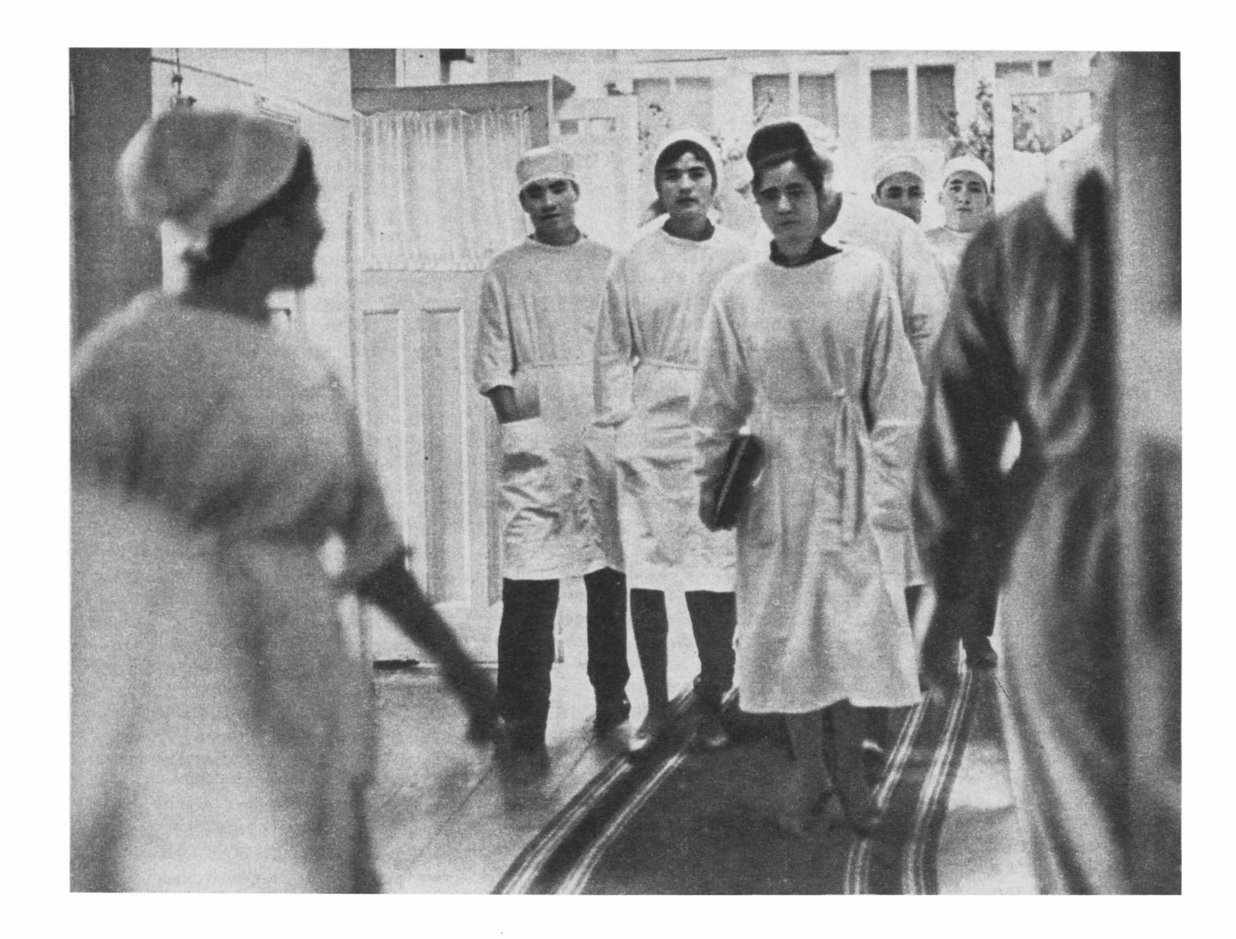
Бухара, Самарканд, Ташкент... Двадцать три адреса записаны у нас в блокноте. Нам надо встретиться с шестью учеными Муминовыми и еще с Муминовыми, которые будут защищать диссертации в 1966-м, и с одиннадцатью — физиками, врачами, инженерами, преподавателями...

Это всего два поколения. А в аудиториях университетов и институтов Самарканда, Ташкента, Москвы, за школьными партами уже сидят третье и четвертое поколения Муминовых. И в той же школе, в которой сорок пять лет назад учился вице-президент республиканской Академии наук философ Ибрагим Муминович Муминов, место за партой заняла Гульнора, внучка его брата, Абдумалика.

Кем она будет, Гульнора? На это ответит время. Пока же она решает свою первую, трудную, очень трудную задачку.

В Бухаре соседствуют древность и юность.

Физик-ядерщик Мухтар Муминов.

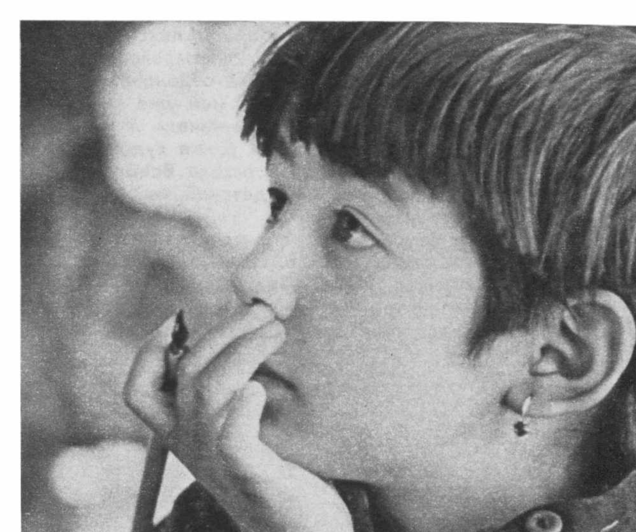

Рабочий день врача Розии Муминовой начинается с утреннего обхода больных.

Действительный член Узбекской Академии наук Ибрагим Муминов.

▶ Первоклассница Гульнора.

В. Лебедев. С. Маршак. «БАГАЖ».

«Читай — смотри!»

Лев КАССИЛЬ

Вы помните? Это у Некрасова, в знаменитом «Дядюшке Якове», в одном из самых сердечных стихотворений, которые поэт посвятил русским детям:

По букварп!
По букварп!
Хватай — бери!
Читай — смотри!

У нас, у людей, для которых забота о ребячьих судьбах и воспитании детей давно стала личной судьбой, настроение сейчас, не скрою, несколько приподнятое. На нашей улице праздник. Вернее, сразу на двух московских улицах: на проспекте Маркса и на Кузнецком мосту. Просторное, расположенное вдоль Александровского сада и кремлевской стены здание манежа отдано под выставку игрушек. О ней уже немало писали в нашей печати. А на Кузнецком мосту, в Доме художника, только что прошла Всероссийская выставка детской книги и книжной графики.

Без малого 2 тысячи детских книжек и почти столько же рисунков, гравюр, иллюстрирующих и оформляющих книги для ребят, расположились на стендах, столах и стенах этой выставки, подобной которой мы еще не видели.

И, любуясь яркими, изящными, мастерски скомпонованными и добротно напечатанными или показанными в первозданной свежести оригинала экспонатами выставки, где все жадно хотелось и читать и смотреть, я, хотя это уже, конечно, и не ново, опять вспоминал Некрасова:

Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!

Ну как, право, не вспомнить тут некрасовскую Феклушу — сиротку, которая крепилась, крепилась, пока вокруг нее другие ребята жевали пряники, но как увидела картинки в книжках, ей недоступных, так уж не смогла удержать слез.

Нет, недаром советская детская книга давно уже стала одним из самых великолепных и убедительных примеров общедоступности культуры и искусства у нас в стране. Мы как-то уж привыкли к тем космическим цифрам, которыми выражаются тиражи отдельных прославленных авторов детских книг и общий головокружительный размах выпуска литературы для ребят. Цифры эти как-то примелькались нам. А ведь за рубежом они вызывают изумление, порой еще сдерживаемое затаенным неверием. Сколько раз в Западной Европе или в США, когда мне доводилось называть тиражи книг моих товарищей по детской литературе, меня сперва осторожно переспрашивали, боясь ошибиться и поверить, а затем я слышал восклицание: «Да вы же миллионеры!»

Ну что же, согласен! Да, миллионеры! Если говорить об этом в том смысле, как принято говорить, скажем, о летчиках, налетавших не один миллион километров.

Но дело не только в цифрах. Хотя и они говорят о многом. Выставка еще раз напомнила, что лишь за один 1964 год издательства РСФСР выпустили 1 586 названий книг для детей. И общий тираж их составил почти 175 миллионов экземпляров. Интересно отметить, что по тиражу детская книга в Российской Федерации занимает $^4/_5$ всей книжной продукции страны!.. И все-таки, как известно, это не удовлетворяет полностью спроса. Ведь нет у нас такого дома, где, если там растет хотя бы один ребенок, не было бы детской книги. И к 1970 году намечается почти удвоить объем издания литературы для ребят!

Обо всем этом напомнил вводный раздел выставки. Но, повторяю, выставка порадовала не только цифрами, масштабами и географией издания книг для детей. Ведь это была также и выставка книжной графики, показ великолепного мастерства художников, которые отдали свой талант, свою творческую энергию подрастающим читателям и зрителям: «Читай—смотри!»

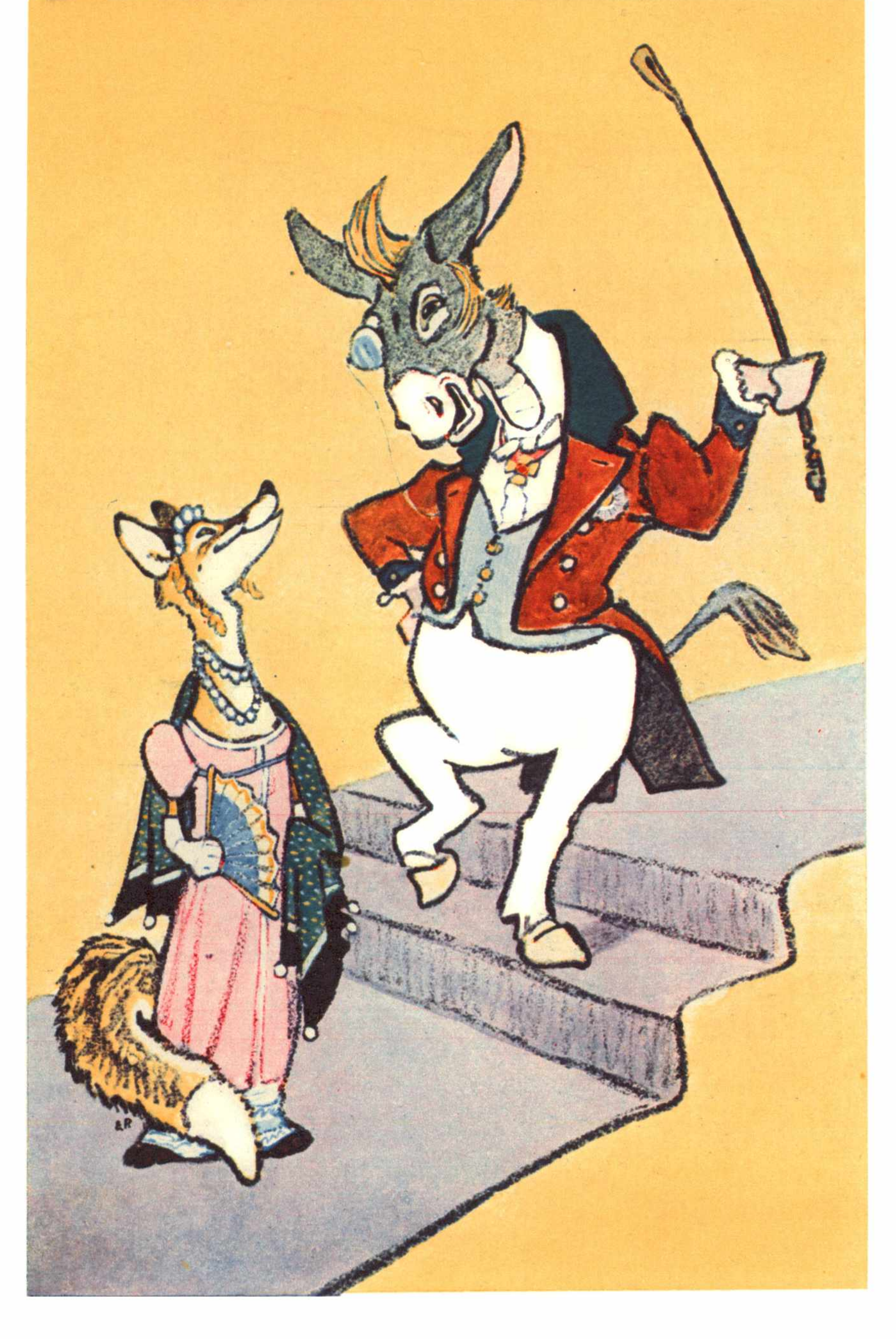
Не будем сегодня говорить о содержании книг, которые печатают для детей издательства «Детская литература», «Молодая гвардия», «Малыш», «Просвещение», «Советская Россия» и специализированные редакции многих местных издательств, экспонировавших свою продукцию на стендах выставки. Надо ли напоминать, что литература для детей у нас в стране по идейной направленности и по художественному качеству своему давно стала неотъемлемой частью, просторным и видным участком общей отечественной литературы и завоевала всемирное признание. В данном случае хочется сказать подробнее об «одежке», по которой книгу, особенно детскую, встречают. Выставка детской книги и книжной графики превратилась в настоящий праздник полноценного, неисчерпаемо разнообразного и в то же время проникнутого единым духом красоты и человеколюбия искусства — того пленительного и победоносного искусства, которому «все возрасты покорны». И мы снова радовались уже известным изданиям любимых детских книг, с любовью и проникновенным талантом «одетым» нашими прославленными художниками. И любовались рисунками, вросшими в детское воображение так же прочно, как многие стихи, рассказы, поэмы, с которыми художник в содружестве с писателем и поэтом пришел к ребятам.

На Западе да и в некоторых кругах наших художников существует ложное, на мой взгляд, представление о том, какой должна быть иллюстрация, рисунок, картинка в книге для детей. Некоторые иллюстраторы полагают, что картинка в детской книжке должна не только по содержанию, но и по художественному выполнению своему быть обязательно на уровне ребенка. Только тогда, мол, она воспринимается детьми. И вот в огромном количестве появляются на обложках и страницах зарубежных детских книг нарочито упрощенные, порой низведенные до степени примитивной схемы, расчлененные на элементарные, геометрические фигуры, предельно обедненные по форме рисунки, которые будто бы ребенок сам должен дополнить своим воображением. Порой художник изо всех сил старается подделать свои иллюстрации под детские рисунки, копируя у ребят растопыренные, неуклюжие фигурки, нарочно выворачивая наизнанку перспективу, пятная страницы аляповатыми цветными кляксами. Художник здесь идет как бы на поводу у ребенка, вместо того, чтобы повести его за собой, помочь развиться ребячьему воображению, уточнить представления детей о прекрасном. А ведь сами-то ребята не очень уважают картинки, которые недалеко ушли от их собственных наивных опытов. Тут имеет место процесс, который происходит в отношении ребенка к игрушке. Если совсем маленькому ребенку-несмышленышу вполне по душе приятные на ощупь и яркие первые игрушки, а затем, постепенно познавая мир вещей, его окружающих, он сам складывает из простейших фигур некие подобия предметов взрослого обихода, то дальше, подрастая и более пристально знакомясь с миром машин, кораблей, домов, зверей, он требует от игрушки все более точного или убедительно-образного сходства с реальностью. Нарочитый инфантилизм в иллюстрациях детской книги не отвечает взглядам на мир растущего существа.

Наши мастера книжной графики, выдающиеся советские художники, увлеченно работающие над иллюстрацией и оформлением детских книг, идут по другому пути, расширяя и уточняя представления маленького читателя о жиз-

В. Конашевич. А. Пушкин. СКАЗКИ.

Е. Рачев. И. Крылов. БАСНИ.

А. Кокорин. Сборник «ВОДЯТ ПЧЕЛЫ ХОРОВОД».

Н. Цейтлин. О. Дриз. «ПОВЕСТЬ В УЗЕЛКЕ».

Е. Чарушин. С. Маршак. «ДЕТКИ В КЛЕТКЕ»

ни, уча детей верному видению мира, воссоздавая зримо образы, живущие в книге, порой вступая с читателем в веселую, условную и заманчивую игру. При этом сохраняются самые разнообразные манеры, свойственные тому или иному художнику.

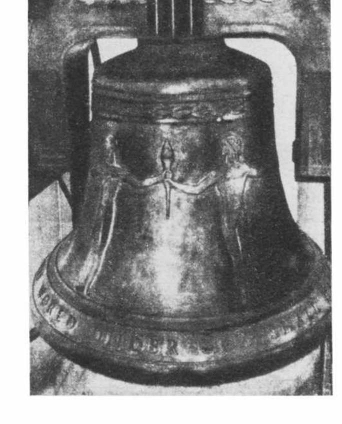
И вы сразу узнаете чудесные работы В. Лебедева, с его особой манерой, легкой, воздушной, таящей нежный свет и поэтично передающей объем и фактуру. Полны характерного обаяния обладающие редким свойством общения со зрителем фигуры детей и взрослых, созданные А. Пахомовым. Как радует ребят увлеченная игра в сказку В. Конашевича, обладавшего как бы доскональным знанием всех уголков и деталей волшебного мира! Одинаково восхищает как детей, так и взрослых веселая, расписная и затейливая прелесть рисунков-сказок Ю. Васнецова. Многообразен и пленителен мир «зверików», полный милых тайн, доверчиво раскрывшихся перед дарованием Е. Чарушина. Д. Шмаринов вывел на страницы шекспировской драмы, изданной для детей, образы Ромео и Джульетты в таких выразительных композициях, что кажется, будто книга превратилась в театральную сцену во время страстного, увлекательного спектакля. Е. Рачев смело подвел ребят к самой сути крыловских басен, подчас подтверждая в зрительном образе те сатирические ассоциации, которые скрываются за текстом. Полны внутреннего драматизма выполненные без тени аффектации рисунки О. Верейского, Б. Дехтерева, поэтически ясные и глубокие по раскрытию образов работы Д. Дубинского.

Если талант знаменитого трио Кукрыниксов раскрыл себя перед детьми лирической своей стороной, то такие мастера, как А. Каневский, В. Горяев, И. Семенов, с большой изобретательной выдумкой, безошибочной меткостью и неисчерпаемым остроумием развили сатирические темы во многих детских книгах.

Как блистательно содружествовали с детской книгой известные художники В. Фаворский, С. Герасимов и А. Лаптев — ныне покойные. Прекрасны работы Е. Кибрика, А. Гончарова, А. Пластова, Т. Мавриной, А. Ермолаева, Н. Жукова, В. Высоцкого, С. Телингатера, П. Суворова! Над «книжками с картинками» отлично потрудились немало сделавшие за последние годы художники: И. Годин, Ф. Лемкуль, Д. Бисти, Л. Токмаков, А. Елисеев, М. Скобелев, Ю. Коровин, В. Сутеев, М. Митурич, В. Цигаль, А. Порет. О каждом из этих мастеров можно было бы сказать немало добрых и благодарных слов.

Не всегда еще в книгах для детей печать полностью доносит до читателя замысел художника. Полиграфическое качество некоторых изданий частенько оставляет желать лучшего. Но в целом выставка на Кузнецком была, если говорить по-бажовски, «глядельцем» в сокровищницу необъятной книжной горы, по которой ребята наши взбираются к высотам разумного и прекрасного. И каждый, кто побывал там, унес в себе теплое ощущение радости за наших детей и чувство гордости за культуру нашу, добрую, щедрую и внимательную ко всему, что растет и заботливо растится.

ПО КОМ ЗВОНИТ «КОЛОКОЛ СВОБОДЫ»

Почти в каждом городе есть свои достопримечательности и реликвии. Есть они и в Западном Берлине. Это памятник антифашистам в Плетцензее, памятник советским воинам напротив рейхстага, Шарлоттенбургский дворец, Шпандауская цитадель... Но есть в этом городе и одна реликвия специального назначения — так называемый «колокол свободы». Не думайте, что это нечто связанное с историей борьбы берлинского трудового люда. Это просто американский подарок в знак признания особых заслуг правителей города в организации всякого рода провокаций против Германской Демократической Республики.

Американский колокол весом в десять с лишним тонн повесили в башне здания Шенебергской ратуши, где размещаются сенат и городская палата депутатов. Изображения и миниатюрные модели этого колокола можно приобрести в любом киоске, а если вы прибыли из какой-либо экзотической страны, — даже получить бесплатно от чиновника, растроганного вашим интересом к проблемам «Расколотого города».

А вот недавно «колоколу свободы» нашлось еще одно применение...

К удивлению западноберлинцев, в печати за подписью редакций восьми крупнейших западноберлинских газет было опубликовано прочувствованное обращение к населению города с призывом провести сбор средств в пользу семей американских военнослужащих, погибших во Вьетнаме. На собранные деньги предлагалось послать к рождеству родным и близким погибших солдат... модели все того же колокола с дарственной надписью, «дабы выразить солидарность Берлина с американской нацией».

Прибывший в Западный Берлин калифорнийский епископ Пайк сообщил, что он чрезвычайно тронут инициативой западноберлинцев. Газеты поспешили разъяснить, что обращение поддерживает правящий бургомистр города Брандт (в чем никто и не сомневался!), что этот жест Западного Берлина вызвал благоприятную реакцию в правительстве США, и т. д.

Однако в Западном Берлине достаточно людей, которые знают правду об американской войне во Вьетнаме. Агрессия США была осуждена и разоблачена на многих студенческих форумах, собраниях евангелических организаций, в западноберлинской печати. На центральной улице Западного Берлина, Курфюрстендамм, известный артист и писатель Вольфганг Нойс при поддержке своих коллег-артистов из театра политической сатиры «Дикобразы» распространял листовки, написанные в ответ на позорное выступление западноберлинских газет. В листовках говорилось: «Во Вьетнаме американские солдаты воюют вместе с южновьетнамским генералом Ки, для которого Гитлер является лучшим примером... Если вы хотите, чтобы война распространилась на Центральную Европу и Берлин, поддерживайте западноберлинские газеты!»

Выступление Нойса явно испортило трогательное комедийное представление, организованное американцами с участием западноберлинских шутов. Сейчас кое-кто из инициаторов кампании забил отбой, пытаясь спасти свой престиж. Близкая к социал-демократам газета «Телеграф», вначале расточавшая елей, уже объявила, что можно придерживаться различных мнений об этой акции, а сама идея дарить миниатюрные колокола тоже сомнительна, хотя и рекомендована американцами.

Затея с «колоколом свободы» провалилась. Еще один конфуз западноберлинских ультра. Не первый и, надо полагать, не последний...

Ю. КОТОВ

В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ?

Фельетон

Очередной слет главарей американского преступного синдиката Коза Ностра состоялся не где-нибудь в захолустье, а в штате Нью-Йорк. Боссы-преступники один за другим приземлялись в аэропорту Уэст Коуст и под бдительным оком личной охраны пересаживались в роскошные лимузины. Царило оживление, необычное даже для такого большого аэропорта. И не только по случаю прибытия звезд уголовного мира. Мало-мальски наметанный глаз мог сразу заметить в толпе многочисленных агентов ФБР. Они сосредоточенно изучали номера стоявших автомашин. Кое-какие номера они записывали. Казалось бы, дело ясное: полицейская ловушка вот-вот захлопнется, и в нее попадет весь цвет гангстеризма.

В этой ситуации наглое спокойствие уголовных боссов граничило с крайней беспечностью. Все они проследовали на свое сборище, которое было открыто точно в назначенный срок. Не спеша, обстоятельно обсудив все, что было нужно, гангстеры разъехались по своим делам. Впоследствии американская пресса почтительно назвала этот бандитский слет «конклавом царей Коза Ностры».

А что же деловитые агенты ФБР? Снова остались с носом? Ни в коем случае! Они не зря толкались в аэропорту и добросовестно выполнили очередное задание. И это об их достижениях с гордостью докладывал правительству сам шеф ФБР Эдгар Гувер. «Новая вершина успеха!» — патетически воскликнул он и тут же конкретизировал эту высокопарную формулу самовосхваления: «За один год ФБР обнаружило и возвратило владельцам 17 430 автомашин, общая стоимость которых — 26,5 миллиона долларов».

При чем тут автомашины? Да при том, что во время описанной выше сутолоки в аэропорту Уэст Коуст агенты ФБР совершали очередную массовую акцию: разыскивали машины, угнанные у незадачливых владельцев загулявшими юнцами. Гангстерам приходилось буквально расталкивать агентов, чтобы пробраться к своим лимузинам и ехать на «конклав царей».

Все это могло бы показаться фельетонным анекдотом, если бы не документальная точность, с которой зафиксированы описанные выше события. В качестве весьма осведомленного летописца и активного участника этих событий выступает бывший специальный агент ФБР Уильям Тёрнер. Он пишет в журнале «Нейшн»: «ФБР прячет свою голову в песок, как только дело касается организованной преступности, и прикрывает свою бездеятельность дутыми цифрами. Масса времени и сил затрачивается на поиски одного украденного автомобиля, который, кстати говоря, так или иначе обнаружит местный полицейский патруль. Угнанные у владельцев автомашины — хлеб с маслом для ФБР. А в результате подобной деятельности — парадокс: в течение сорока лет под главенством Эдгара Гувера ФБР и организованная преступность процветают совместно».

И как еще процветают! Один из сенаторов доверительно сообщил Тёрнеру: «У Гувера больше власти, чем у президента». А о процветании уголовного бизнеса говорит такой, например, убедительный факт: всеамериканский преступный синдикат по своей финансовой мощи превзошел «Дженерал моторс» — богатейшую корпорацию в США.

Теперь уже сам черт не разберет, где бизнес уголовный, а где добропорядочный. «Преступные синдикаты, — пишет известный американский публицист Джон Кросби, — разбогатели и обрели маску респектабельности. Азартные игры, наркотики и промышленный шантаж — все это составляет ныне крупнейшую отрасль американского бизнеса. Деньги гангстеров вкладываются во все другие отрасли бизнеса». В эти «другие отрасли» в первую очередь входит политика. Со знанием дела Тёрнер пишет: «Преступный синдикат называют теперь невидимым правительством из-за того влияния, какое он оказывает на политику». Свидетельство бывшего агента ФБР убедительно подтверждается самим сенатором Робертом Кеннеди. Сенатор неплохо знает эти проблемы и авторитетно заявляет, что «гангстеры стали столь богаты и сильны, что уже переросли местные власти».

Бессилие 16-тысячного аппарата Гувера перед лицом организованной преступности — весьма показательное явление, характеризующее так называемый американский образ жизни. Но справедливости ради надо сказать, что ФБР пасует не только перед уголовниками. Тёрнер пишет и о том, что агенты ФБР всегда сбиваются со следа, когда безуспешно пытаются найти преступников, взрывающих негритянские церкви и убивающих борцов за гражданские права. Беспомощности ФБР в этой сфере деятельности не приходится удивляться. Сам Эдгар Гувер недвусмысленно инструктировал Тёрнера и его коллег: «Мы не можем нянчиться с каждым, кто сует свой нос в дела юга».

Да, неприглядная картина нарисована в записках Тёрнера. Интересно, что скажет Гувер об откровениях своего бывшего соратника? Прочитаешь их, и невольно встает вопрос: в чем же различие между гангстеризмом и бизнесом, гангстеризмом и политикой? И, наконец, вопрос персонально к Эдгару Гуверу: почему Коза Ностра действует эффективнее, чем ФБР?

В. НИКОЛАЕВ

ПОЛНОЧЬ НАСТУПАЕТ ВНЕЗАПНО

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Повесть

Уит МАСТЕРСОН

ОКОНЧАНИЕ. СМ. «ОГОНЕК» №№ 50—51.

Тарджен вел машину в южном направлении. Мысленно он представлял себе, каким должно быть нужное ему место; оставалось только найти что-нибудь подходящее. А искал он укромный уголок, где можно было бы спрятать концы в воду.

Наиболее людные кварталы города остались позади. Тарджен проехал мимо широко разбросанных построек военно-морской базы, окруженных изгородью с пропущенным через нее электрическим током, миновал электростанцию, товарное депо. Но все это его не удовлетворяло.

Теперь, когда первая попытка ликвидировать Рейхо провалилась, Тарджен отказался от первоначального варианта с «несчастным случаем». Времени оставалось в обрез, а после случившегося «дичь» будет держаться настороже. Поэтому Тарджен решил, что Рейхо должен просто-напросто «исчезнуть».

Но вот впереди показался открытый участок автострады — здесь она проходила вдоль самого берега гавани, морские волны плескались почти у самой дороги. Тарджен замедлил ход машины, но после короткого размышления решил, что море слишком легко расстается с мертвыми.

Вскоре он увидел скопление буровых нефтевышек — они вырисовывались на фоне вечернего неба, подобно призрачному лесу. Кое-где на самом верху ажурных башен мигали сигнальные огоньки, кое-где работяги-насосы неутомимо выкачивали из-под земли нефть; местность казалась вымершей. На дороге, пустынной даже в дневные часы, машина Тарджена была сейчас единственной. Он остановил автомобиль и вышел. Вдоль дороги тянулась топь — отстойник нефти, где скапливались отбросы с расположенного поблизости очистительного завода. Тарджен подобрал какую-то палку, присел на корточки и ткнул ее в зловонную жижу. Глубина — фута четыре. Это вполне устраивало Тарджена, тем более что отстойники обычно не чистились, а выжигались после наполнения. Довольный результатами осмотра, Тарджен вернулся в машину.

В маленькой кабине было душно. Ожидая, пока Бив позовет мужа к телефону, Шоули нетерпеливо барабанил пальцами по стенке.

— Да? — послышался голос Пэнна. — Вам удалось что-нибудь узнать?

— Я звоню из аптеки напротив гаража таксомоторного парка, — сообщил Шоули. — Судя по диспетчерскому журналу, интересующая нас особа взяла такси сегодня в двенадцать сорок около гостиницы «Риджуэй», побывала на Розовом бульваре и в час пятнадцать вернулась в гостиницу.

— Она там и остановилась?

— Похоже. Хотите взглянуть на нее?

— Разумеется. Минут через двадцать встретимся у «Риджуэя».

В район, где находилась гостиница, Пэнн приехал минут через пятнадцать. Квартал, посредине которого высился «Риджуэй», был забит машинами. Несколько удивленный, Пэнн подумал, что в расположенном рядом кинотеатре закончился очередной сеанс. Он проехал немного дальше, отыскал для машины свободное место и быстро направился к гостинице. Только теперь он начал понимать, что уличная пробка вызвана совсем не окончанием киносеанса. Словно в подтверждение, послышалось завывание сирены, и мимо Пэнна промчалась «Скорая помощь» с мигающим красным огоньком на крыше кузова. Пэнн почувствовал смутное беспокойство и еще энергичнее заработал локтями, пробиваясь сквозь толпу. Его остановил полицейский, тщетно уговаривавший зевак разойтись:

— Эй, куда вы так торопитесь?

— Что тут произошло? — нетерпеливо спросил Пэнн.

— Женщина выбросилась из окна, вот что, — с трудом переводя дыхание, буркнул полисмен. — Ну-ка назад! Давайте сдадим назад!

Толпа оттеснила Пэнна к дверям какого-то магазинчика. Вытянув шею, он издали видел, как санитары подняли носилки и поставили их в машину. В последний момент Пэнну удалось разглядеть лежащую на носилках фигуру. Это была женщина с очень светлыми волосами — они, казалось, горели в свете уличных фонарей. Задвинулись дверцы, машина умчалась, и зеваки начали расходиться. Пэнн продолжал неподвижно стоять, чувствуя себя больным и растерянным. Он никогда не встречал этой женщины, но сразу понял, кто она.

— А вы, видать, торопились. — Шоули тронул его за локоть. — Двадцать минут истекли только сейчас.

— И все же я опоздал. Это была Айлин Менке?

— Она остановилась в гостинице под именем Айрин Мартин, но мы-то ее знаем.

— Когда это произошло? Вы уже были здесь?

— Никто ничего не знает. Несколько минут назад ее нашли мертвой в переулке между гостиницей и кинотеатром. Пока трудно сказать, сколько времени она там пролежала.

— Но почему? Кто ее убил?

— Возможно, тот, кто вызвал ее сюда, чтобы опознать Рейхо. Он решил, что она знает слишком много. А может быть, ее увидел Рейхо. Как бы то ни было, теперь она ничего не расскажет нам.— Шоули скривился.— Ну, так что же дальше? Пойдем в полицию?

— Мне нужно сначала побывать в одном месте. Я попросил Коновера созвать совещание начальников отделов. Собираюсь выступить с небольшой речью.

— Я обязательно приду,— пообещал Шоули.— Встретимся на совещании.

Пэнн сказал Шоули, что поедет прямо на завод, однако вместо этого поехал домой. Жена встретила его у двери. Взглянув на мрачное лицо мужа, она спросила:

— Не удалось найти?

— Я только видел, как ее увезли в машине «Скорой помощи». Ее уже нет в живых. Кто-то выбросил ее из окна.

— Боже!— ужаснулась Бив.—И кто же?

— Пока неизвестно.— Пэнн с некоторым удивлением посмотрел на жену. На ней были шляпа и перчатки, словно она собралась уходить.— Куда это ты?

— Я думала, ты позвонишь, и мы вместе пойдем в полицию.

— А я пришел сказать, что тебе не следует отлучаться из дому. Закрой все окна и двери. И никого не впускай, даже Шоули. Я еду на завод.

— Но я же хочу помочь тебе, Джим! Сидеть взаперти...

— Так я буду спокойнее.— Он взволнованно сжал ее руку, обтянутую перчаткой.— Возможно, они попытаются захватить тебя, чтобы потом заманить в ловушку и меня. Если я буду знать, что ты в безопасности...— Он внезапно умолк и уставился на ее руку. На белой перчатке довольно отчетливо выделялся оттиск прописной буквы «Д».

— Странно, откуда это?— растерянно пробормотала Бив. Она подняла глаза и увидела, что муж пристально смотрит на нее.— Что с тобой?

Некоторое время Пэнн о чем-то напряженно размышлял, потом натянуто рассмеялся; вдруг мелькнула мысль, что письма писала жена. Впрочем, он тут же отогнал эту дикую мысль: всему причиной события двух последних суток, они слишком его взвинтили.

— Пожалуй, Бив,— сказал он,— мы квиты за твое поведение на площадке для гольфа: я тоже заподозрил тебя кое в чем.

— Должно быть, мы оба сходим с ума. Это такой же оттиск, что и на анонимках?

— Несомненно.

— Но откуда он у меня?— Бив наморщила лоб, мучительно пытаясь что-то припомнить.— Перчатки были совершенно чистые, когда я надевала их перед тем, как отправиться в клуб. Что я делала в клубе? Сидела в гостиной, потом подошла к телефону, когда позвонил Уэйн Александер, потом... потом упала в обморок. Очнулась я на кушетке в кабинете директора. Да. Только так: именно в кабинете я, очевидно, и прикоснулась к свежему оттиску, иначе я не понимаю, каким образом...

— Но постой,— перебил ее Пэнн,— тогда бы оттиск на перчатке получился перевернутым.— Пэнн взволнованно зашагал по комнате.— Между тем оттиск не перевернут, значит, ты где-то дотрагивалась до самого штампа с буквой. Если бы в тот момент ты была в сознании, ты бы, конечно, помнила, как это случилось. Следовательно, все произошло во время твоего обморока.— Он взял ее за руку.— Приляг на кушетку и прими положение, в котором ты очнулась.

— Но я не уверена, что сумею в точности повторить,— пробормотала Бив, опускаясь на кушетку.

— В точности и необязательно.— Несколько минут Пэнн с сосредоточенным видом стоял около кушетки.— Допустим, что одна из букв, буква «Д», выпала из печатного набора и лежала около кушетки на полу или завалилась между подушками. Ты могла случайно дотронуться до нее.

— Предположим. Но это не объясняет, как буква из набора оказалась в кабинете директора.

— Конечно,— медленно проговорил Пэнн.— Но сам-то директор, надеюсь, сможет это объяснить.

Клив Холледей был у себя в кабинете, но Пэнн не пошел к нему. Он облюбовал одно из высоких сидений у стойки бара и стал наблюдать в зеркало за дверью кабинета.

Вскоре Холледей вышел из кабинета с меню в руках и направился на кухню. Пэнн с небрежным видом поднялся со своего места, не спеша пересек гостиную, проскользнул в кабинет и закрыл за собой дверь. Он подошел к кушетке, опустился на колени и тщательно осмотрел коврик на полу, но ничего не обнаружил. Затем он с такой же тщательностью обследовал каждую подушку, но тоже безрезультатно. Однако на ткани, обтягивающей пружины, ему удалось заметить пятно словно от штемпельной краски. Закончив с кушеткой, Пэнн занялся письменным столом. Он уже рылся в нижнем ящике, когда услышал удивленный голос:

— Послушайте, что вы тут делаете?

Пэнн выпрямился и увидел Холледея. Тот стоял на пороге и пристально смотрел на него.

— Что это вы вздумали рыться в моем столе?

Вместо ответа Пэнн вытянул вперед руку с игрушечным печатным набором.

— Закройте-ка лучше дверь,— тихо посоветовал он.

Внезапно побледневший, несмотря на загар, Холледей послушно выполнил это требование, но к Пэнну не подошел и остался около двери.

— Даже как член клуба вы не имеете права...

— А я здесь не как член клуба. Я пришел сюда, чтобы ответить на ваши письма — те самые, что вы печатали с помощью вот этого набора.

Глаза Холледея тревожно забегали по кабинету.

— Я не понимаю, о каких письмах вы говорите,— с помощью этого набора я печатаю клубные объявления.

— Я только что видел доску с объявлениями. Все они напечатаны на машинке.— Пэнн отшвырнул набор и обошел вокруг стола.— Ну-ка, Холледей, рассказывайте.

— Вы хотите убить меня?— в ужасе отшатнулся Холледей.

Пэнн в изумлении остановился.

— Убить? Почему я должен убить вас?

— Оставьте меня в покое!— истерично закричал Холледей.— Я не хочу умирать, как Гемайл!

Поведение Холледея, его смертельный страх навели Пэнна на какую-то мысль.

— Возможно, вам и в самом деле придется умереть,— сказал он.— Но возможно, и нет. Кто я, по-вашему?

— Лейл Рейхо,—прошептал Холледей.— Я знал вас в Чикаго. Вы не помните меня, я не входил в вашу компанию. Я сразу узнал вас в тот вечер, когда вы и Гемайл встретились здесь и вы потом убили его.

— Если я убил Гемайла за то, что он узнал меня, почему бы мне не убить и вас?

— Это бессмысленно! — воскликнул Холледей.— Поверьте, мистер Рейхо, это ничего вам не даст. Они уже все о вас знают. Они уже послали сюда человека.

— Они? Кто они?

— Не могу сказать точно,— смутился Холледей.— Профессиональные игроки из Лас-Вегаса. Я не хочу знать их имен. Вредно для здоровья знать много.

— Сдается мне, что для человека, который так заботится о своем здоровье, вы пошли на очень большой риск с этими анонимками.

— Ошибся,— устало кивнул Холледей.— Хотел воспользоваться благоприятной обстановкой. Мне нужны деньги, а я знал, что вас в любую минуту могут убить. О, я понимал, вы человек опасный, но я решил, что хоть раз-то успею что-нибудь сорвать с вас. Ну, а разыскать меня вы бы уже не успели.

— Вы заблуждаетесь. Я вовсе не Лейл Рейхо. Похож я на него или не похож, меня зовут Джим Пэнн. Произошла чудовищная ошибка.— Пэнн сжал кулаки.— Меня так и подмывает свернуть вам шею. Но пусть вами займется полиция.— Он сделал шаг вперед.— А теперь убирайтесь.

Холледей с такой поспешностью отскочил в сторону, что споткнулся и чуть не упал. Пэнн мрачно смотрел на него.

— Вы не верите мне? Я не Рейхо.

— Что вы?!— закивал Холледей.— Конечно, верю. Но если вы не Рейхо, то почему же вы не обращаетесь в полицию?

— С превеликим удовольствием, но вначале мне нужно побывать на одном совещании.— Он заметил скептическое выражение, появившееся на лице Холледея.— Но не стройте иллюзий, Холледей, я еще займусь вами... Или, может, вы рассчитываете, что убийца настигнет меня раньше?

— Ничего подобного, мистер...

Не дослушав, Пэнн вышел из комнаты.

«Нет, это несправедливо,— размышляла Бив.— Почему все время рискует только он один?— Сжавшись в комочек в кресле около телефона, она уже полчаса мучилась дома одна.— Что же все-таки произошло в клубе? Если бы я только знала, что он добрался туда благополучно!» Бив протянула руку к телефону, но тут же отдернула ее. Если Джим еще в клубе, его начнут разыскивать и помешают ему, а если он на заводе... На завод она звонить не хотела.

«Чувствует ли Джим, как я беспокоюсь о нем?»— Бив решительно встала, взяла из шкафа пальто и быстро поднялась наверх, в комнату прислуги.

— Если мистер Пэнн позвонит,— сказала она Лоуэлле,— передайте, что я буду ждать его в клубе.

Бив вывела из гаража фургончик, завела мотор и, сразу развив большую скорость, скрылась в темноте.

Пэнн вышел из лифта на пятом этаже «Аквариума», где его уже нетерпеливо поджидал Шоули.

— Вы, как видно, предпочитаете медленную езду,— проворчал он.— Я уже всякое начал предполагать.

— Вы слишком беспокоитесь... А где люди? В кабинете Коновера?

— Там. Если, по-вашему, я зря нервничаю, посмотрим, что скажут остальные!

В сопровождении Шоули Пэнн прошел через пустую приемную в роскошный кабинет первого вице-президента. Собравшиеся встретили его одновременно возгласами облегчения и раздражения.

— Я должен извиниться, что заставил вас ждать,— начал Пэнн, останавливаясь посреди кабинета.— Но у меня не было возможности приехать раньше.

— Может быть, вы скажете нам, почему потребовали созвать совещание в столь необычное время?— с трудом сдерживая себя, осведомился Коновер.— Вам, вероятно, известно, что у каждого из нас есть дом и семья.

— В том числе и у меня. Вчера я поступил, как законченный идиот, позволив фирме вмешаться в мою личную жизнь. Я сделал это на таком же совещании и считаю необходимым исправить свою ошибку в присутствии тех же лиц. Хочу довести до вашего сведения, что после совещания я немедленно отправлюсь в полицию, как собирался сделать вначале и как, безусловно, надо было сделать.

Среди присутствующих прошло легкое движение, и Коновер поспешил успокаивающе заметить:

— Ну что ты, Джим! Мы понимаем, что ты волнуешься, однако зачем же решать

столь поспешно! Наш долг — свято блюсти интересы фирмы «Вулкан».

— Во имя интересов фирмы я уже допустил, что мое имя вот-вот будет запятнано, а сам я буду убит. Сегодня лишь чистая случайность помогла мне спастись, но одна женщина уже стала жертвой всей этой истории. Между тем все могло бы пойти иначе, если бы мы вели себя, как подобает разумным людям, а не перепуганным насмерть баранам.

Пэнну показалось, что некоторые из коллег одобрительно встретили его слова, но Коновер вновь поспешил вмешаться:

— Видите ли, с властью и положением связана определенная ответственность. Люди, занимающие такое положение, как мы, не вправе думать только о себе. Этот крест должны нести все ответственные служащие.

— Как сотрудник фирмы «Вулкан», я обязан добросовестно выполнять свои служебные обязанности и свой гражданский долг. Все остальное — мое личное дело.— Пэнн пересек кабинет и остановился перед Коновером.— А теперь прошу вернуть мою частную корреспонденцию.

— Я должен понять это как ваше заявление об уходе с работы, мистер Пэнн?

— Вы получите мое официальное заявление не раньше, чем я восстановлю свое доброе имя,— ответил Пэнн и, помолчав, добавил:— Если, конечно, вы не проведете здесь некоторых реформ.

— Что вы имеете в виду?— сухо осведомился Коновер.

— Ну, например, если вы обяжетесь уважать человеческое достоинство служащих фирмы, перестанете рассматривать их как заключенных или как воспитанников детского сада. Все, что сейчас происходит,— результат подслушивания моих телефонных разговоров. Пусть подобная практика вошла в обычай, я все равно утверждаю, что она совершенно недопустима. Если вы не доверяете мне, увольте меня, но не смейте шпионить за мной.

— Позвольте, позвольте!—запротестовал Коновер.— Но мы же обязаны охранять наши технические и другие секреты.

— Охраняйте на здоровье, но перестаньте шпионить за своими служащими. Сегодня вы подслушиваете наши телефонные разговоры, а что будет завтра? Завтра, быть может, вы установите микрофоны у нас в туалетах и телевизионные камеры в наших квартирах? Или заведете подробные досье не только на нас самих, но и на наших жен и детей? Вот к чему вы идете во имя так называемой безопасности фирмы! Что касается меня, то я не могу работать, зная, что за мной шпионят. Да и вообще ни один порядочный человек не может согласиться с этим.— Он посмотрел на Коновера, потом обвел взглядом остальных.— Вместе с тем я считаю, что все мы, в том числе и я сам, несем ответственность за подобный порядок. Надо было категорически протестовать. Именно это я сейчас и делаю.

Пэнн умолк, и некоторое время в комнате царило молчание. Первым заговорил Коновер.

— У меня и в мыслях не было,— начал он, откашлявшись,— лишать кого-нибудь из наших сотрудников права протестовать. Однако...

— Пожалуй,— прервал его главный инженер Вудроу,— сейчас самое подходящее время подать свой голос. Видите ли, я получил предложение от одной из фирм на севере страны, не собираюсь делать из этого секрета, тем более, что нам, как вы слышали, и не полагается их иметь, и поскольку я разделяю точку зрения Джима...

— Минуточку,— торопливо сказал Коновер.— Я не вижу причин...

— Я согласен с Джимом и Вуди,— перебил его начальник отдела снабжения.— Вы обязаны хоть в какой-то степени считаться с нашим достоинством.

— Я, правда, никаких предложений пока еще не получал,— сказал кто-то,— но думаю, что получу, когда об этом зайдет речь.

Коновер поднял руку, призывая к молчанию.

— Что это? Бунт?— натянуто улыбнулся он, в поисках союзников обшаривая взглядом лица присутствующих.

— Я полностью на вашей стороне, мистер Коновер,— с серьезной миной заявил Шоули.— Я уже давно собираюсь поставить вопрос о расширении полицейской службы на заводе. Было бы нелишне нанять дополнительно кое-кого и организовать круглосуточное наблюдение за всеми ответственными служащими и их женами

В шуме возмущенных выкриков и смеха потонул голос Коновера. В конце концов он вскочил с места и стукнул кулаком по столу.

— Я призываю вас к порядку!— крикнул он, с трудом сдерживая ярость.— Чего вы, наконец, хотите?

— Джим уже сказал,— бросил Вудроу.— Человеческого отношения. А поскольку разговор носит принципиальный характер, я предлагаю подняться наверх, к Старику, и решить вопрос у него.

Коновер просительно переводил взгляд с одного лица на другое, призывая к поддержке. Казалось, его морщинистое лицо стало еще длиннее.

— Господа, не будем терять самообладания,— хрипло пробормотал он.— Я всегда утверждал, что мы работаем дружно и спаянно. Требование коллектива — закон для фирмы...

Пэнн решил, что ему здесь больше нечего делать. Он взял со стола все три анонимки и, пока Коновер говорил, тихо вышел из кабинета. Он понимал, что Коновер, пусть временно, капитулировал, и не испытывал желания выслушивать его декларацию.

Проходя через площадку, отведенную под стоянку автомашин руководящего состава фирмы, он услышал позади негромкий гудок, и в ту же минуту около него затормозила машина. Из нее выглянул приземистый человек с круглым лицом — он никогда раньше его не видел.

— Мистер Пэнн? Я доктор Мортон. Ваша жена попала в аварию. Вы ей нужны.

— Бив?! Где она?

— В городской больнице.— Доктор открыл дверцу машины.— Садитесь, я отвезу вас.

Пэнн заколебался, но затем, криво усмехнувшись, кивнул:

— Что ж, ведь вы же доктор.

И он сел рядом с незнакомцем.

Несколько человек видели, как Пэнн уезжал из клуба, и Бив почти совсем успокоилась. Правда, теперь ее стала тревожить мысль о том, что она так грубо нарушила наказ мужа и вышла из квартиры. «Но ведь он позвонит домой и узнает, где я, а здесь, на людях, я чувствую себя в большей безопасности»,— убеждала она себя.

Бив сидела в угловой, изолированной от других, кабинке и, не дотрагиваясь до еды, внимательно следила за кабинетом директора. Она тщетно пыталась угадать, удалось ли Пэнну что-нибудь разузнать. Видимо, ничего плохого для Клива Холледея, поскольку Холледей — он время от времени попадался ей на глаза — продолжал как ни в чем не бывало заниматься своими делами, сверкая еще более уверенной, чем раньше, улыбкой. Вот он только что вошел в свой кабинет и закрыл за собой дверь.

Продолжая наблюдать за кабинетом, Бив глубоко задумалась. А если Пэнну удалось узнать, что шантажистом был именно Холледей? Но тогда почему у Холледея такой безмятежный вид? Бив безумно захотелось, чтобы Джим пришел и сказал, что все их тревоги позади и что им ничто больше не угрожает...

Они проехали высокую проволочную изгородь, окружавшую военно-морскую базу, и направились на юг. Незнакомец управлял машиной одной рукой, другая лежала у него на коленях. Всю дорогу они молчали.

— Кстати, как ваше настоящее имя?— заговорил наконец Пэнн.

— А вы сообразительный человек,— ответил незнакомец и показал Пэнну револьвер, который он держал в руке.— Можете

называть меня Тардженом. Почему вы так спокойно сели в мою машину?

— Я был убежден, что в противном случае вы застрелите меня. К тому же мне показалось, что с вами можно поговорить.

— Вам не удастся меня перекупить,— ответил Тарджен. Огни недалекой электростанции блеснули у него в глазах.— Не пытайтесь и пробовать.

— Я бы хотел задать только один вопрос,— хладнокровно продолжал Пэнн.— Каким образом вы узнали, что я Рейхо?

— Вы же знаете. Гемайл опознал вас в загородном клубе.

— Гемайл не мог сказать вам, под какой фамилией скрывается Рейхо, а членов клуба много.

— Но вас помнит Холледей.

Они проехали по путепроводу, пересекавшему железнодорожные линии товарной станции. Пэнн показал Тарджену три письма.

— Видите? Их писал Холледей. Он шантажировал меня. Нашли кому верить!

— Весьма скользкий тип этот Холледей,— пробормотал Тарджен и остановил машину на обочине дороги.— Не вздумайте выкинуть какой-нибудь фортель. Я сумею вас опередить.

Пэнн внимательно всматривался в Тарджена, пока тот при свете лампочки на приборной доске читал письма. Ничто не изменилось в его лице; пробежав письма, он вернул их Пэнну и снова вывел машину на шоссе.

— Ну так что?— требовательно спросил Пэнн.

— Письма ничего не меняют. Он знал вас как Рейхо и пытался откусить от пирога с обоих концов одновременно.

— Холледей несколько лет не видел Рейхо, да и раньше-то, по существу, не знал его. Он сам мне сказал об этом. И вы собираетесь убить меня только на основании его слов?

— Не морочьте мне голову. Ваша песен-

ка спета, Рейхо. Сюда приехала Айлин Менке, и она вас узнала. Уж она-то никак не могла ошибиться.

— И тем не менее она ошиблась. По меньшей мере один раз. Или вы не знаете, что Айлин Менке уже нет в живых?

Тарджен чуть заметно вздрогнул.

— Нет,— медленно ответил он,— этого я не знал.

— Рейхо выбросил ее из окна гостиницы. Настоящий Рейхо.

— Настоящий Рейхо — вы. Айлин Менке сама сказала мне об этом, когда увидела вас сегодня на площадке для гольфа. Послушайте, вы можете наконец помолчать?

Пэнн умолк и стал всматриваться в поблескивавшие волны гавани, по берегу которой они проезжали. Он не испытывал особого страха, только озадаченность и сильнейшую усталость. А может, Шоули

прав: у него действительно есть двойник и жизнь сыграла с ним мрачную шутку, обрекая на смерть из-за случайного сходства с другим человеком? Вряд ли могли ошибаться все — и Гемайл, и Холледей, и Менке. Ну, а если двойника нет, то как же объяснить все происходящее?

Пэнн внезапно выпрямился на сиденье, и в то же мгновение Тарджен ткнул его пистолетом в бок.

— Минутку!— воскликнул Пэнн не столько Тарджену, сколько самому себе.— Вы говорите, Айлин Менке видела меня на площадке для гольфа. И больше она меня не видела?

— Достаточно, что она видела вас, Рейхо. Видела и узнала.

— Да, но на площадке нас было двое!— почти закричал Пэнн.— Почему вы думаете, что она опознала меня, а не того, другого?!

— Кого другого? О чем вы говорите?

— О настоящем Лейле Рейхо, который сейчас скрывается под именем и фамилией Клива Холледея!

— Да вы, я вижу, совсем рехнулись,— усмехнулся Тарджен.

— Но вы только послушайте,— настойчиво продолжал Пэнн.— Холледей появился здесь примерно в то же время, что и я, то есть пять лет назад. Он не отрицает, что связан с профессиональными игроками. Предположим, что он и есть Рейхо. Здесь он нашел уютный уголок, где можно укрыться без риска встретиться с кем-нибудь из бывших знакомых. В течение пяти лет он выдавал себя за Холледея, и вдруг однажды вечером появляется Гемайл. Заметив, с какой поспешностью он покидает клуб, Холледей догадывается, что его узнали. Он выслеживает и убивает Гемайла, но уже после того, как тот предупредил кое-кого в Лас-Вегасе.

Тарджен слушал молча, он лишь несколько увеличил скорость машины.

— Слушайте дальше. Поиски обнаруженного Рейхо теперь ограничены пределами одного города, больше того, пределами одного загородного клуба. Холледей отдает себе отчет, что, хотя он и попал в трудное положение, еще не все потеряно, поскольку пока никто не знает, кем в действительности является Холледей. Он может либо снова скрыться, либо подставить гангстерам кого-то другого. Не следует забывать, что он тоже профессиональный игрок, привыкший к риску. Он решает, что сможет спокойно прожить остаток своей жизни, если, приняв участие в поисках Рейхо, направит их по ложному следу и убедит гангстеров из Лас-Вегаса, что им в конце концов удалось найти и ликвидировать Рейхо. Но для этого надо было найти кого-то, кто мог бы сойти за него. Физического сходства не требовалось: я ведь вовсе не похож на Рейхо,— нужны лишь некоторые совпадающие данные: принадлежность к клубу, примерно тот же возраст, то же время пребывания в Калифорнии и так далее. Таким неудачником оказался я.

Тарджен по-прежнему молчал. Вдали показался лес нефтевышек.

— Разве это не убедительно? Весьма на руку Холледею было и то обстоятельство, что в Лас-Вегасе он прожил всего несколько недель и там его никто сколько-нибудь близко не знал. Вместе с тем он был уверен, что ни один из обманутых им игроков не рискнет появиться здесь, чтобы устранить его, что они подошлют наемного убийцу, а наемный убийца не мог, конечно, знать его в лицо. Так перед Рейхо встала единственная сложная проблема: человек, присланный гангстерами для его опознания. Им оказалась Айлин Менке. Она, естественно, никак не могла принять меня за Рейхо, и в этот момент Холледей пошел на крайний риск. Он устроил так, что Айлин увидела нас — его и меня — одновременно. Холледей поставил на карту все, лишь бы создать у вас впечатление, будто Айлин Менке опознала меня, хотя в действительности опознала Холледея.— Пэнн покачал головой.— Весьма хитроумный план. Холледей убил Менке, прежде чем она смогла указать вам настоящего Рейхо — самого Холледея. Ну, а вы должны были тем временем «позаботиться» обо мне.

Машина проходила среди ажурной паутины вышек, подступавших к самой дороге.

— Предположим,— кивнул Тарджен.— А письма? Если вы не Рейхо, зачем Холледею понадобилось шантажировать вас?

— Эти письма имели совсем иную цель, чем вымогательство: Холледей пытался меня запугать. Это же понятно. Мне кое-чего недоставало, чтобы сойти за Рейхо, я вел себя вовсе не как человек, вынужденный что-то скрывать. Письма должны были вынудить меня на поступки, способные показаться подозрительными, и, надо сказать, сделали свое дело. Раньше я никогда не оглядывался, никогда не интересовался, следят за мной или не следят. Да, письма сделали свое дело, но Холледей перестарался. Если бы не его письма, я бы ни о чем не догадался, пока... пока не оказалось бы слишком поздно.

Тарджен остановил машину. В нескольких ярдах перед ними лежал темный прямоугольник нефтеотстойника.

— Выходите,— тихо сказал Тарджен.

Пэнн уставился на него.

— Но разве вы не убедились, что я говорю правду?

— Выходите,— повторил Тарджен.

Пэнн машинально повиновался. Он стоял на грязной обочине и в ожидании неизбежного даже не пытался бежать, понимая, что это бесполезно.

Но «неизбежное» так и не наступило.

— Обратно вам придется добираться пешком,— бросил Тарджен. Он развернул машину на узком полотне дороги и, включив самую высокую скорость, помчался обратно.

Чувствуя, что ноги едва держат его и что весь он покрылся испариной, Пэнн неподвижно наблюдал, как постепенно исчезают вдали огоньки стопфар.

Пэнн не знал, сколько времени простоял так. Его привел в себя свет мчавшегося к нему автомобиля. Машина с резким скрипом затормозила около него, и Пэнн увидел за рулем Шоули.

— С вами все в порядке?— крикнул он.— А где тот, другой?

Пэнн, чтобы не упасть, схватился за ручку дверцы.

— Он отпустил меня.

— Я все время не сводил с вас глаз, но, когда выходил из лифта в конторе, вы уже садились в его машину. Я связался с полицией, и сейчас все дороги перекрыты. Примерно через полмили вы бы натолкнулись на одно из заграждений.

Пэнн посмотрел на нефтеотстойник, наполненный черной грязью.

— По-моему, он и не собирался ехать дальше.

— Как, по-вашему, куда он мог направиться?

Пэнн быстро уселся рядом с Шоули.

— Скорее всего, в наш загородный клуб.

Шоули был опытным водителем, прекрасно знал дорогу, и все же прошло не меньше получаса, прежде чем покрышки машины заскрипели по гравию, которым была посыпана площадка перед клубом. Они бегом поднялись на крыльцо.

Сидевшая за столиком в вестибюле Бив вскочила, едва заметив их.

— Где ты был?!

— Ты видела Холледея?

— Он у себя в кабинете. Я наблюдаю за ним.

— У него кто-нибудь есть?

— Нет, не думаю. Хотя... Несколько минут назад к нему зашел официант... Куда вы?

Но Пэнн и Шоули уже бежали к кабинету директора. Распахнув дверь, Пэнн в первое мгновение подумал, что они поспели вовремя: Холледей сидел за письменным столом и смотрел на вошедших. Но он не видел их, он вообще ничего не видел. Он был мертв. Окно позади него было открыто.

Бив вскрикнула от ужаса, и Пэнн силой вывел ее в вестибюль.

Почти тотчас же из кабинета вышел Шоули и закрыл за собой дверь. Собравшиеся в вестибюле зеваки вытягивали шеи, пытаясь заглянуть в комнату.

— Сейчас приедет полиция,— тихо сказал он Пэнну.— Но Рейхо это уже не поможет.

— Тарджен?

— Он далеко не уйдет, за ним гонятся. Мечется, наверно, от страха, как загнанный пес.

— Сомневаюсь. Он не показался мне трусом.

— Ну, вам виднее, вы же теперь можете выступать в роли эксперта по мужеству. Еще бы! Поехать в машине с человеком, который намеревался вас убить!

— Джим! Это правда?!— чуть не задохнулась от волнения Бив.— Ты же обещал мне...

— Какое же тут мужество?—пожал плечами Пэнн.— Просто уверенность в своей правоте.

Перевел с английского
Ан. Горский.

КАК МЫ УБИВАЛИ ВРЕМЯ

Рассказ

Н. БАЖЕНОВ

Это произошло в заурядный, будничный день, когда до ближайшего воскресенья еще оставалось четыре томительных дня, а уж до красных чисел в календаре и говорить нечего, целая пропасть времени — одним словом, был вторник 15 ноября. Все шло нормально, своим чередом. Трудяга Пронякин, как обычно, принимал в своем углу по телефону от районных наших отделений информацию о проделанной работе. Потом суммировал полученные данные и передавал по телефону же в облконтору. Остальные сотрудники городской конторы, включая и вашего покорнейшего слугу, тоже трудились в меру сил: кто писал письмо тетке в Кострому, кто рассказывал соседу по столу свежий анекдот, а кто рассуждал на тему о том, что неудачи «Спартака» преходящи и он еще себя покажет.

И вот тогда-то один из нашей, далеко не великолепной, семерки с оживлением стал рассказывать, что вчера был в гостях и познакомился там с интереснейшей игрой.

— И мы, знаете, так увлеклись ею,— восторженно воскликнул говоривший,— что опоздали на последний автобус и тащились пешком на другой конец города.

Рассказ произвел впечатление, поскольку заполнение тягучих служебных часов, как вы, наверное, уже догадались, было для большинства присутствующих проблемой номер один. Мы окружили коллегу и попросили его рассказать о новой игре подробнее.

— Правила игры несложные. Вы пишете на бумажке имя, безразлично, женское или мужское, потом придумываете к этому имени окончание, чтобы в итоге получилось какое-нибудь название. Например: Миша-ловка, Сеня-кос, Света-фор. И так далее. Победитель тот, кто больше таких слов напридумает.

Лица у всех разочарованно вытянулись.

— Не очень-то интересно,— хмыкнул счетовод Семен Иваныч Костяшкин.— Не стоило из-за такой ерунды опаздывать на последний автобус. Да я вам за десять минут подобных словообразований сколько хотите наскажу. Успевайте только записывать. Вот, пожалуйста: Эля-ватор, Беня-диктин, Мотя-роллер, Моня-кюр, Бася-ножка, Филя-телия... Хватит?

— Кстати, о филателии,— вздохнула картотетчица Мошкина,— у меня муж собирает марки и буквально трясется над ними. Такой сделался фаня-тик!

Общий смех. Каждый задумался, и потом все поочередно стали выкликать свои слова. Я еле успевал записывать: Валя-рьянка, Коля-ворот, буже-Нина...

— Стоп! — закричал Костяшкин.— Думаю, так будет неправильно. Нарушен сам принцип игры: сначала имя, а уж потом добавление.

После долгих и горячих споров мы пришли к заключению, что можно играть и так: сначала добавление, потом имя. Никакого нарушения принципа игры здесь нет.

После обеда игра возобновилась и шла до конца служебного дня. Утром схватки продолжались с новой силой. Со всех столов гремело:

— Поля-ризация.
— Аня-нас.
— Зина-веска.
— т-Игорь-в клетке.
— гипер-Тоня.

Когда раздавался телефонный звонок, Пронякин поспешно хватал трубку, торопливо ронял в нее: «У нас экстренное совещание, позвоните через три часа»,— и с треском кидал ее на рычаг.

Рабочих часов нам стало не хватать, и мы нередко задерживались по вечерам, объясняя своим домашним, что выполняли, мол, срочное задание облисполкома. Начальство, узнав, что наши окна чуть ли не каждый вечер бывают ярко освещены, терялось в догадках. Однако последовать примеру чеховского сановника Пересолина, то есть лично удостовериться, чем именно занимаются их подчиненные в столь позднее время, оно не догадалось, а приняло решение прислать к нам инспектора.

И вот однажды к нам заявился сотрудник областной конторы Чижиков. Пронякин волей-неволей вынужден был оторваться от игры и давать ему какие-то сведения. Но в комнате борьба шла с прежним упорством. Сначала чужого человека стеснялись, выкликали свои словообразования вполголоса, но потом увлеклись и орали громче вчерашнего.

Пронякин подошел к нам, укоризненно покачал головой.

— Воздержались бы хоть немного,— понизив голос, сказал он,— ну, что о нас человек подумает? Ведь товарищ Чижиков проверять нас пришел.

Но Чижиков услышал эти слова и вмешался в разговор.

— Извините, ради бога,— виновато сказал он,— но я очень прошу вас продолжать вашу увлекательную игру. Меня вы можете не стесняться, я сам, как только мы уточним несколько цифр, охотно приму в ней участие. Прошу записать мой первый взнос: «Галя-Ваня-пластика».

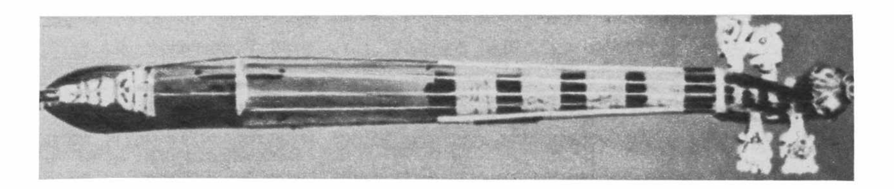
ЗАБАВНЫЕ

ФАНТАЗИЯ ЗИМЫ

Перед вами очередная выдумка природы. При помощи снега, воды и мороза она создала портрет человека.

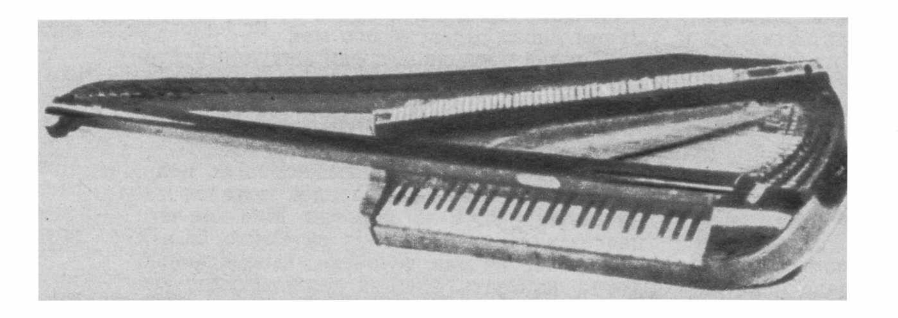
Фото Г. Лискерева.

КАРМАННАЯ СКРИПКА

Говорят, что под звуки этой скрипки, которая изображена вверху, учился танцевать Гете. Скрипка настолько мала, что ее носили в кармане фрака. Это оригинальное изделие хранится в Национальном музее Венгрии. Там же можно увидеть еще несколько музыкальных инструментов-малюток. Рояль, что на втором снимке, умещается на ладони.

ТАКОЕ НЕ ЗА ГОРАМИ

Женщины и не подозревают, какой сюрприз готовят им законодатели мод. Один римский гример считает, что в недалеком будущем глаза модниц будут обрамлены черно-белыми или цветными квадратами, напоминающими шахматную доску.

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ДАЧА

В Париже на одной из выставок демонстрировался комфортабельный летний домик, сделанный из прочной и непромокаемой синтетической ткани. Дача легко разбирается и перевозится на новое место.

ПРИКОВАННЫЕ КНИГИ ▶

На фото изображена старая библиотека Херфурдского собора в Англии. В ней все сохранено, как и в прежние годы. Тогда книги были настолько дорогими, что их приковывали цепями к полкам. Читали книги, стоя у стеллажей.

И действительно, он проиграл с нами целый вечер, а утром доложил начальству, что у нас все в полном порядке.

Сколько времени продолжала бы лихорадить нас эта эпидемия, сказать затрудняюсь. Но однажды...

Был тот самый день, который только формально числится рабочим, а фактически в течение него никто о своих служебных обязанностях и не помышляет. Мы, разумеется, не стали изнывать в нетерпеливом ожидании, а, забросив в шкафы и ящики столов папки с бумагами, занялись своим привычным делом — игрой. Время было предпраздничное, в мозгах наших роились сотни удачнейших комбинаций. Тем более что предстояло подвести первые итоги наших достижений, увенчав победителя лаврами и памятным призом — купленной в складчину фарфоровой балериной.

Мы кричали и шумели, как на базаре, даже интеллигентнейший Чижиков, который с того дня каждый вечер приходил к нам. Украдкой я произвел предварительный подсчет и чуть не задохнулся от радости: получалось, что фарфоровая балерина определенно будет моя. Если, разумеется...

Леденящий душу вопль заставил нас всех вздрогнуть и вскочить с места. Насмерть перепуганные, мы уставились на Мошкину. Та дрожащей рукой указывала на часы. Мы остолбенели. Часы показывали без четверти двенадцать.

Быстрой молнии подобный, сорвал я с вешалки пальто и, напяливая его на ходу, ринулся вперед по улице, обгоняя автобусы, мысленно рисуя выражение лица супруги, с которой мы договорились встречать Новый год за городом у знакомых. Следом за мной, навзрыд рыдая, неслись Мошкина, Чижиков и другие игроки. Люди, шарахаясь в стороны, соболезнующе говорили нам вслед:

— Бедняги! Как долго на работе людей задерживают!

Но я не обращал внимания на реплики, а рвался вперед из последних сил.

Через пятнадцать минут — Новый год!

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

Электрон

Однажды англичанин Томсон, соотечественник знаменитого физика Эрнеста Резерфорда, исследуя газовый разряд, обнаружил поток отрицательно заряженных частиц.

Сообщение о своем открытии Томсон сделал на собрании Лондонского королевского общества 29 апреля 1897 года. «Уважаемые джентльмены! — обратился Томсон к своим коллегам.— Я имею честь ознакомить вас со своими последними работами, которые позволили мне установить, что мельчайшим носителем электричества является корпускула [1]. Мне было бы весьма лестно, если бы вы разделили мое глубокое убеждение в существовании этой корпускулы и одобрили метод и результаты моих исследований по ее обнаружению. Я призываю вас также поддержать предложение о присвоении этой корпускуле названия «Электрон»...»

Прося членов королевского общества утвердить электрон в своем «звании», Томсон имел в виду увековечить имя английского физика Д. Стони, который еще в 1891 году дал имя «электрон» гипотетической частице, предугаданной Гельмгольцем.

Название это не было случайным. Простейшие электрические явления знали уже в глубокой древности. Греки «электроном» называли янтарь, а он при трении, как известно, «электризуется», начинает притягивать к себе легкие предметы. Поэтому уже издавна с янтарем связывалось представление об электричестве.

Кстати, из тех же соображений от древнегреческого «электрон» было произведено еще в 1600 году слово «электричество». Автором его является англичанин Уильям Гильберт, создатель научной теории электричества и магнетизма.

Э. ВАРТАНЬЯН

[1] Слово латинское, означающее «тельце», «мельчайшая частица».

МИР ВЕЩЕЙ

История галош

Индейцы из бассейна реки Амазонки намного раньше стали носить резиновую обувь, чем европейцы. Делали они непромокаемые туфли, используя натуральный каучук дерева гевеи. Человек подставлял свои ноги под текущий каучук, через некоторое время жидкость затвердевала, и готовые галоши легко снимались с ноги.

Примерно во второй половине XVIII века резиновые изделия привезли в Северную Америку. Жителям континента понравилась новинка, и они стали закупать большие партии галош. Только покупателей не устраивало, что резиновая обувь была одного размера. Американцы предложили изготовителям галош различные деревянные колодки.

Галоши, какие носят сейчас, стали делать после открытия процесса вулканизации каучука, в 1839 году.

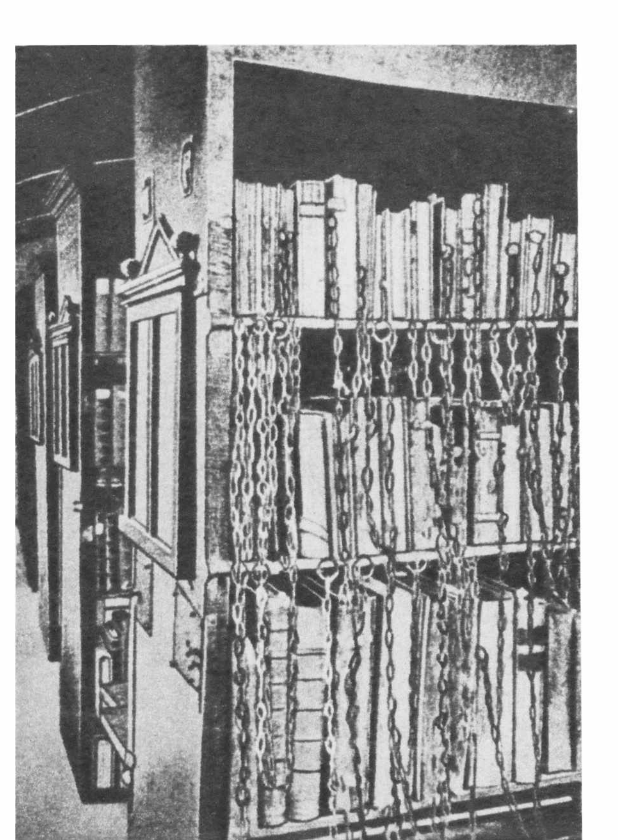
Б. РЖЕВСКИЙ

мелочи

СМОТР УСОВ

В итальянском городе Салерно состоялся фестиваль усачей. Как выяснилось, на земном шаре сорок процентов мужчин носят усы. Всего на свете существует 250 разных видов усов. Победителем фестиваля оказался 74-летний Грили. Его усы хотя и не столь длинные, но очень густые.

ЦВЕТЫ ФИПСУ

Всегда веселый шимпанзе Фипс, живущий в Дрезденском зоопарке, вдруг загрустил. Как выяснилось, он тяжело заболел. После успешной операции Фипс снова в хорошем настроении. Поздравить Фипса с выздоровлением пришел директор зоопарка профессор Ульрих.

НЕВКУСНЫЙ КРОКОДИЛ

Жители местечка Виндам на севере Австралии почувствовали, что вода из водопровода имеет какой-то неприятный привкус. Как выяснилось, в небольшом водохранилище, снабжавшем водой поселок, поселился четырехметровый крокодил.

РЫБЫ, БЕРЕГИТЕСЬ РОБЕРА ТЭССА!

Щуки, караси, сомы и карпы считают самым хитрым своим противником инструктора по физкультуре Робера Тэсса. Он француз, ему 51 год. Недавно на международных соревнованиях в Румынии Тэсс в третий раз завоевал звание чемпиона по рыбной ловле. В течение трех часов с помощью восьмиметровой удочки ему удалось поймать в Дунае 11 рыб, весящих три с лишним килограмма.

Интересно, что до тридцати лет Тэсс ни разу не брал в руки удочку. Он жил тогда недалеко от Парижа, на берегу реки Марны. Както один из его друзей случайно оставил дома у Тэсса свои удочки вместе с червями. Тэсс взялся поудить только для того, чтобы провести время. Через час вокруг него было полно рыбы. Тэсс увлекся.

Теперь уже страстный рыболов испытывает различные способы ловли, читает всевозможную литературу о рыболовстве. Все снаряжение он делает сам и ежедневно ведет дневник.

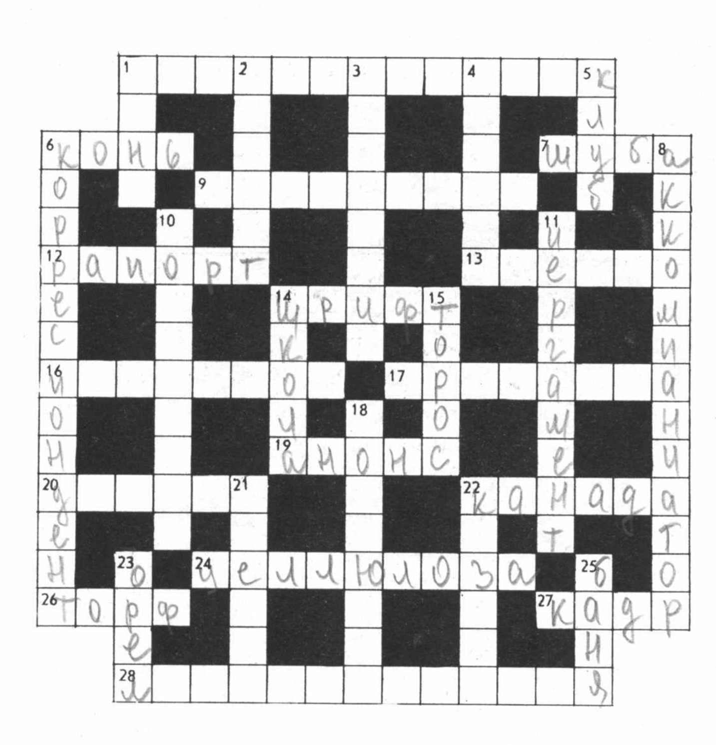
У Тэсса есть свои секреты. Накануне соревнований он вместе с женой отправляется на болота, где водятся особые черви. Тэсс помещает их в переносный холодильник и выезжает в различные страны на соревнования. Однажды итальянский таможенник на границе конфисковал этот холодильник. И вот результат: на чемпионате мира, состоявшемся в Италии, Тэсс занял лишь третье место.

Он очень успешно выступает на мировых чемпионатах. Трижды Тэсс завоевывал первые места, один раз занимал второе и три раза — третье место. Он недоволен только тем, что до сих пор ему не удавалось стать чемпионом Франции. На последнем первенстве страны, проходившем в августе этого года, Робер Тэсс был лишь седьмым. Но он не очень огорчился. Ведь первое место занял его сын Жак Тэсс.

И еще одна подробность: чемпион никогда не ест рыбы. Свой улов он или раздает, или возвращает рекам.

Международный чемпионат по рыбной ловле.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Город в Свердловской области. 6. Шахматная фигура. 7. Зимняя одежда. 9. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 12. Донесение. 13. Прозрачный материал. 14. Начертания букв. 16. Картина А. К. Саврасова. 17. Гренландский тюлень. 19. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 20. Созвездие северного неба. 22. Государство в Северной Америке. 24. Сырье для бумажной промышленности. 26. Вид топлива. 27. Отдельный снимок на киноленте. 28. Раздел языкознания.

По вертикали:

1. Французская писательница. 2. Река в Азии. 3. Чертежный инструмент. 4. Остров в Эгейском море. 5. Культурно-просветительное учреждение. 6. Сотрудник газеты, журнала. 8. Музыкант. 10. Жанр устного поэтического творчества. 11. Оберточная влагонепроницаемая бумага. 14. Произведение А. Гайдара. 15. Ледяная глыба. 18. Курорт в Италии. 21. Персонаж комедии А. Н. Островского «Горячее сердце». 22. Пушной зверек. 23. Хищная птица. 25. Пьеса В. Маяковского.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:

7. Карнавал. 8. Шахматов. 9. Олово. 10. «Жатва». 11. Нумизматика. 14. Карандаш. 16. Баталист. 17. Гарин. 20. Серенада. 22. Сардиния. 24. Перекладина. 26. Стека. 27. Ларек. 28. Бельэтаж. 29. Акрополь.

По вертикали:

1. Понтон. 2. Спаржа. 3. Барограф. 4. Мастика. 5. Палатка. 6. Контраст. 12. Умножение. 13. Краснодон. 15. Шкала. 16. Блисс. 18. Секретер. 19. Мистраль. 21. Джейран. 23. Авдотка. 24. Пальма. 25. Алупка.

●

На первой странице обложки: Рисунок Ю. Черепанова.

На последней странице обложки: Череповецкий металлургический завод.
Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 0-14-70; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02137. Подписано к печати 22/XII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 3449. Тираж 1 850 000. Изд. № 2085.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Мой детсад!
— Нет, мой...

Рисунок В. Воеводина.

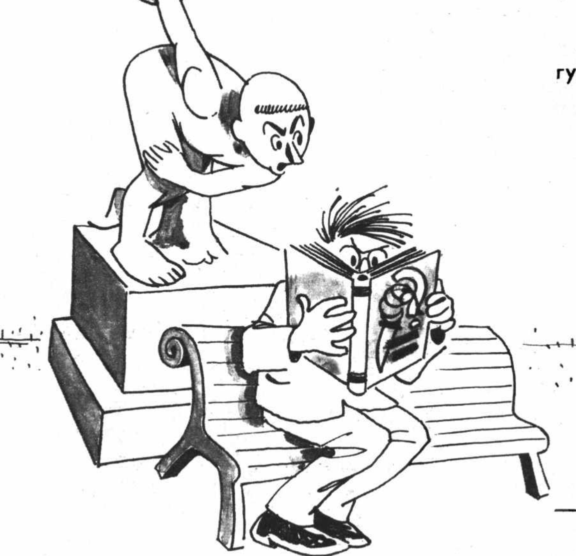
— Бабуся, слетай-ка за «Столичной».

Рисунок Г. и В. Караваевых.

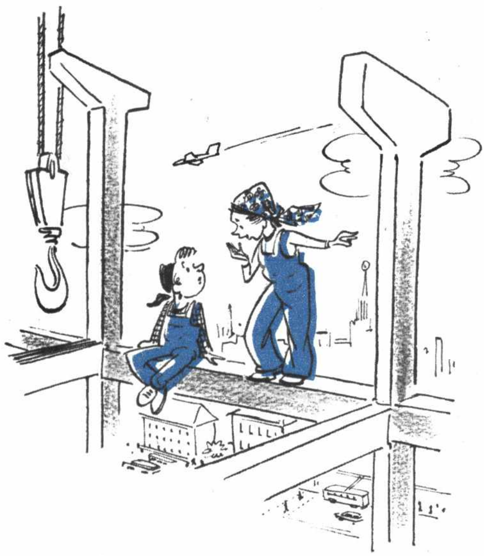
— А мне обещали роль Снегурочки.

Рисунок В. Тамаева.

— Вот это детектив!

Рисунок Б. Боссарта.

— В цирке вчера была. Ох и страшно смотреть на канатоходцев!

— Сам таблицу умножения не учишь и зверя с толку сбиваешь!..

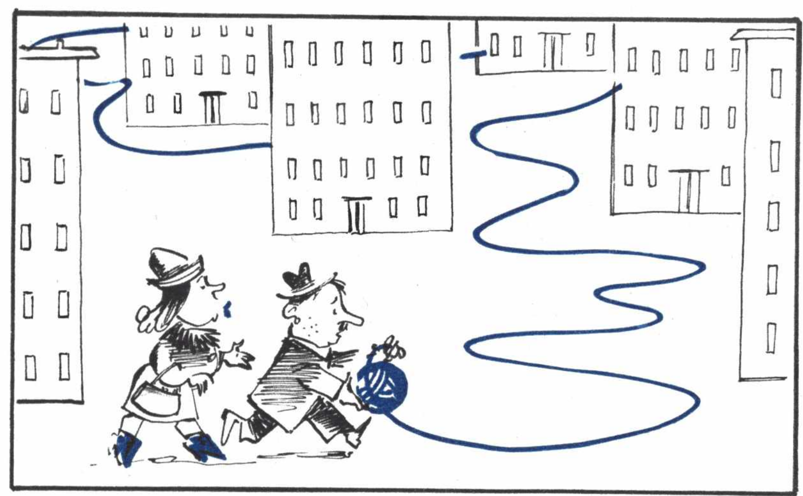
Рисунки В. Черникова.

По следу.

Новогодний тир.

— Когда же ты наконец запомнишь новый адрес?

Рисунок Г. и В. Караваевых.

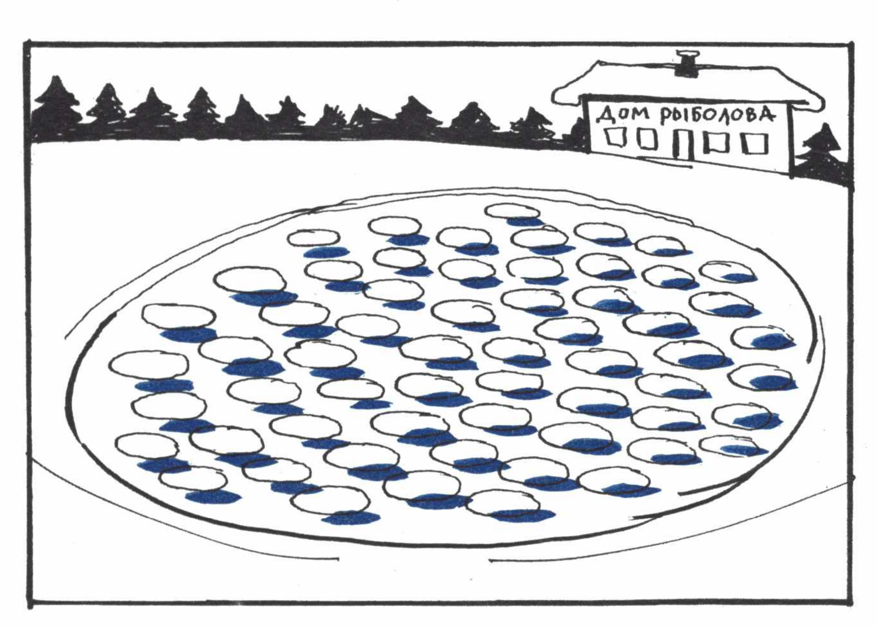

— На свадьбу?
— Нет. На охоту.

— Извините, я опять забыл дома ребенка.

Рисунок В. Воеводина.

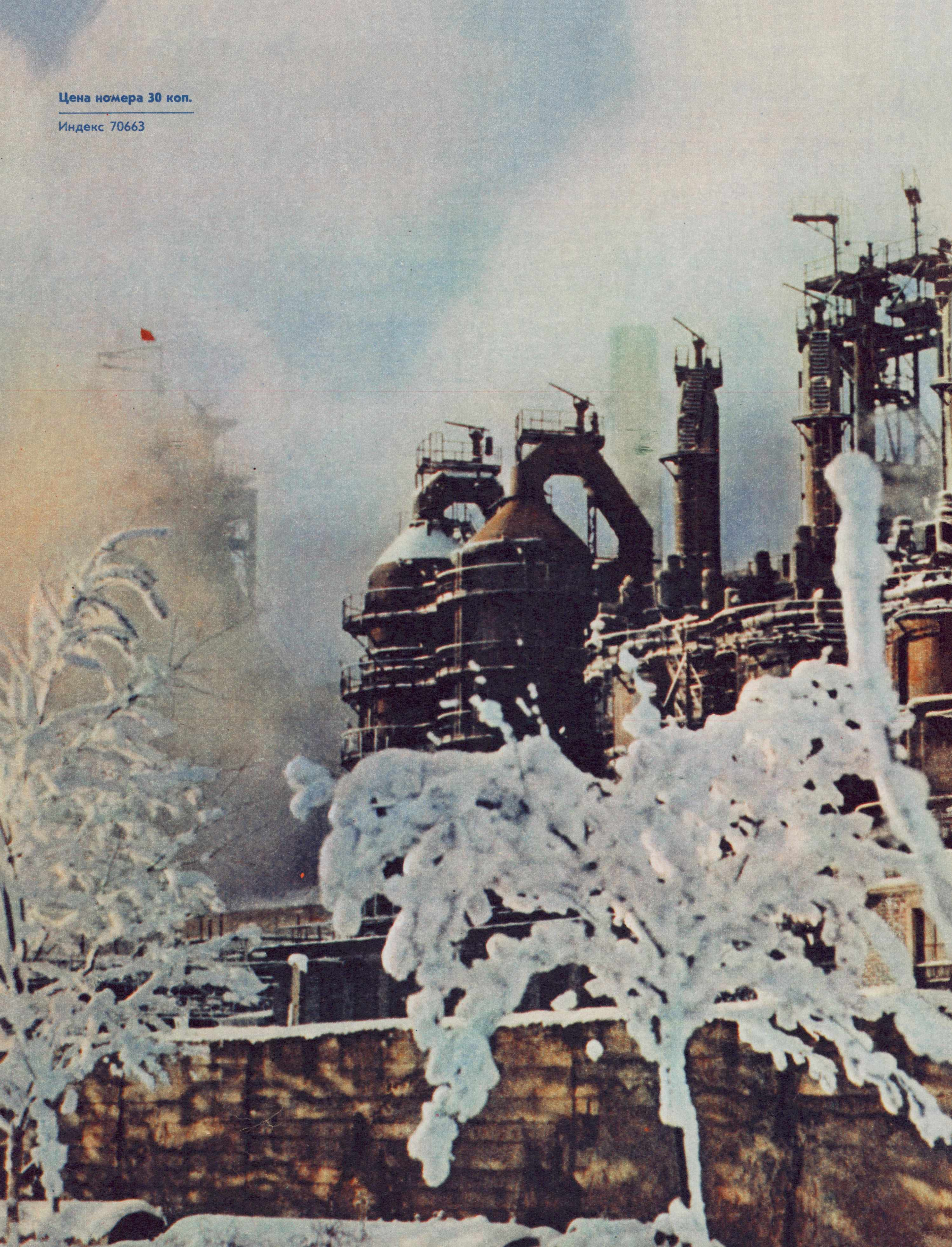
Вид на озеро после воскресенья.

Рисунок В. Жаринова.

Перестраховщики.

Рисунки И. Сычева.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663